

Аркадий Лапидус

*Ещё в раннем детстве я не мог спокойно усидеть на стуле
и всё время падал с него. Поэтому меня иногда привязывали к нему...*

Повести весёленьких лет

Я – вечно молод!

СОДЕРЖАНИЕ

Школьные годы чудесные...

(Ты, да я!)

ЦАРЕВНА-ЛЕБЕДЬ	4
НАСТАВНИК	7
ФЕНОМЕН	13
ФИЛАТЕЛИСТЫ	16
СЛЕДСТВЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ	22
АЛЛО, ЗЕЛЁНЕНЬКИЕ!	26
ОСОБЫЙ ПОДХОД	30

*Юность бушует,
как весенние воды...*

УТРО ПЕРВОГО ДНЯ.	34
ТИХИЙ ЧАС, ВЕЧЕР И ПЕРВАЯ НОЧЬ.	35
ДЕЖУРСТВО.	37
АЛЬ КЕПОНЕ.	39
ПЕДАГОГИКА ИЗНУРЕНИЯ.	42
МАРШ АПОФЕОЗ.	44
ЛЮБОВНЫЙ ОТЛУП.	51

*Жизнь – это самый
серьёзный предмет...*

ОПЯТЬ ВЛЯПАЛСЯ!	52
СЕЛЬХОЗУДОВОЛЬСТВИЯ.	54
ДАР ПРОКЛЮНУЛСЯ!	60
“НЕТ РОМАНТИЗМУ! ЗАКУСКА НЕ ТА!..”	63
УЗНИК СОВЕСТИ.	66
ФИЗКУЛЬТ-ПРИВЕТ!	69
К МОСКОВСКИМ ЗВЁЗДАМ!	72
УЧАРАЛЬСКИЕ РАДОСТИ.	77
ТЬМАТАРАКАНЬ.	83
“СКОРАЯ”.	88
ДУРДОМ.	94
ЖЕНИТЬБА.	101
АЙ-ЧУЧУЧУ-ДЫГЫДЫГЫ-ДЫН!	104
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ.	107
ЗЕЛЬДИН.	109
ШЕФСКИЙ ВЫЕЗД.	111
РЕПКА.	113
ВЕЛИКИЙ РЕФОРМАТОР.	115
ПИОНЕРСКИЙ ТЕАТР САТИРЫ И ЮМОРА.	117
ТУРКСИБ.	119
БАМ.	122
ЧУДЕСА НА ПОЛЧАСА.	127
РАЗВОД.	130
ПЕРЕСТРОЙКА.	135
РЕСТОРАН.	140
ЛЕТАЮЩИЕ ЙОГИ.	144

*Письма в будущее или
“Любимец Израиля”*

ГАБИТУС.	148
С БОЛЬШОЙ БУКВЫ.	150

ПУТИ ГОСПОДНИ.	153
НЕПОНЯТКА.	155
ШАБАТ.	157
МАСКИ	161
ДАМЫ.	167
МИФЫ.	172
ДЕРЖИТЕ УРОВЕНЬ, ГОСПОДА!	178
РОМАНС СВИРИДОВА.	180
ИСКУШЕНИЕ.	182
САМЕЦ!	182
ПРЕТЕНЗИИ НИЩЕГО ПОПРОШАЙКИ.	186
ГОЛОС.	189
В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО.	190
ТРИ ВЕДРА ДЕРЬМА.	191
КАТОРГА.	194
ЛЕСТНИЦА В НЕБО.	199
СЧАСТЬЕ МОЁ.	202
ЗВЕРОСКОТИНИЗМ.	207
КТО-ТО ПАШЕТ, КТО-ТО ЕСТ!	213
ДИССЕРТАЦИЯ.	219
ИЗБРАННЫЕ.	223
ПЕСНЬ АБАЯ.	227
ФИГА.	247
ДОРОГА В РАЙ.	249

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ну и жара! Последние капли воды вылил на голову и они тут же испарились. Говорят близится ледниковый период и это лучше, чем сегодняшнее глобальное потепление. Но по моему и то и другое – дрянь! Золотая середина – вот музыка Моцарта, лучше которой нет ничего на свете! И дышится легко и живётся радостно... Жизнь на Земле потому и существует, что она в золотой космическо-планетарной середине находится. А хочешь экстрима – пожалуйста! Чуть-чуть в сторону и... полные штаны! Тем более, что и хотеть-то особенно не надо – это добро сыпется так, что только поворачивайся!..

– Ширк! Ширк! Ширк!.. – скребёт щётка по почти расплавленному асфальту и где-то за углом, в тени, прячется в засаде надсмотрщик Асаф.

Моя израильская мечта о тихой и независимой дворницкой работе, где никто не мешает глубокому мыслительному процессу, наконец-то осуществилась. Но пока как-то слишком далеко от золотой середины. Вместо одного участка навалили ещё три и грозятся, что и это не предел. За один мне платят, а три в свои карманы рассовывают. Те, кто с ивритом знакомы, как-то отбрёхиваются, а мне нечего сказать – я на всю жизнь русскоязычный и только похожий на еврея. А впрочем, кто его знает! Жена говорит, что с национальностью моей русско-

украинской мамы не всё до конца ясно. Томара Лазаревна Иващенко – это очень подозрительно!.. Особенно – Лазаревна!.. Ну, ей виднее – у неё интуиция! Хорошо, что мой родной отец – Липидус Наум Аркадьевич не вызывает кривотолков! Тут для неё всё ясно! Тут попадание в точку! Никаких сомнений!.. Вот и подметаю вместе с мусором, собачьим дерьмом идохлыми кошками (их здесь тьма!) свои, сомнительные для кого-то, воспоминания...

Мой сосед – Хазанов (не тот, который “Ха-ха-ха!”, “Хи-хи-хи!” – и артист Геннадий, а Вадим Хазанов) – уролог высочайшей квалификации, тоже не очень-то из шоколада выглядывает. В Москве он был – номер один, а тут... Нет, он работает по специальности – всё таки и иврит высидел и доктор медицинских наук, но зарплата ниже, чем у аборигенов и пенсия будет соответственная. Да что там говорить! Не одинок я в своих эмиграционных достижениях!..

– Как узнать настоящего еврея... да и любого ЧЕЛОВЕКА с большой буквы? – спросил он на днях меня и, не хуже своего прославленного тезки-юмориста, сам же и ответил: – По кресту! Каждый несёт свой крест!..

Школьные годы чудесные...

(Ты, да я!)

От рассказчика

Все истории, которые вы прочтёте здесь, не выдуманы. Вот так и было! Мне давно уже говорят – «Напиши про то, что у нас случилось в школе и дома. Слог, мол, у тебя хороший!». Вот я и написал. Даже потом сценки для школьных постановок получились. Но это мои первые опыты. Так что не это... как его... Не обессудьте! А чё? Моё несовершенство - не дефект! Это – путь! Не знаю, как там насчёт слога, но то, что я сам не сахар и вообще многим не блещу – это точно! Есть правда и почище меня в этом отношении, но и я тоже не особенно... Вот Витька – это да! Витька – это вообще!.. И это не потому, что он мой друг. Хотя, если по правде, то и поэтому. Не зря же слово “Victoria” переводится как – победа, а слово “Victor” – победитель! Но вы сами всё узнаете, когда прочтёте. И если вам понравится, то я ещё и не такое могу рассказать!

ЦАРЕВНА-ЛЕБЕДЬ

Мы с Витькой сидели в актовом зале и ждали руководителя школьного вокально-инструментального ансамбля. Новенькая шестиструнная гитара так и подпрыгивала в руках друга. Целых три аккорда знал Витька, и это позволяло ему аккомпанировать всем песням, романсам и ариям, расположенным в миноре.

– «Ещё три в мажоре выучу и всё!» – гордо заявлял Витька, когда обнаруживал, что какая-то очередная песня или ария не вкладывается в его незаконченное музыкальное образование.

– Примут меня в ансамбль, а?

– Ещё бы! – восхищённо восклицал я и думал о том, как морочат голову людям, говоря, что музыке нужно учиться и учиться.

Вот сидит передо мной не Паганини, не Моцарт, а простой ученик обыкновенной средней школы и вся музыка ему подвластна!

Запутавшись в очередном мажорном произведении, Витька махнул рукой и лихо запел нашу любимую:

– “Ты да я, да мы с тобой! Ты да я, да мы с тобой! Здорово, когда на свете есть друзья!”

– “Если б жили все в одиночку, то уже давно б на кусочки развалилась бы, наверное, земля!” – подхватил я.

Спели мы, значит, песню и размечтались о том, что хорошо бы было, если бы все дружили и никто никому на мозги не капал.

– Да-а, хорошо бы было! Только вот с такими девчонками, как Люська всё равно ничего невозможно сделать! – с горечью протянул Витька, когда мы начали обсуждать вероятности контакта с девчонками.

– Это верно, – согласился я. – Люська – это у-у!

Дело в том, что нам житья не было от Люськи Красиковой. Мать Люськи была школьной подругой матери Витьки, и поскольку и Люська и Витька родились в один год, то их всё время сравнивали. Причём не в Витькину пользу. И ходить-то Люська начала раньше, и разговаривать. И кушала больше! А когда оба пошли в школу, то тут начались совершенно непереносимые муки. Люська сразу стала отличницей и взяла Витьку «на буксир». А так как я уже с того времени был другом Витьки, то и мне доставалось.

– Если бы с уроками не приставала, то ещё можно было бы как-то терпеть... – продолжал рассуждать мой друг, и я вдруг ни с того ни с сего вспомнил, что глаза у Люськи синие и смеётся она заразительно.

– А какие, по-твоему, должны быть девчонки? – спросил я и сделал равнодушное лицо.

– Какие-какие! Ну, вот, например... как у Пушкина!

Моё равнодушие как ветром сдуло.

– У Пушкина? Ну-ка, ну-ка!

– Ну-ка, ну-ка! – передразнил меня Витька и, приняв позу, задекламировал – «Днём свет божий затмевает, ночью землю освещает!».

– «Месяц под косой блестит. А во лбу звезда горит!» – подхватил я и загорелся.

Эти стихи я знал ещё с раннего детства.

– «А сама-то величава. Выступает, словно пава!» – продолжает Витька.

– «Сладку речь-то говорит – будто реченька журчит!» – поспешил я продемонстрировать свою прекрасную память.

Последнюю строчку мы с Витькой проговорили одновременно, и это получилось так красиво, что у меня аж слёзы навернулись.

– Вот повезло Гвидону! – сказал Витька и сел.

– Да-а, с такой не пропадёшь. Волшебница! – согласился я. – Чего не захочешь – всё сделает! Правой рукой взмахнула – это!левой взмахнула – то! А в походе и фонарика не надо. И звезда тебе тут и месяц!..

Витька снова взял гитару, и волны универсального трёхаккордного арпеджио закачали нас.

– Странный этот Гвидон какой-то! – сказал друг. – Нашёл что спрашивать! То в комара его преврати, то в шмеля. Вот я бы... в отличника превратился!

– А я бы – в чемпиона! – торопливо вставил я и напряг свои дряблые мышцы.

– А я бы... – хотел ещё что-то добавить Витька, но в это время дверь актового зала тихонько, как у Пушкина, закрипела и вошла Люська.

– А-а, вот вы где! – сказала она и по-хозяйски, пройдя прямо на сцену, начала вытаскивать из портфеля учебники и складывать их на стул.

– Вот те на-а! – обиженно протянул Витька и набычился.

– Вечно ты не вовремя! – поддакнул я.

– Как это не вовремя? – удивилась Люська. – Завтра контрольная по математике и мне с вами позаниматься надо. А то опять двоек нахватаете. Еле нашла вас...

– Иди-иди отсюда! Без тебя обойдёмся! – вдруг выкрикнул Витька и замахнулся на Люську гитарой.

– Ой! – сказала Люська и попятилась.

– Действительно! Вот ещё благодетельница нашлась! – обрадовался я Витькиной смелости.

Люська озадачено заморгала своими длинными как штaketник ресницами.

– Да как вам не стыдно! Я же помочь хочу... – растерянно пробормотала она.

– Ты бы ещё в автобусе книжки разложила! – хмыкнул Витька и начал запихивать учебники обратно в Люськин портфель. – Иди-иди! Не мешай! Мы заняты!

Я бросился помогать Витьке. Вмиг портфель был наполнен и защёлкнут. Угрожающе размахивая гитарой, Витька теснил Люську к двери, и, остервенело, цедил сквозь стиснутые зубы:

– Иди-иди... Нигде от тебя покоя нет...

– Да вы что? Вы что? Меня же твоя мама просила... – слабо сопротивлялась Люська и, пятясь, защищалась от гитары портфелем.

– Давай-давай! – вдруг взвизгнул я так неожиданно громко, что даже сам испугался.

Люську как метлой вымело.

– Ну, ты силён! – удивлённо сказал Витька и пожал мне руку. – Теперь долго не заявится. Тоже мне – царевна-лебедь! По маминому велению, по папиному хотению!

– Да-а, – протянул я и приободрился. – Настоящую бы царевну-лебедь сюда! Вот тогда бы пятёрки по контрольным были бы обеспечены! Давай! Нашу!

И мы снова запели: «Ты да я, да мы с тобой! Ты да я, да мы с тобой! Здорово, когда на свете есть друзья!»...

НАСТАВНИК

Наш актовый зал никогда не пустует. Стоит забыть запереть дверь изнутри, как тут же кому-то он нужен позарез. Как-то раз только мы захотели с Витькой расположиться здесь, как следует, и побряцать на пианино, как с грохотом и топотом ввалился Мишка из десятого “А”.

– Родные вы мои, любимые, дуйте отсюда, дуйте! – запричитал он и неизвестно зачем начал передвигать с места на место кресла.

Мишка всегда был какой-то очень уж шибутной. Говорят, что уже с первого класса от него покоя не было. А теперь, когда его пригласили в районный комсомольский штаб, он просто совсем забегался. То там мелькал, то тут. То он в драмкружке какие-то указания даёт, то приветствие каким-нибудь шефам наяривает, то дискотеку ведёт, то с директором санитарное состояние школы проверяет. На учёбу, конечно, времени уже не остаётся. С тройки на тройку

перебивался Мишка, но никто как-то не обращал на это внимания, и он всё равно считался самой передовой и знаменитой личностью в школе.

– Ну, чего стоите, родные вы мои, любимые? – уже раздражённо повторил Мишка и прибавил: – Ну! Я тут мероприятие проводить буду!

Ну, мы и вышли. А что ещё оставалось делать?

– Ага! Наконец-то! Идите сюда, родные вы мои, любимые! – снова послышалось из зала, и мы уже хотели войти обратно, но были отодвинуты в сторону двумя девчонками из восьмого «Б».

– Да проходите вы сюда, родные вы мои, любимые! – повторил Мишка нетерпеливо и как-то даже зло, и дверь захлопнулась перед самым нашим носом.

– Интересно, что они там будут делать? – изумился Витька и прилип к замочной скважине.

А так как второй скважины не было, то я прилип сбоку.

– От чего это я улыбаюсь, знаете? Что это мне так радостно, кумекаете? – с какой-то обидой в голосе продолжал Мишка.

– Да откуда нам знать! – ответила одна из девчонок.

– Говори быстрее, времени нет, – сказала другая.

– Ой, бриллиантовые вы мои, а у кого оно есть? – печально протянул Мишка. – Ни у кого его нет. А теперь совсем не будет. Комитет комсомола доверил нам шефство над пионерами!

– Ой, ой, ой... – заохала первая.

– Как вам не стыдно, вы же комсомолки! И, кстати, вчерашние пионерки! – возмутился Мишка. – На своей шкуре, чай, испытали как без шефов-то!

– Да ничего... – вяло протянула вторая.

– Вот именно ни-че-го! А надо чтобы ого-го! – назидательно вымолвил Мишка и продолжил: – Вот чтобы было ого-го, мы сейчас с вами тут кое-что отрепетируем и айда вон к таким малявкам, что сейчас здесь ошивались!

Мы у двери аж подпрыгнули.

Это нас-то малявками обозвали!

Дверь качнулась и заскрипела.

– Вползаем как разведчики! – зашипел мне в ухо Витька. – Нашёл тоже малявок, комсюк...

И мы вползли в зал и спрятались между рядами. Отсюда хоть и не очень хорошо, но всё-таки лучше было видно происходящее. Мишка, скрестив руки, восседал на стуле, а девчонки, одна из которых была тёмненькая, а другая светленькая с прескучными физиономиями пощипывали край занавеса.

– Что репетировать-то? – спросила та, что посветлее.

– Всё! Всё нужно репетировать! – ответил Мишка. – Мы теперь с вами эти... как их?.. Надставники! Ой, нет... как-то по-другому...

– Подставники! – подсказала та, что потемнее.

– Да, подставники! – машинально повторил Мишка и запнулся. – Ой, нет... как это?..

– Подсвечники! – подсказала та, что посветлее и фыркнула.

– Правильно, подсвечники! – согласился Мишка и тут же возмутился: – Да что вы меня путаете? Наставники! Конечно же, наставники!

– Ну, наставники. Ну, и что? – равнодушно протянула та, что потемнее.

Мишка аж захлебнулся.

– Как что? Как что? – закричал он. – Это ответственно или не ответственно? Я вас спрашиваю?

– Ну, ответственно. Ну и что? – зевнула та, что посветлее.

– А то, что раз это ответственно, то мы, прежде чем идти к подшефным будем моделировать ситуацию, – сказал Мишка и развалился на стуле, как барин. – Вот, смотрите, я как будто пионер, а вы пришли меня обслуживать. Ну, чего встали? Выходите и как будто входите. Ну, поехали! Рраз, два, три! Рраз, два, три!

Мишка захлопал в ладоши, а девчонки замаршировали сначала к кулисе, а потом обратно.

– Ну, вошли, – сказали они и остановились прямо за Мишкой.

– Что вошли? – возмутился тот. – Обслуживайте! Шефствуйте!

– Это что, гладить что ли? – спросила светленькая.

– Зачем гладить? Детей нельзя гладить. они сразу же на шею садятся. Вы меня нагружайте. Поняли?

– Поняли, поняли! Чем только?

– Чем-чем... А чем нас нагружают? Поручениями! Вот давайте входите ещё раз, и сразу же меня нагружайте. Ну, поехали-и! Рраз, два, три! Рраз два три!

Девчонки замаршировали к кулисе и что-то там застряли.

– Ну, чего вы там? – нетерпеливо крикнул Мишка, и девчонки тут же замаршировали обратно.

Та, что потемнее, прятала за спиной ведро, и физиономии у обеих были презагадочные.

– Ну, сейчас они ему устроят!.. – зашипел мне на ухо Витька.

Действительно, девчонки решили разыграть комедию. они встали по обе стороны от Мишки, заломили руки и начали смотреть на него так, как будто бы впервые увидели.

– О-о, пионер сидит! – изумилась та, что посветлее.

– Давай на него навалить! – пропела другая.

– Не наваливать, а нагружать! – гордо и сквозь зубы процедил Мишка.

– Правильно, нагружать, – согласилась светленькая. – Нагружай!

И тут же другая девчонка вскинула ведро и вытряхнула на голову Мишки мусор.

Мишка выпучил глаза и вскочил.

– Э-э! Вы что? – закричал он. – Я же просил поручениями!

– А мы и поручаем тебе убрать класс, – успокоила его светленькая.

– А-а, ну это другое дело... – растерянно забормотал Мишка. – Это, значит, вы тоже моделируете?

– Ну конечно моделируем, – подтвердила тёмненькая. – Ты теперь убирай, а мы будем тебе мораль читать.

– Это ещё зачем? – не понял Мишка.

– Как зачем? Так всегда полагается! – энергично заверила та, что посветлее и приняла позу поучающего.

– А-а, ну тогда давайте, – кивнул головой Мишка и начал собирать рассыпанный на полу мусор. – Раз моделируем, значит моделируем...

– Вот-вот, – подтвердила светленькая и прискрипучим голосом начала: – Мора-аль номэр один! «Нэ ссори-и!».

Та, что потемнее, откинула назад голову, задрала подбородок и, вытянув руку, ткнула указательным пальцем прямо в спину ползающего Мишки.

– Мора-аль номэр два-а! «Убирай, как следует!» – пропела она с каким-то завыванием и носком туфли этак презрительно подбросила прямо к Мишкиному носу скомканную бумажку. – Вот тут бомажечка-а. Не видишь что ли, лопу-ух!

– Сама ты лопух, буркнул Мишка и выпрямился. – Ну, кто ж так мораль читает? Мораль надо читать так, чтоб аж до костей продирало. Вот слушайте!

Мишка встал, вытряхнул из ведра собранное и, не обращая никакого внимания на «ой!» девчонок, сказал:

– Вы сейчас будете собирать, а я вам прочту мораль. Давайте, собирайте! Моделируем, моделируем!

Девчонки ошарашено переглянулись, пожали плечами и... начали собирать. Мишка же сел на стул, откинулся на спинку, вытянул ноги и буравя указательным пальцем правой руки воздух и, тыча им в конце каждого слова в сторону ползающих, начал:

– Бездельники!.. Разгильдяи!.. Неряхи!.. Лоботрясы!.. оболтусы!.. Кочерыжки!..

Последнее слово вырвалось по инерции, и Мишка испуганно зажал рот рукой.

Девчонки аж взвизгнули.

– Какие кочерыжки? – закричали они.

– Ну, ладно, ладно... Вырвалось... – замахал руками Мишка и сразу же ринулся в атаку. – В общем, как читать мораль вам ясно. И как убирать тоже. Не как вы, а лучше!

Мишка подобрал бумажку и кинул её в ведро.

– Теперь моделируем какое-нибудь другое поручение, – сказал он.

– Интересно, какое? – остывая, буркнула тёмненькая.

– Какое, какое! – взвился Мишка. – Что, мало их? Поручите, чтобы учились хорошо! Или чтобы родителей слушались! Ну и учителей тоже можно...

– А что тут моделировать? Тут опять можно ругнѐй отделаться, – сказала беленькая и, загибая пальцы перечислила: – Бездельники, разгильдяи, неряхи, лоботрясы и оболтусы.

– Правильно! Усвоили наконец-то! Универсальный метод! – обрадовался Мишка.

– А если не подействует? – засомневалась тёмненькая.

– О-ой! – заскрежетал зубами Мишка. – Тогда кричите громче. Вот так: бездельники, разгильдяи, неряхи, лоботрясы, оболтусы!

Ударив, как хлыстом, последним словом, Мишка неожиданно затряс руками и заорал так, что мы съёжились за сидениями, а девчонки сбежали со сцены:

– И к директору! К директору! Поняли? Директором угрожайте! Или родителями! Или детской комнатой милиции! Тюрьмой, наконец! Не знаете что ли, как это делается? Ну, никакого соображения! Бездельники, разгильдяи, неряхи, лоботрясы и оболтусы!!!

– Псих! – закричали девчонки. – Чего на нас-то набросился? Подшефные мы тебе, что ли?

– Хуже! – продолжал ещё громче Мишка. – Те пусть попробуют поспорить! А от вас только и жди! Того и гляди начнёте!..

– Да мы ещё и не... – хотела перекричать Мишку тёмненькая, но не тут-то было.

– Молчи, молчи! – обрезал он. – Знаю я тебя!

Да ты что?.. – попробовала светленькая.

– И тебя знаю! – резанул Мишка. – Бездельница!

– Я?

– Конечно!

– А я? – закипая, как самовар, запыхтела подруга.

– И ты тоже! – рубанул рукой воздух Мишка.

– А ты? Ты-то сам? – в голос завопили обе.

– И я тоже! – крикнул Мишка и осёкся. – Ой, нет! Я шеф! Мне поручили подсвечничать... Ой, нет... как это?..

– Подставничать! Тебе поручили подставничать! – язвительно саданула та, что посветлее.

– Да нет же... – заметался Юрка. – Как это?..

– Как это, как это! Надставничать! – подхватила та, что потемнее.

– Да-да, надставничать! То-есть нет... заставничать... То-есть... Да что вы меня опять путаете! Наставничать! Поняли? На-став-ни-чать!!!

Мишка аж затрясся.

– Ну и наставничай! Пошли, Катя! – сказала та, что потемнее и, подхватив подругу, направилась к выходу.

Мишку как в прорубь опустили. Из красного он стал белым.

– Э-э, вы куда? – забормотал он и пошёл за девчонками. – Мы же моделируем только... Вы что, чокнулись?..

– Сам чокнулся! – выкрикнула светленькая и выскочила из зала.

Тёмненькая же задержалась и, чеканя каждое слово и обливая его самым змеиным ядом, пропела:

– Бездельник! Разгильдяй! Ннеряха! Лоботряс и оболтус!

Дверь хлопнула. Мы сидели ни живые, ни мёртвые. Если бы Мишка сейчас ещё и нас бы обнаружил, то, наверняка бы, лопнул.

– Сами вы бездельники! То есть бездельницы! – выкрикнул он отчаянно и умолк.

– Ой, что это я... они же действительно не подшефные... – заговорил он через некоторое время более или менее нормально и прямо на глазах стал меняться.

– С ними же по-другому надо... – продолжал он и оттаивал. – Ну-ка, моделируем улыбочку!

Лицо Мишки расплылось как резиновое в широчайшую и наиглупейшую улыбку, а руки распахнулись, как ворота стадиона.

– Родные вы мои, любимые, бриллиантовые! – выкрикнул он и сделал танцевальный прыжок вправо. – Родные вы мои, любимые, бриллиантовые! – повторил он и прыгнул влево.

После этого, видимо почувствовав себя снова в форме, Мишка скомандовал сам себе «И-и, пошёл!» и периодически выплёвывая «Родные вы мои, любимые, бриллиантовые!» запрыгал из зала.

Мы ещё некоторое время сидели, не шелохнувшись, а потом постепенно вылезли.

В зале стояла удивительная тишина...

Ф Е Н О М Е Н

Наверное, в каждой школе найдётся хоть один ученик, который всё время что-то жуёт. У нас тоже есть такие. Но Затыка даже среди них феномен. И феноменальность его в том, что кроме постоянного чего-то жевания он ещё ко всему кроме себя абсолютно равнодушен. Абсолютно! Куда его родители смотрят – не знаю, а нам так и смотреть на него не хочется. Витька его даже йогом обозвал. Прирождённым! Они – йоги, говорит Витька, в своём учении до такого равнодушия доходят, что если рядом кто-то гибнет – руки не подадут. Каждый, мол, должен сам выкарабкиваться. Не знаю, правда это или Витька что-то не так понял, но если

ждать когда Затыка руку подаст, то точно ноги вытянешь. А против йогов я лично ничего не имею. Гимнастика у них мировая! И вообще меня Затыка раздражает, а не йоги. Те далеко, а этот рядом.

Сидим мы как-то на уроке истории, почитываем очередной параграф и вяло так записочками перебрасываемся. У Гермагеновны – учительницы по истории, зуб разболелся, и она задала нам самостоятельную работу, а сама ухватила за щеку и стонет. Да так стонет, что половина класса тоже за зубы хватается. Один Затыка жуёт и посмеивается.

Витька смотрел, смотрел на него да не выдержал:

– Вот человек! Ну, бары-бер! Неужели ничего нет такого, от чего бы он вздрогнул?

– Конечно – нет, – говорю я. – Что ты его не знаешь!

– У-у, жвачное! – продолжил возмущаться Витька. – Не-ет, я всё-таки попробую... Сейчас вот... Кукушкину подговорю!

И он начал писать записку Кукушкиной.

Та была полной противоположностью феномену.

Все самые последние небылицы и сенсации были известны ей. Кукушкина просто захлёбывалась, когда рассказывала о чём-нибудь и надоедала нам постоянно. Но мы особенно не обижались. Не всё же, что она рассказывала, было выдумкой!

После урока Витька и Кукушкина сразу же побежали за Затыкой. В столовую! Я за ними. Когда я вбежал, Затыка уже успел выпросить у поварихи старый сухой бублик и теперь грыз его с наслаждением.

– Эй, феномен, иди сюда! – позвала Затыку Кукушкина.

– Ну, чего ещё? – недовольно промямлил тот и нехотя вышел из столовой.

– Чего-чего! Вчера снежного человека по телевизору показывали. Видел?

– Видел. Ну и что?

Витька как бы невзначай тут же поддержал Кукушкину.

– Да-да, я тоже видел. Лохматый такой!

– Подумаешь! – пожал плечами Затыка и осторожно начал зубами прощупывать очередной кусок бублика.

– Ишь какой... бережёт зубки-то... – подумал я и, не выдержав, вмешался в разговор. – А ты знаешь, наши космонавты с инопланетянами встретились.

– Точно, – подхватила Кукушкина. – Нам тоже про это папин знакомый лётчик рассказывал.

– Ну и что? – равнодушно сказал Затыка.

Витька сразу куда-то исчез и тут же появился снова.

– Эй, феномен! – задыхаясь, как от быстрого бега, выпалил он. – Пойдём с «бешниками» в футбол сыграем!

– Не пойду!

– Да кончай ты жевать, нам одного человека не хватает!

– Отстань! Бери его! – указал на меня Затыка и захрустел бубликом.

– Да у него нога болит, – сказала Кукушкина. – Витька, мы тут про инопланетян разговариваем. Представляешь, наши космонавты их на станции чаем поили!

– Да ты что! – как будто страшно удивился Витька. – И какие они?

– Вроде людей, но только маленькие, – опередил я Кукушкину.

– Но это секрет! – сделав большие глаза, предупредила Кукушкина.

– Вот здорово! – как будто ещё раз очень удивился Витька и, подмигнув мне, опять убежал.

– Подумаешь! – буркнул Затыка и собрался идти в раздевалку.

– Да пожди ты, подожди! – задержала его Кукушкина. – А ты слышал про то, что двух бессмертных нашли? Представляешь, они ещё с первобытного общества живут и всё-всё видели!

Я аж присел. Такого мне никогда не придумать!

– Ну и что? – сказал Затыка

– Как что? – возмущился я. – Наверное, все учёные всполошились?

– Ещё бы! – подтвердила Кукушкина.

– А зачем? – пожал плечами Затыка.

– А затем, – не выдержал я, – что солнце и всё остальное опять вокруг земли вертится!

– Ну и что? – сказал Затыка.

– Как что? Да неужели тебе и это всё равно? – теперь уже не выдержала Кукушкина.

– Подумаешь!.. – сказал Затыка.

– О-ох, сил моих больше нету! – застонала Кукушкина и уже хотела уйти, но тут, как будто неожиданно появился Витька.

Я видел, как он зорко наблюдал за происходящим из-за спин, проходящих ребят.

– Ребята! – закричал он. – Мы у «бешников» в футбол выигрываем! Один – два в нашу пользу!

– Ура-а! Молодцы мальчишки! – запрыгала Кукушкина и изобразила на своём лице радость.

– Ну и что? – сказал Затыка.

Витька зашипел как компрессор, и выдал последнее:

– А то, что в связи с тем, что завтра из нашей школы будет проводиться телерепортаж про наши спортивные успехи, уроки для нашего класса отменяются! Только что классная объявила!

– Ура-а! – закричал Затыка и убежал.

– Наконец-то... – безрадостно сказал Витька.

– Феномен! Почтище инопланетян... – вздохнула Кукушкина.

– И живут же на земле такие... – махнул рукой Витька и мы пошли в столовую.

Кушать хотелось зверски...

ФИЛАТЕЛИСТЫ

Коллекция – это тогда хорошо, когда она может друзей собрать. Заглянуть с ними в прошлое и будущее. Кругозор расширить... А когда только себе да побольше, да в уголке втихаря полубовался и спрятал, так зачем это нужно? Я думаю первых коллекционеров всё-таки больше, чем вторых, хотя в нашем классе есть несколько заядлых и все как на горе вторые. Так уж получилось! То ли они друг от друга набрались, то ли ещё от кого, но эти вообще какие-то особые. Ну, где вы видели, чтобы в нашем возрасте дети по магазинам шастали, дефициты высматривали и приценивались? А эти шастают... Да и разговоры у них какие-то пыльные – про барахло, да про барахло. Тоска!..

И вот этим-то «деловым» поручили организовать в классе какое-нибудь полезное для всех дело. Взрослым же вечно некогда! Откуда им знать, что они за люди? Вроде бы энергичные, серьёзные... Да и родители какие-то там... где-то... В общем, контора солидная. Так Витька говорит. Он хоть по магазинам не бегает и ничего не собирает, но кое в чём не хуже их разбирается.

Собрались, значит, эти наши коллекционеры – Генка, Кайрат, Анжелка и Машка после уроков в классе, вытащили японский магнитофон, врубили музыку и ждут, когда мы с Витькой закончим пол мыть. Мы как раз в этот день дежурные по классу были. Музыка чистая, отличная. Субтропическая какая-то. Витька даже назвал её сюжетной. Так, говорит, и, кажется, что Амазонка журчит, а от бунгало пирога отчаливает. И вокруг по берегам всё магнолии да голубые иксии цветут. А в воде сплошь аллигаторы, аллигаторы... Здоровые такие, как брёвна.

– Живут же люди! – заслушался я не то Витьку, не то музыку.

– Сельва! – щёлкнул языком Витька.

Кайрат как увидел, что мы заслушались, так сразу магнитофон выключил.

– Кончайте уборку! Вы нам мешаете! – говорит.

– Это ещё неизвестно кто кому мешает! – сразу окрысился Витька.

– Да пусть скоблят! Жалко, что ли? – капризно оттопырила губки Анжелка.

Машка и Генка молчали, и Кайрат махнул рукой. Дело в том, что все они знали, что с Витькой особенно связываться не стоит. Очень вспыльчив он и в гневе спуску не даёт никому. Даже мне иногда попадает. Тем более что друг мой ходит на дзюдо, а я в свободное время, в основном, ангиню.

Махнул этак, значит, Кайрат рукой в нашу сторону и начал:

– Директриса сказала, что пора нам кипеть, бить ключом и браться за дело. Мол, хватит в собственном соку вариться!

– Ничего себе! – сказал Витька, а я от удивления даже пол перестал мыть.

– А что? – сказала Анжелка. – Давайте откроем в нашем классе клуб интернациональной дружбы!

– Ого! – говорит Витька.

И только он это сказал, как вступил Генка:

– Светлая мысль! И вам, и нам! Письма, письма... Из Аргентины, из Канады, с островов Зелёного мыса... Приходят письма, а на них марки!

– Правильно! – подхватила Машка. – У меня знаете, какая коллекция!..

– Так мы тебе и дали! – усмехнулся Кайрат.

– Да-да! Марки только отличникам! Как поощрение! – объявила вдруг Анжелка и гордо нос вздёрнула.

Машка аж подпрыгнула.

– Ишь ты, какая хитрая! – закричала она. – Если ты единственная в классе отличница, так всё тебе?

– А кто тебе мешает? Хочешь марку – становись отличницей!

И тут как прорвало. Все заорали, как на восточном базаре. И громче всех заорал Генка, так как осенило в нужную сторону всё-таки его.

Мы с Витькой переглянулись и взялись за швабры.

Наконец, когда уже невозможно было разобрать, кто что кричит, осенило Кайрата.

– Стойте, стойте! – заорал он ещё громче, чем Генка. – Марки будем делить поровну!

Стало тихо. Только мы стучали швабрами, да какая-то птичка насвистывала за окном.

– Как это поровну? – растерянно начал Кайрат. – Они же не одинаковые приходить будут. У меня есть целый блок канадских – мне их больше не надо. А вот с берега слоновой кости ни одной.

– Со мной поменяешься! Мне как раз канадские нужны, – успокоила его Анжелка.

– А у тебя что?

– Два берега слоновой кости!

– Беру!

– Как это ты берёшь? Почему? – возмутился Кайрат. – Мне может быть слоновая кость во как нужна! Кость я беру! Моя кость! А ты взамен получишь перуанские!

– Да что ты лезешь со своими перуанскими! – в свою очередь набросилась на Кайрата Анжелка. – Он со мной уже поменялся!

– Когда поменялся, когда? – изумился Кайрат.

– Только что! И не лезь не в своё дело!

– Стоп, ребята, стоп! – замахала Машка руками. – Не будем зря спорить. Марки все собирать будем?

– Все! – сказали все.

– Вот и хорошо. А раз все собирать будем, то давайте составим список. Кому, какие нужны, в ту страну и запрос направим, чтоб высылали.

– Молодец Машка! – похвалил Генка. – А значки выписать можно?

– Не знаю...

– Значки в конвертах не посылают. Для этого бандероль нужна, – вздохнул Кайрат.

– Так в чём дело! Пусть бандероль и высылают! – обрадовался новой своей гениальной идее Генка.

– Правильно! И пусть календарики вышлют! – подхватила Анжелка.

– И переводные картинки! – вставила Машка.

– И фломастеры! – добавил Генка.

– И конфеты-ы! Импортные... – качнувшись в сторону, протянул Кайрат.

– Вот олухи! – кричит им Витька. – Для конфет-то посылка нужна!

– А что им стоит посылку отправить в знак дружбы? Конфет им, что ли жалко? – отвечает ему Анжелка, а Кайрат добавляет:

– Да и какое твоё дело! Моешь пол и мой себе!..

– Верно, Витька, – говорю я другу. – Пусть подавятся своими конфетами! Давай пол домывать! Немного осталось...

– Подожди... – отталкивает он меня. – Чего это они разгоношились?..

– Да ладно... Ну их!.. – сказал я так, что Витька плюнул и тут же вытер свой плевок тряпкой.

Филателисты же продолжали. Машку теперь уже осенило такой идеей: пусть те, говорит, что за границей живут, в посылку и сувениры всякие положат.

Анжелка как услышала это, так даже запрыгала.

– Правильно, правильно! – закричала она. – И уж если сувениры, то только отличникам!

– С чего это вдруг! – удивился Генка.

– Да-да! Как награду за отличную учёбу! – кривя губы, ответила Анжелка.

Тут Машка вскочила, упёрла руки в боки да как рявкнет:

– Да?

– Да! – рявкнула Анжелка и тоже вскочила.

– Да?

– Да!

– Да сядьте вы, сядьте! – посадил обеих Кайрат. – Если уж на то пошло, то вы хоть знаете, какие сувениры бывают?

– Известно какие. Игрушки всякие... – протянул Генка.

– Это с какой стороны подойти! Тебе, например, кажется, что это игрушка, а вообще-то сувениром может быть любая вещь. Например... фотоаппарат!

– Ого! – удивились все.

– Морской бинокль!

– Ну да! – поддразнил Витька.

– Вот тебе и “Ну да”! Даже автомобиль может быть сувениром!

– Ой, ой, ой! Дураки! Для автомобиля-то контейнер нужен! – сказал Витька.

– Контейнер-то контейнер, а вот как делить-то будем? – продолжила свою песенку Анжелка.

– А что тут делить? – сразу же нашёлся Кайрат и очень довольный откинулся на спинку стула. – Организуем лотерею. Кто выиграет, тому и достанется.

– Да!.. Да!.. В таком деле лотерее довериться? – давась, заорала Анжелка и опять вскочила. – Чтобы автомобиль какому-нибудь двоечнику достался? Ни-ког-да!

– А причём здесь оценки?.. Ишь чего захотела... – начала подниматься Машка.

Анжелка насупилась и вдруг как стукнет по столу кулаком:

– Моё!

– Моё! - заорала Машка в ответ.

Кайрат попытался и на этот раз разнять девчонок, но видя, что ничего не получается тоже вдруг заорал:

– Моё! Моё!

Ну и Генка не выдержал.

– Моё! Моё! Моё! – орал он громче всех и прыгал вокруг стола.

– Жадина! – вдруг присев, и ткнув пальцем в Анжелку, выкрикнул Кайрат.

– Сам жадина! – тут же отпарировала Анжелка.

– Сама жадина! – закричали все и ткнули пальцами в Анжелку.

Анжелка отскочила и заткнув уши заорала так, что у нас чуть было не выпали из рук швабры:

– Са-ми вы жа-ди-ны!!!

– А-а! – опять закричали все, и Витька снова плюнул в сторону этого балагана и опять ширкнув шваброй пошёл к двери.

Ну и я за ним потопал, так как пол мы уже домыли.

– Ну и гадюшник! – сказал Витька уже за дверью. – Пойдём, водички похлебаем!

– Попили мы из фонтанчика и вернулись, чтобы забрать орудия труда. И как раз в это время дверь класса открылась, и вышел весь красный Генка. За ним – Анжелка.

– Наконец-то... – сказал Генка.

– Отмучались, слава богу... – пробормотала Анжелка.

Появилась Машка, а за ней Кайрат.

– Организовали клуб-то, марочные? – подковырнул Витька.

– Делать что ли больше нечего... – отмахнулась Машка.

– Тут выспаться-то не успеваешь... – добавила Анжелка.

– Автомобиль? Автомобиль-то как же? – опять ковырнул Витька.

– Да ну тебя! – огрызнулся Генка. – Сам катайся!

И все ушли.

– Я же говорил... – сказал Витька. – Нашли, кому поручать!..

И мы пошли развешивать тряпки.

СЛЕДСТВЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Всю жизнь меня тянуло к искусству. И понял я это тогда, когда нас с Витькой пригласили принять участие в спектакле. Но если я сразу почувствовал себя тут на своём месте, то Витька не бросил это дело только из-за меня. Ему не понравилось. Тут уж, как говорится, любви не прикажешь! А девчонки, которые этот спектакль ставили, как специально не мне главную роль дали, а ему. Плечи, говорят, у него как у героя. И двигается он очень сценично. Надо же! Я лично никогда этого не замечал. Двигается человек и двигается! По-моему я тоже не хуже его это делаю...

Кроме нас в спектакле были заняты ещё несколько мальчишек, но всё внимание девчонки сконцентрировали на Витьке.

Витька долго терпел, пока они заставляли его кланяться и реверансы всякие выделять. Но когда они стали заставлять его петь «Прекрасны вы как свет зари, о мадемуазель! Портфель таскать, пальто подать позвольте мне скорей!», он не выдержал. Он бросил шляпу и сказал:

– Не буду я играть в вашем дурацком спектакле!

Я сразу заорал:

– Я буду играть, я!

Но девчонки сказали, что для меня у них припрятана самая изюмистая роль – роль комика в жизни.

Ну, за что, а? Нет, я вас спрашиваю – за что? Неужели я похож?

Пока я так рассуждал, девчонки как-то уговорили Витьку в последний раз попробовать. Теперь уже не он, а они делали реверансы и пели на мотивчик из оперетты “Сильва”:

Ничего, что ты случайно

Мне попал портфелем в глаз.

Ты отважный, ты отчаянный!

Самый лучший ты у нас!

Это Витька вытерпел. Ещё бы! Потом девчонки стали объяснять ему и всем нам, что они не просто так ставят спектакль – для развлечения, а хотят показать всем, как плохо быть некультурным и как хорошо быть вежливым. Витька им говорит, что это ему ни к чему. Итак, все культурные и вежливые.

– Ничего подобного, – говорят девчонки. – Многие страдают отсутствием культуры.

– Кто страдает? – удивился я. – Я, например, совсем от другого страдаю. От её присутствия!

– Не суди по себе! – говорят девчонки. – Ты вообще какой-то ненормальный. А нормальные мальчишки все грубияны!

– Значит я ненормальный? – возмутился я.

– Ненормальный! – говорят девчонки.

Ну, тут уж я обиделся не на шутку.

– Если, – говорю, – я такой ненормальный, то кому нужно, чтоб все были такими культурными?

– Нам надо! – говорят девчонки.

– Так вот я – берите!

– А ты нам не нужен!

– А кто же вам нужен?

– Немножечко такой как ты, – говорят, – а во всём остальном, такой как Витька!

Тут уже возмутился Витька.

– Почему это, – говорит, – вы только немножечко его берёте, а меня всего?

– Настоящий друг! – подумал я... и сам себе позавидовал.

Тут все зашумели, заспорили... В общем, жарко стало, и кто-то залез на подоконник, чтобы открыть форточку. А когда спрыгивал, толкнул кого-то. Тот толкнул другого. Другой следующего...

И заварилась каша...

Злее всех оказались девчонки. Не знаю почему, но так уж получилось. Они сразу же напали на нас и не успели мы сообразить, в чём дело, как между нами и ими разгорелась самая настоящая битва. У нас это часто так бывает – раз! - и все дерутся. А почему и из за чего никто и не помнит.

– Бей их! – кричит самая до битвы вежливая.

– Портфелем её, портфелем! – орёт кто-то из наших.

Пыль столбом!

И, главное, опять всё внимание на Витьку. Теперь тот сразу от четверых отбивается.

Я как увидел, что вокруг такая каша началась, так сразу к двери отбежал, чтобы тыл прикрыть.

– Ну, их... – думаю. – Заденут невзначай – опять ангинить придётся...

И только я так подумал – меня ка-ак стукнут! И именно по шее. Я – брык, да как заору:

– Перемирие! Перемирие!

Все, наверное, решили, что задавили меня, так как драться перестали. Дышат тяжело и на меня смотрят. И ничего не могут понять.

Я поднимаюсь и кричу: «Стойте, стойте! Давайте разберёмся кто первый начал?

– Зачем? – удивляются все.

– А затем, – говорю, – чтоб выяснить первопричину.

– Чего-о? – спрашивают все.

– Следственный эксперимент проведём – вот чего! У меня дядя в милиции работает, так я в этом деле не одну собаку съел!

Вру, конечно, но шея-то болит. Надо же как-то внимание переключить, а то опять сцепятся, и ещё больше накостыляют!

Смотрю – заинтересовался народ. Про Витьку сразу забыли и всё внимание на меня. Приятное ощущение! Окрыляющее!

– Вот сейчас точно узнаем – кто кого первый толкнул, – говорю. – Ему и накостыляем.

– Меня толкнули первую. Я вот тут стояла, а Глобин меня толкнул, – кричит Крапивина.

– Враньё! – говорит Глобин. – Никого я не толкал. Вам девчонкам соврать, как высморкаться!

– Чего-о? – завопили девчонки, и одна как пнёт Глобина по ноге.

– Ах ты, поганка бледная! – кричит Глобин и бьёт книжкой по голове девчонку... да не ту!..

Девчонки визжат и лупят чем попадя Глобина, мальчишки за него вписываются – снова пыль до потолка! И в это время я кричу так, что стёкла дребезжат:

– Стойте, стойте! Мы же следственный эксперимент проводим!

Все опять на меня вылупились. Ангина ангиной, а все-таки, какой силищи у меня голос! Интересно, Шаляпин болел в детстве ангиной?..

– Ну, чего стоишь? Проводи! – говорит Витька.

– Бондарева стояла на подоконнике. Так?

– Ну, – говорит Бондарева.

– Что ну? Залезай на подоконник!

– Зачем?

– Затем, что надо повторить всё, как было.

– А что повторять? Я и так всё помню. Я когда спрыгивала, кого-то нечаянно и задела. Вот так!

И толкает эта красавица Глобина так, что тот на пол падает и, вскочив, бросается на Бондареву, а Крапивина тут же как кошка в шевелюру Глобина вцепляется. Да так, что кажется перья... то есть волосы во все стороны летят. Мальчишки заступаются за Глобина, девчонки за подруг – и пошло, и пошло... Я бегаю от них как можно дальше и ору, что мы же уже всё выяснили. Что разве так можно следственный эксперимент проводить!..

В общем, я до тех пор кричал, пока опять по шее не заработал. Брыкнулся я, как и в первый раз, и ору так же как тогда, а никто уже внимания не обращает. Привыкли! Я ору ещё громче – хоть бы хны! Собрал я тогда весь воздух, который ещё остался в лёгких, да только хотел в последний раз по-шаляпиновски крикнуть, как чувствую, кто-то тащит меня в сторону. Поворачиваю голову – Витька!

– Эх ты! – кричит он мне. – Следователь несчастный! Лежи тут, а то действительно раздавят!

– Витька! – ору я что есть силы. – Утихомирь народ! Мы же спектакль так никогда не поставим!

– Как утихомирить, как?

– Как-как! Как в спектакле! Пусть извинятся друг перед другом!

– И всё?

– И всё!

– Ну, ты даёшь! – кричит Витька и хватается ножку от стула, который разгрохали ещё до нас.

Подбегает он к отопительной батарее и начинает так колотить по ней, что кажется потолок рушится. Все шарахаются в разные стороны, а Витька кричит:

– Стойте, стойте! Идея есть! Идея! Глобина Бондарева толкнула нечаянно!

– Ну и что? – кричат все.

– А то, что надо как в спектакле! Пусть Бондарева извинится перед Глобиным, Глобин перед Крапивиной. И так по кругу!

– Ещё чего! Стану я перед кем-то извиняться! – тяжело дыша, выговаривает Глобин.

– Извинись, кругляк! – цедит Витька сквозь зубы.

Сморщился Глобин и вдруг как схватит шляпу! Да как сделает реверанс перед Крапивиной, а после неё перед Бондаревой, а после неё...

– Извините! Извините! Извините! – кричит и приплясывает.

Крапивина и остальные девчонки аж в сторону шарахнулись от неожиданности.

Ушам своим не верят...

Витька же времени не теряет.

– Давайте репетировать! – кричит он. – Нужный спектакль, нужный!..

И снова началась репетиция. И хотя опять вся слава досталась Витьке, и он снова был в центре внимания, но я на него не в обиде. Что я без Витьки?

Так...

Комик в жизни...

А Л Л О, З Е Л Ё Н Е Н Ь К И Е !

Интересная книга – это кошмар!

Если не вовремя.

Не верите?

Ну, так я расскажу, как моему другу попала одна такая, и что с ним от этого сделалось.

Взяли мы как-то в школьной библиотеке по книге, и пошли к Витьке. Я полистал свою – так себе! А Витька как открыл, так словно слепой сделался. То в дерево ударится, то на прохожего налетит. Полдороги пришлось вести его под ручку.

Дома он схватил какой-то сухарь, плюхнулся в кресло и всё! Нет Витьки, хотя он и рядом!

– Давай нормально поедим! – кричу я ему с кухни. – Вон мать твоя сколько наготовила!

Витька и ухом не ведёт.

– Ну что ж, – думаю. – Дело хозяйское...

Поел, как следует, выпил стакан томатного сока, булочку с маком взял и сытый такой в комнату вхожу. Смотрю – Витька, как сидел, скрючившись, так и сидит.

Я осторожно так обошёл его и булочку на вытянутой руке ему к носу подношу.

Витька нюхнул раз, нюхнул другой и, не глядя, булочку цап, – и в рот.

– Ну, – думаю, – совесть моя теперь чиста. Покормил! Можно и за уроки садиться.

Вытряхнул я учебники из портфеля, разложил на столе и смотрю на них этак тоскливо-тоскливо. Вдруг слышу – в коридоре телефон звонит. Только хотел вскочить, а Витька уже там. В одной руке книгу раскрытую держит, а в другой телефонную трубку. Забыл, видимо, что я тут.

– Алло! – кричит. – Да! Я!.. Не-е, не могу... Ну, страшно занят... Ну, как чем? Уроки конечно. Дела домашние. Полы, например, сейчас буду мыть... Да... да... Да какая там стенгазета? Тут вздохнуть-то некогда! Вон пусть Колька рисует... Ну, какой Колька? Барашкин! Бе-е-е! У него папа не то маляром, не то скульптором работает... А, вспомнил! Оформителем работает! Как раз то, что надо! Ну конечно поможет. Так и скажи: родители должны помогать ученикам, так как современные школьные программы очень сложные... Сложные, говорю!.. Ну, всё-всё-всё! Хватит! А то у меня вода в ведре стынет! Стынет, говорю, вода! Пока!..

Слышу; трубка – стук! – и тишина. Ну, ничего не слышно. Потом грохот, как будто что-то тяжёлое упало и опять тишина.

Я даже похолодел...

Медленно так встаю и как на чужих ногах иду к коридору.

Смотрю – всё в порядке! Витька живой и невредимый на полу сидит и продолжает книжку читать.

– Ну и испугал ты меня! – говорю. – Разве так можно?

– А-а, ты здесь! – отвечает он, не отрываясь. Ну-ну!..

– Что ну-ну? – спрашиваю я.

– Потрясец! – говорит он. – Вот послушай: «Вокруг космического корабля копошились какие-то зелёные бугорки.

– Командор, они же разъедают корабль!

Голос биолога прозвучал в абсолютной тишине. Все с ужасом следили за действиями бугорков, превращающих обшивку корабля из суперстойкого сплава в лохмотья...»

И только я хотел сказать, что всё это хорошо, но пол-то всё равно мыть надо, да и уроки тоже никто за нас не сделает, как телефон опять зазвонил.

– Фу ты! Ну, никак не дают делом заняться! – с досадой сказал Витька и схватил трубку. – Алло! – закричал он в неё сердито и вдруг испуганно ойкнул – Ой, мамуля!.. Да, пришёл... Вот сижу и делаю уроки... Пообедал! Конечно, пообедал!.. И сок томатный выпил... И булочку с маком сжевал... Что сейчас делаю?..

Витька закрыл нижнюю часть трубки рукой и на меня вылупился:

– Ты что сейчас делаешь?

– Географию зубрю!

– Географию зубрю, мамуля, географию! – кричит он в трубку. – Про знаменитые путешествия командора читаю...

Я кручу пальцем у виска, а Витька только рукой машет. Мол, без тебя знаю, что говорить! И тут мать его видимо спрашивает: про какого такого командора в географии нашей пишут.

Витька только на секунду задумался и выпаливает:

– Как про какого? Пржевальского! Конечно же, Пржевальского!

Я повернулся и пошёл в ванную.

– Выручу друга, – думаю. – Помою пол.

Ищу ведро и слышу, как он продолжает с матерью разговаривать:

– Да... да... слушаю!.. Пол помыть? Не-е, наверное, не успею. Книга слишком толстая... Ну, какая книга? География, конечно!.. Ну что ты, мамуля, разве я когда-нибудь тебя обманывал?

– Вовремя я за пол взялся, – думаю я, а вслух кричу: – Я пол вымою! Скажи, что пол помоешь!

– Пол я вымою, мамуля! Ну да... Шоколадка? Какая шоколадка? Где?.. А!.. Съем! Конечно, съем! Пока!..

Положил Витька трубку и говорит мне:

– Ну, старик, теперь не подведи! Я как эту заразу дочитаю, так в долгу не останусь – три дня за тебя буду полы мыть!

– Ладно, – говорю. – Что нам с тобой делить?

– Нет, – говорит Витька. – Так нечестно!

Сорвался он с места, убежал в комнату и возвращается с шоколадкой.

– На, кушай! – говорит. – Она энергетику увеличивает и улучшает работу мозга!

– Спасибо, – говорю, – но я один кушать не буду. Итак, я уже поел как человек, а ты только сухарь да булочку...

– Ладно, – отвечает Витька и делит шоколадку пополам. – Бери!

Беру я половину шоколадки и иду с ведром в комнату. А Витька сунул свою половинку себе в рот и тут же опять с книжкой на пол грохнулся.

– Вкусно! – говорит. – Где мы тут остановились?.. Значит так... «Надо немедленно стартовать! Включаю двигатели!...»

Бедный Витька! Не везло ему сегодня. Телефон зазвонил снова. Слышно было, как Витька ударил кулаком по полу и схватил трубку.

– Алло!.. Да!.. Узнал, узнал!.. Какой доклад?.. Ты думаешь, что говоришь? Да у меня уже нервное переутомление начинается!.. Ну, как это что делаю?.. Стенгазету рисую! Прямо покоя от вас нет – от общественности! То стенгазету рисуй, то доклад читай, то уроки учи... Нет! Нет и всё!.. Да жалуйся ты, сколько хочешь! У меня вода в ведре стынет!.. Какая вода? Какая надо! Пока!

И Витька уже в третий раз бросает трубку.

– Безобразия! – кричит он и лихорадочно громко читает дальше. – «Двигатели не работали. – Всем немедленно надеть скафандры! – Очередной приказ командора был выполнен в считанные секунды...»

Звонок! Опять раздался звонок!

Слышно было, как Витька рушит что-то от того, что слишком быстро вскакивает и шипит в трубку как удав:

– Шшто-о? Да слышу я, что это ты, Лю-ся! У тебя тоже что-то общественное? Да? Так я и знал! Да что, у нас, что ли других нет? Что вы на меня всё наваливаете? Я уже стенгазету рисую и доклад пишу. Совести у вас нет! Всё! Пока! Что там дальше... Ага! “– Вызываю орбитальный корабль! – На пульте зажглась зелёная сигнальная лампочка. Командор облегчённо вздохнул. Связь работала. Неожиданно Биолог резко дёрнулся и в наушниках скафандров всего экипажа раздался пронзительный крик...».

Звонок! Опять звонок!

– А-ааа! – закричал Витька и схватил трубку. – Алло!.. Мамулечка, милая, ну позвони попозже! Они превращают меня в лохмотья! Я погибаю!.. Ну, как кто? Ну, зелёнькие такие... Ну, лошадки Пржевальского!.. Ой, тьфу ты... Да нет, не зелёнькие, а в полосочку!.. Ой, нет.. Ой, мамуля, это не я говорю! Это Биолог!.. Повесила трубку... Сейчас придёт... Придётся вытаскивать учебники...

– Придётся, – говорю я. – Да ты не волнуйся! Я и пол помою, и стенгазету помогу оформить. Дай только посмотреть, что это за шедевр такой мировой литературы?

– Не дам, – говорит Витька. – И сам сегодня больше читать не буду. Смотри, что со мной сделалось! А ты совсем пропадёшь!

И не дал!

В этот раз!

А в другой – мы с ним уже вдвоём прочитали эту книжку с начала до конца. Витька по второму заходу с удовольствием прошёлся. Шедевр – не шедевр, а когда попало и где попало, раскрывать такие книги не советую. Можно и под машину попасть, и шею себе свернуть, и со всеми на свете переругаться. Потому что – не оторвёшься!..

ОСОБЫЙ ПОДХОД

Я к девочкам всегда относился хорошо. Раньше они как-то этого не замечали и даже, наоборот, – крысились, но с возрастом тоже стали как-то по-человечески в мою сторону поглядывать. Даже с Люськой у меня за последнее время наладились вполне сносные отношения. Может это потому, что мы с Витькой работали, как каторжные, и выбились в ударники, а может и почему-то по-другому.

Вообще-то на Витьку наше ударничество не произвело особого впечатления. Он как был в центре внимания, так и остался. Но зато я просто ошалел от счастья. Теперь я всем всё объяснял, никому не отказывал в помощи и мог рассуждать на любую тему и до бесконечности. Меня тут же обозвали «профессором» и я делал вид, что очень сержусь, а на самом деле просто млел от удовольствия.

Особенно хорошо у меня пошло дело с математикой. Временами получалось даже так, что никто не мог решить задачу или пример, а я – запросто! Ну и естественно, что полкласса, если не весь класс, и списывали у меня. Некоторые так увлеклись, что сами уже и не вдумывались. Ну, точно как мы с Витькой когда-то. Позвонят мне, запишут решение и – порядок!

Так было до тех пор, пока Галина Григорьевна – учительница по математике не узнала. Она тут же вызвала меня в учительскую и такое прописала, что это было хуже двойки за четверть. В общем, списывать я стал давать только Витьке. Ну и ещё кое-кому из мальчишек...

Но сердце не камень! Перепадало иногда и девчонкам. Они, правда, не обижались на меня и тогда, когда я отказывал, потому что сочувствовали. Знали, что я теперь на контроле и мне в любую минуту может влететь.

Но однажды Наташка и Ленка подстроили ловушку. Вернее придумала Наташка, но это всё равно. Вместе звонили, – значит вместе и придумали. А дело было так... Мне рассказывали потом...

Как-то забегают Наташка к Ленке и кричит прямо с порога:

– У тебя, что с телефоном? Звоню, звоню, гудки идут, а никто не подходит!

– Да я только что пришла, – говорит Ленка.

– А, ну тогда ладно, – машет рукой Наташка. – Ты задачу решила?

– Ещё не бралась.

– И не берись! Всё равно не решишь! Я уже всех обзвонила. Никто не может!

– На переменке спишем. Кто-нибудь осилит, – говорит Ленка.

– Не успеем, – перебивает её Наташка. – Наверняка один «профессор» решил, а он даст списать только мальчишкам. Там такая «куча мала!» будет, что не пробьёмся!

Тут Ленка испугалась.

– Ой-ё-ёй, – говорит. – Галина меня завтра обязательно спросит, а тут ещё и задача...

– Вот что, успокаивает её Наташка. – Я пока к тебе шла, всё продумала. Звоним «профессору»!

– Да ты что! Не получится!..

– Получится-получится! Когда с мужчинами по простому нельзя, то тогда к ним особый подход нужен. Набирай номер!

Ленка и набрала.

Я как раз в это время только-только уроки закончил делать.

Слышу – звонок!

Поднимаю трубку.

– Аллэ! – говорю и слышу такой ласковый, ласковый и ну совершенно незнакомый голосок:

– Профессор – это ты?

– Я, – говорю я растерянно. – Да не профессор я...

– Профессор, профессор! И не отпирайся! О тебе уже вся школа знает. Как дела-а?

– Ну, – думаю, – какая там школа! Кто-то из наших! Вот только кто?

– А кто это?

– Угадай...

– Вот ещё... Машка что ли?

– Не-а!

– Ну... не знаю...

– Ну... ну... – запинается голос. – Это тот, кто тебе больше всех нравится!

– О-о! Сказала тоже... – говорю я обалдело. – Откуда ты знаешь, кто мне нравится?

– Я всё про тебя знаю! – вещает голос. – Знаю даже, кому ты нравишься!

Ну, тут уж я совсем растерялся. Мне, например, нравились многие девчонки. В детском саду мне, например, нравилась одна такая... с большим белым бантом. У неё ещё такая фамилия была привлекательная – Красутская! В первом классе сразу две и, кажется потому, что они отличницы были и их все хвалили. В следующих классах... Ну, в общем, в одном этом году мне нравилась в сентябре одна, в октябре другая, а в ноябре я даже растерялся – сразу четыре! Так что это могла быть... Ну, кто-то из них! Но вот кому я нравлюсь – это конечно... Поэтому я, не задумываясь, выпалил:

– Кому?

– Ну... – замялся голос. – Это не телефонный разговор... Нам надо встретиться!

– Ого! – подумал я и обрадовался.

– Вот что... – продолжает голосок. – Мы с тобой в кино ходим. У меня тётя контролёром работает. Сейчас как раз её смена. Пойдёшь?

– А фильм-то, какой? – спрашиваю я лишь для того, чтобы с мыслями собраться.

– Кинокомедия. Американская. Дети до шестнадцати лет не допускаются!

– Нормально, – думаю, а вслух машинально так говорю: – Бесплатно, что ли?

– Конечно!

– Иду!

– Тогда через полчаса у кинотеатра «Казахстан». Договорились?

– О, это же рядом! – восклицаю я и думаю, что если даже обманет – не придёт, так просто прогуляюсь, подышу воздухом.

Но тут этот ласковый голосок торопливо так и очень досадливо выщербивает:

– Ой, подожди, совсем забыла! Я же сейчас не могу. Я математику не сделала! А там такая задачка... Мне её так быстро не решить...

Как я не догадался, что меня разыгрывают элементарно – ума не приложу. То ли на уроки всё соображение потратил, то ли ещё чего, но помню только, что закричал с досадой в трубку:

– Ерунда какая! Бери скорее ручку! Я тебе продиктую!.. Взяла?

– Взяла-взяла... – говорит голосок так безрадостно, что и тени сомнения во мне не шевельнулось. – Диктуй!..

И я всё выкладываю...

Под конец промелькнула всё-таки мысль, что что-то тут не то, но пока в трубке не расхохотались, я так ничего и не сообразил.

– Ой, какой ты молодец! – услышал я очень знакомый такой Ленкин голос. – Большое спасибо!

И Наташка тоже не выдержала и добавила:

– А о том, кто тебе нравится и кому ты нравишься, мы расскажем тебе в следующий раз! Пока!

Вот так-то!

Девчонки потом всех обзвонили и решение сказали. А я в тот раз как раз ошибся. Так что у всех эта ошибка и оказалась. Скандал был – знаменитый!

И всё-таки интересно, кому же это я нравлюсь?

Не может же быть такого, чтобы никому?

А?..

Юность бушует, как вешние воды...

УТРО ПЕРВОГО ДНЯ

Некоторые любят говорить, что когда они были детьми, то были глупые, а вот теперь, мол, поумнели. Не знаю – может быть у кого-то и так, но мы с Витькой никогда не были дураками. Особенно – он! Это я говорю не для того, чтобы выпятиться, а так оно и есть. И в этом повествовании, когда нам шарахнуло аж по пятнадцать, нас трудно было принять за несмышлёнышей. А дело было так: позвонила нам Зинаида Петровна, учительница по русскому и литературе, и предложила в виде поощрения за наши с Витькой успехи по её предмету отдых на лето в пионерском лагере, где она уже месяц работала директором. Не по путёвкам, конечно, так как наш возраст уже перевалил за детский, а помощниками к воспитателям и вожатым. Мы, конечно же, согласились. Тем более что лагерь находился в горах, а «Лучше гор могут быть только горы, на которых ещё не бывал!». Знали бы мы, что нас ждёт – ни за что бы ни поехали! Впрочем, это относится только ко мне, а не к Витьке. Его сразу же взяли в самый младший – седьмой отряд. И не для того, чтобы он сопли вчерашним детсадыкам подтирал и на горшки их рассаживал, а чтобы папой был. Мужской пример им показывал! Там были две симпатичные молоденькие вожатые и толстая добродушнейшая педагогиня лет пятидесяти. В общем, Витька попал в рай, а меня направили напрямиком в ад – в самый старший отряд – в первый! Но ад получился потом, а в начале встретил меня здоровенный накаченный воспитатель – преподаватель физкультуры в какой-то школе на большой земле. Он как увидел, что я почти в два раза мельче его питомцев, так сразу успокоил.

– Не дрейфь! – сказал он мне. – Будешь жить как за каменной стеной! Будешь у меня вроде как ещё один отдыхающий. Вроде как мой родной сынок. Кушай, плавай, загорай, занимайся физкультурой и всё! Мы тебе мышцы тут подкачаем! Оздоровим тебя!

Подкрепила нас Зинаида Петровна на кухне, так как общий завтрак уже закончился, и отправила знакомиться с лагерем и его окрестностями.

Ну что на лагерь смотреть? Хотя, конечно, он был не простой, а ведомственный – зимой санаторий для слепых и слабовидящих, а летом место отдыха для их детишек. То есть и закрытый бассейн с подогревом воды был, и корпуса капитальные, и спортплощадки, и концертный зал и тренажёрный и... Да что там говорить – чистый Артек!

Поахали мы с Витькой и в ущелье углубились. Лагерь прямо в начале его находился. У ущелья и название было такое интригующее – “Монахово”. Там когда-то какие-то монахи в пещерах жили. Красотища неопишуемая! Папоротники в рост колышутся, горной малиной и земляничкой тропинка усыпана, вода в речушке хрустальная – каждый камешек как драгоценный сверкает и разными цветами переливается. Мы даже далеко ходить не стали – так на малину да на землянику набросились, что и не заметили, что на обед пора. Если бы не звуки горна, то, наверное, до вечера паслись бы. И хотя вроде бы с самого утра мы только и делали, что жевали, но пообедали на всю катушку и с преогромным удовольствием. Кормёжка тут была тоже обалденноведомственная!

Вышли мы из столовой, – Витька уже со своим желторотым отрядом, а я со своим. И только я начал подниматься вслед за ребятами к своему корпусу, как навстречу Зинаида Петровна.

– Ты, – говорит, – не спеши. Заметил, что твоего воспитателя на обеде не было?

– Нет, – говорю, – не заметил.

– Вот! Это потому что он отряд отдисциплинировал сразу, как приехал. У него что-то с матерью случилось, и он уехал, а ребята всё равно ведут себя так, как будто он тут. Так что не волнуйся, – сегодня ты один переночуешь, а завтра, если он не приедет, я временно сниму кого-нибудь с других отрядов и потом привезу замену из города. Ознакомься с расписанием и – вперёд! Ты теперь Тимур, а отряд – твоя команда!

ТИХИЙ ЧАС, ВЕЧЕР И

ПЕРВАЯ НОЧЬ

И началось... Ну то, что на тихом часе никто не спал – это ладно. Не малыши всё-таки! И, главное, действительно было тихо. Все распределились по группкам и кто в шашки резался, кто книжку читал, кто в картишки перекидывался – кто чем занимался. И никто не шумел! Я прямо удивился такому. К девчатам я не заходил, так как они заперли дверь и что там делали – не знаю. Но, опять же, тишина была необычайная. Зинаида Петровна тоже только подошла к корпусу, постояла и, подняв большой палец правой руки, пошла дальше. Единственное, что меня задело, так это то, что никто не обращал на меня никакого внимания. Как потом я узнал, все думали, что я действительно сынок воспитателя.

Но после тихого часа я развеял их залуждение. Позвал Зинаиду Петровну, и мы с ней уточнили “Ху из ху!”. То есть – кто есть кто! Она сказала, что если кто-то не будет меня слушаться, то мигом из лагеря вылетит, так как смена перегружена лишними путёвками именно моего отряда и она имеет полное право на отстрел нарушающих дисциплину. Я тоже строго так посмотрел и вздрогнул. Такие три лба стояли напротив, что ой-ё-ёй! А один даже с усиками и намечавшейся щетиной. И смотрели на меня эти орлы не как на хотя бы равного им хищника, а как на дичь. А девчонки... Красотки, чёрт побери, как на подбор! Аж во рту

пересохло от волнения... Но я виду не подал, а сразу же после ухода Зинаиды толкнул речь о центризме. О том, что вся вселенная так устроена и поэтому ещё не сгнула, к чертям собачим. Сказал, что я буду у них вроде солнца, а они – моими планетами, которые должны подчиняться моим законам притяжения и баллистики, а все мы – законам лагерной галактики. Сказал, что хотя мы и почти что ровесники, но короля делает окружение, и поэтому, если они не будут делать из меня короля, то, ни мне, ни им удачи не видать.

Парни рты раскрыли от удивления – особенно эти трое, а девчата взвизгнули от удовольствия.

– Король ты, наше солнце! – пропела одна, и на неё зашипели.

– Хорошая реакция! Правильные девочки! – подумал я.

И только я это подумал, как другая спрашивает:

– А фрейлины будут?

– Какие фрейлины? А-а! Нет! Фрейлины у принцесс и королев бывают, а у короля и герцогов – фаворитки! Да причём здесь это? Я про короля для примера сказал, чтоб понятнее было.

– А-а, – дурашливо протянули сразу две.

Но клички ко мне сразу прилипли. Я для них как липучка для мух. В детстве, например ко мне, что только не прилипало! И “Профессор” я был, и “Дефорж”, и “Горбоносый Ганнибал” и... В общем, – привык! Могло бы прилипнуть и что похуже...

Ужин прошёл более или менее гладко. Единственное, что меня сразу насторожило, так это то, что трое усатых за две минуты съели свои порции и смели у соседей ещё по одной. И никто не возмутился! Наоборот, – те, кто остались без ужина, молча и безропотно убрали за ними посуду.

– Уголовка! – мелькнуло в голове.

Но тут меня позвала Зинаида и начала инструктировать по поводу завтрашнего дежурства моего отряда по лагерю и в столовой. Я расписал – кто, где будет дежурить и, несмотря на протесты группы усатого, записал их дежурными по столовой. Пусть, думаю, повкальвают!

Ночью меня привязали к кровати, обмазали зубной пастой и оставили записку – “Будешь выступать – уроем!”. Удовольствие, доложу я вам, стандартное для лагерей, но совсем не стандартное для того, кому оно выпало...

ДЕЖУРСТВО

Развязал меня часиков в четыре утра врач – худой такой вчерашний выпускник медицинского института. Он помог мне стереть пасту и попросил помочь дотащить в медпункт огромную флягу со спиртом.

– Для дезинфекции всего лагеря на все сезоны! – подмигнул он мне и плотоядно потёр шею...

Спал я, как и полагается воспитателям, на веранде. Поэтому трудно было сообразить, кто меня так профессионально и крепко связал и измазал. Интуиция, правда, и тут не подвела – команда усатого!

Вряд ли я с ними стал бы связываться, если бы был простым пионером, но положение обязывало. И когда утром я начал на потеху всем безрезультатно бегать за одним из них, чтобы заставить его подметать территорию, то вдруг понял, что обычными методами тут не справиться. Плюнул я, сел на крылечке и стал ждать. Наконец усатый набегался и довольно смело присел рядом со мной. Два других вяло мели самодельными вениками вместе с остальными ребятами неподалёку.

– Будем биться или будем мириться? – спросил я.

– А чё нам с тобой делить? – ответил на вопрос вопросом усатый.

– Правильно мыслишь! Зови своих бандитов, и пойдём куда-нибудь в тихое место. Поговорим! Чтоб остальные ребята не видели.

– Идёт! – обрадовался усатый и я понял, что верный курс взял.

– Вам сколько лет, мужики? Я никому не скажу – говорите правду! – спросил я, как только мы уединились.

Парни помялись-помялись и выложили, что им как и мне по пятнадцать, а усатому даже больше, и живут они в одном дворе, а их слепенькие мамыши-одиночки подделали документы, чтобы пристроить в такой шикарный лагерь.

– Вот! – обрадовался я, не обратив внимания на враньё насчёт слепеньких. – Значит, вы обязаны не давить малявок, а, как и я, организовывать их. А светиться вам лучше моими помощниками, чем моим противникам! Сделаем так – вы будете вроде бы как рыцари круглого стола короля Артура. То есть неформальными вожатыми. Сегодня наш отряд дежурный. Следите за порядком! А я буду вас прикрывать в случае чего и льготы там всякие делать вроде добавочных порций или ещё чего. Идёт?

– Идёт! – сказали акселераты-переростки, и колесо отрядной жизни завертелось.

Витька не одобрил мою политику.

– Нельзя идти на поводу у шалопаев! – сказал он. – Ты бы сразу подошёл ко мне – я бы их мигом задавил!

– Война не лучший способ для консенсуса! – сказал я.

– Чего-чего?

– Согласия, согласия!

– А-а. Вот посмотришь, – сядут они тебе на голову своими консенсусами!

– Как сядут, так и слезут! Не сегодня-завтра будет воспитатель.

– Жди! – ухмыльнулся Витька.

Но я если дал слово, – никогда его не нарушу! Поэтому не стал говорить Витьке, что эти амбалы наши ровесники и в лагере незаконно находятся. И что с троими он вряд ли справился бы. А с воспитателем действительно что-то не ладилось. Те, которые в лагере, наотрез отказались идти в первый отряд, а от физкультурника ни слуху, ни духу. Зинаида куда-то звонила, с кем-то ругалась, но всё без толку. “Держись, – говорит, Тимур! Атаманом будешь! И чтобы никаких ЧП!”.

И только она это сказала, как девочки приводят одного из моих с расквашенным носом.

– Куда вы его привели? В медпункт ведите! – говорит Зинаида.

– Да он хотел что-то вам сказать, – говорят девочки.

– Побили что ли? – догадывается Зинаида и так брезгливо на пацана смотрит.

Он как словил этот взгляд, так и выбежал.

– Вы видели, как его били? – спрашивает Зинаида девочек, и они отрицательно машут головами.

– Значит, упал, и на этом – точка! – А ты смотри – следи за этим!..

Это она мне сказала, и я понял, что жаловаться и скулить не придётся. Я – в столовую, а который с носом – уже там, и кровь уже перестала идти, и он помогает девочкам на столы накрывать.

– Да он посуду мыть не хотел! – сказал усатый. – Ну, мы его немного и простимулировали, чтоб другим неповадно было...

Я конечно при людях мораль прочитал о том, что это не лучший способ, а сам подумал – эффективный, чёрт побери! Отозвал я амбалов и говорю им:

– Если кто-то из пацанов слушаться не будет, приводите его ко мне, и я буду с ним авторитетно беседовать. Если он кобенится, – я отворачиваюсь, щёлкаю пальцами, а вы его слегка обрабатываете. Потом опять щёлкаю, вы останавливаетесь, и я поворачиваюсь. И так до тех пор, пока результат не будет положительным. Но, конечно, без свидетелей. И чтобы никакой уголовки! А тем более – беспредела. Никакой крови и синяков! Психологическое давление через приемлемое физическое! И всё под моим контролем! Самостоятельно никого не лупить! Чтобы никаких сюрпризов! Не бравируйте своей силой! Это и так всем видно. Скромно себя ведите, скромно! И трудитесь наравне со всеми! Это, и порядок, – вызывает настоящее уважение. Подходит?

– Подходит! – говорят амбалы. – Умный ты мужик! Настоящий авторитет!

Вот так...

А что мне было делать? Я же не Макаренко или Ушинский какой-нибудь! А результат требуется как от них!

Мда-а...

Дежурство прошло без сучка, без задоринки. И когда Зинаида начала нас хвалить, я попросил её в виде подкрепляющего стимула разрешить на другой день провести моему отряду тихий час не в корпусе, а на природе. Всё равно никто не спит, а где-нибудь на полянке я лучше закреплю свой авторитет и проведу ряд педагогических бесед.

В общем – мероприятие!

Подумала, подумала Зинаида и, невероятно, но разрешила.

АЛЬ КЕПОНЕ

На другой день, сразу после обеда, мой отряд взял одеяла и бесшумно и незаметно для лагеря прошёл на полянку, которую мои рыцари присмотрели ещё утром.

То, что мне разрешили нарушить один из самых важных режимных моментов, действительно, подняло мой авторитет очень и очень.

Один Витька был недоволен и на всякий случай увязался за нами.

Я был не против, так как запланировал просто позагорать на солнышке. Кто-то загорал, кто-то по землянику отправился – я не возражал. Пусть, думаю, привыкают к напряжению и расслаблению под моим руководством.

И всё бы было хорошо, если бы на эту же полянку не вышел Аль Кепоне со своей внучкой. Так старшего воспитателя окрестили мои подопечные, за то, что он каждый раз, когда входил в

столовую, громко требовал всем снять головные уборы, а сам свою кепку не снимал. Он работал в каком-то филиале общества слепых парторгом, а в лагерь приехал, чтобы отдохнуть с маленькой внучкой. Ну и видимо, чтобы не выглядеть нахлебником и паразитом из песни “Интернационал” взял себе должность старшего воспитателя. Ему бы не лезть никуда, да не мешать, а жить себе потихонечку – так нет! Надо же, как и партия, изображать кипучую деятельность для очистки совести! Вот он и изображал. Везде свой нос совал, и шумел как бешенный. Я думаю, он только мешал Зинаиде. Но не она его ставила – не ей было его и убирать!

Вот он и выкатил на полянку, да как выкатил, так с открытым ртом и застыл.

Мы тоже замерли...

Вот тут Витька и отличился.

Он не стал ждать, когда Аль Кепоне раскричится и зайдёт так далеко, что обратно самому будет трудно вернуться. Витька подскочил к нему и сразу же примял, сказав, что это незапланированное мероприятие, но согласованное с Зинаидой. К тому же он что-то проверял ему о подготовке к вечеру по экологической защите окружающей среды, Гринписе и всякому тому подобному и очень внушительному.

Аль Кепоне одурело, но облегчённо вздохнул, и мы с Витькой поняли, что вся эта партийная бодяга в действительности ему самому до фени. Что он мужик, наверное, не такой уж и глупый, но положение обязывает... Мы сразу указали ему на самые земляничные места, а девочки подхватили малышку и повели обоих туда. Видимо навели они их правильно, так как следующие два дня Аль Кепоне и его внучку мало кто видел в лагере.

Но через два дня у ребёнка началось расстройство желудка, приехала мать малышки и забрала её.

Аль Кепоне помрачнел и шибко на наш отряд окрысился. Как будто бы мы были виноваты! Стал требовать всяческие развёрнутые дополнительные планы мероприятий, да подробные почасовые отчёты чуть ли не за каждый шаг каждого пионера. Ну, просто завалил бюрократией! Но что совсем было невыносимо, так это то, что он вроде как бы взял шефство над моим отрядом, но кроме слежки и указявок, ни черта, ни делал. С ребятами вообще не разговаривал. Только со мной и всё! Посадит меня рядом с собой и пошёл – та-та-та-та-та, та-та-та-та!..

Уже и Зинаида несколько раз пыталась его перенацелить куда-нибудь, но тут как заело!

Так прошло ещё два дня, и было бы так всегда, если бы Аль Кепоне не прицепился к команде усатого. Он сразу заметил, что они слишком активно командуют, а должностей никаких не занимают. Ни звеньевые, ни председатели – никто!

Это было явно не по-партийному.

Ну и усы главаря тоже видимо начали наводить нашего партийного мафиози на правильные мысли. Через меня он попытался кое-что разнюхать, а когда ничего не вышло,

начал вербовать амбалов под своё партийное крыло. Но они притворились простачками и под конец послали его не очень далеко, но всё-таки не в столовую, а как раз наоборот...

Рванулся Аль Кепоне к Зинаиде, треща на ветру своим сереньким китайским рабочим костюмчиком “А-ля – пятидесятые годы!” из тонкой самой дешёвой материи (кепка была из того же материала и тоже серая), а та оглушила его недовольством других воспитателей. Он их тоже вконец замучил своим занудством. Да ещё и с поварами разругался. Да ещё и рабочим, что плохо достраивали что-то в лагере, угрожал милицией (это всё я потом узнал).

В общем, – допрыгался наш старшой!

Утром в лагере начался переполох и крики. Прямо в центре линейки стояла кровать, а в ней мычал и бился привязанный намертво почти голый Аль Кепоне. Кляп из грязных носков был им уже наполовину вытолкнут изо рта, но основная часть ещё не давала нужного простора для голоса.

Видимо как он спал, так его и спеленали...

Наш корпус находился на горе прямо за линейкой и обзор, и слышимость были замечательные. Сначала сквозь поднимающийся туман обозначилась трибуна с флагштоком, потом кровать с Аль Кепоне, а потом и суетящиеся около него взрослые силуэты.

Несколько минут его пытались развязать, но ничего не получалось.

Наконец кто-то прибежал с ножиком и верёвки перерезали. И только потом вспомнили о кляпе, от которого Аль Кепоне сам и освободился окончательно. Слезы градом катились из его партийных глаз, а грузное тело сотрясилось от беззвучных рыданий. Жалкое зрелище, но результат радостный – больше в лагере его никто не видел. Так и запомнился он мне – в семейных трусах ниже колен и с трясущейся лысиной.

Да, чуть не забыл! Впопыхах никто не посмотрел вверх, но когда к подъёму флага на линейке выстроился весь лагерь, то обнаружилась кепка Аль Кепоне. Она болталась на верхушке мачты.

Веселье было знаменитое!

Весь сезон кепка висела над флагом, так как взрослые отказались лезть на такую верхотуру, а детям Зинаида тем более не разрешила.

Но заподозрила!..

Правда, команда усатого клялась всем, чем только можно, что не такие они дураки, чтобы подвергать свою жизнь смертельной опасности из-за какой-то драной кепки.

Я-то не сомневался в том, что это они избавили лагерь от партийного мафиози, но и мне мои чёрные рыцари лагерного стола не признались. Тем более что рабочие, которых Аль Кепоне напрягал, оказались-таки с каким-то уголовным прошлым, и милиция приезжала раза три по их души.

ПЕДАГОГИКА ИЗНУРЕНИЯ

Победа над Аль Кепоне долбанула по акселератам, да не в мою пользу. Теперь у них всё время горели глаза, и усы главного, казалось, топорщились от жажды деятельности. Эту бешеную энергию надо было куда-то направлять, чтобы не порушили эти орлы того, чего не надо. Думал, я, думал, с Витькой советовался, но так ничего и не надумал. У Витьки такая была расслабуха, что видимо и мозги размякли. Он только и бубнил – давить и давить! Такой сталинец – зашибись!

Наконец я решил подуспокоить моих чёрных рыцарей измором.

– Вот что, – сказал я им. – Как пообедаем, беру вас на скалолазание. Отряд оставляем на председателя отряда и звеньевых (это конечно же были самые красивые девчонки!) и – вперёд!

Я знал, что без этих усачей никаких ЧП не будет. Тем более что к нашему корпусу теперь даже Зинаида старалась не подходить. Я её, кстати, предупредил, что пойду на тихом часе с пацанами на разведку, так как, завтра, ожидаются гости из другого лагеря и им надо будет показать самые лучшие окрестные места. Обычно этим делом занимался физрук и другие взрослые, но я убедил её, что большего любителя и потомственного специалиста по горам в лагере нет. Соврал, конечно, но она разрешила.

Опять разрешила!

– Ну, – думаю, – берём вершины!

И мы полезли!

В целях измора я выбирал самые трудные маршруты и тропинки и, конечно, довыбирался.

Нет, с орлами всё было в порядке!

Это я чуть было в пропасть не свалился!

И главное, пацаны были рядом, в двух метрах выше по скале. А я распластался на камне и с каждым вдохом соскальзывал вниз.

Уцепиться было не за что – камень был гладкий и круглый как лысина Аль Кепоне. Не то, что крикнуть – шепнуть было невозможно.

Так продолжалось, казалось, вечность.

Наконец усатая голова появилась в поле моего остановившегося зрения.

– Загораешь? – спросила она и осеклась - рожа у меня была...

– Король падает! – выкрикнула голова, и я всхлипнул...

Успели пацаны!

Кто-то из них лёг на живот и протянул мне палку. Два других держали его и постепенно я выполз. Но я вам скажу, скользил я вниз после всхлипа хоть и медленно, но непрерывно, и когда схватился за палку, то ноги уже болтались в воздухе.

Потом мне классически было плохо и пацаны держали меня, и гладили по голове, и растирали уши...

– Разведаль? – спросила Зинаида, когда мы вернулись в лагерь.

– Ещё как! – бодро ответил я. – Гости будут довольны!

И я не соврал – ребята и сопровождающие их взрослые из расположенного в долине лагеря “Огонёк” получили массу высокогорных радостей. И, конечно, не таких, как я...

Да меня с ними и не было! Сопровождали группу туристов мои чёрные рыцари и Витька, а я отсыпался от стресса. Ещё в детстве врачи сказали моему драгоценному папе, который один растил и воспитывал меня, что моё спасение, счастье и лекарство от всех болезней – сон!

Два дня после этого мои спасители были спокойны, но на третий опять занервничали. Это сразу отразилось на отряде, и я запланировал для следующего их изнурения поход в долину с купанием в парковом пруду маленького городка Талгар.

Сразу после завтрака мы и пошли. Не все – человек восемнадцать! Строем, с песней и неподдельным энтузиазмом.

Зинаида так прониклась уважением и доверием ко мне и моему отряду, что даже не спросила – куда мы! И хотя до пруда было километров пятнадцать, но я рассчитывал к обеду успеть. Километров семь шли дорожные работы, и я договорился с водителем грузовика, который возил рабочих на работу, на обед, опять на работу и домой в их палаточный лагерь, подбросить нас по пути туда и обратно на этом отрезке пути.

Пришли мы к пруду, разделись и начали плавать и загорать. Всё спокойно, тихо, с дисциплиной и по часам (надо было успеть к машине!).

И так было до тех пор, пока одна девочка не нырнула и не наткнулась на утопленника.

Визг, крики, суматоха!..

Оказывается, на берегу гуляла компания, и никто из этих упитых не обратил внимания на то, что одного из них уже давным-давно рядом нет.

Вытащили здоровенного мужика с огромным животом на берег и ну его откачивать, а он уже синими пятнами пошёл... И хотя и “скорая” приехала, и точки какие-то ему давили, и чего только не делали, но всё без толку.

Усатый ещё хорохорился и даже поплавал немного, но у остальных аппетит пропал напрочь.

В лагерь возвращались почти что молча, и все как один в тихий час спали. Даже усатый как бухнулся в кровать, так и его еле разбудили к полднику.

Не только меня, оказывается, сон лечит...

МАРШ АПОФЕОЗ

Следующие дни были относительно спокойные. То мы опять дежурили, то к мероприятиям готовились, то весёлые старты, то футбол, то итоги сезона, то...

Да, забыл сказать, что и физрука у нас не стало. Тот тоже в первые же дни как уехал, так и не приехал. Прямо беда какая-то! Утреннюю зарядку для всего лагеря Витька проводил, а спортивные игры, костры и всякое такое – мы с ним вместе. Ну и команда усатого принимала самое активное участие, а за ними и все остальные. Витька даже зауживал их и на меня стал смотреть как на гения. Зинаида же тем более на нас прямо чуть не молилась и полномочия наши и доверие к нам росли с каждым днём.

Ещё бы!

Такие дыры прикрывали...

И мордобития в лагере прекратились совершенно! Чёрным рыцарям они были больше не нужны – итак все слушались, а в остальных случаях они сами выступали как третейские судьи. Это те, которые добиваются справедливости и мирят конфиденциально – то есть не прилюдно и не официально. И я особенно не вмешивался. Тем более что мой авторитет в отряде был как у Бога – невидимый, но абсолютный! Бандюги его и держали на должном уровне! Взаимовыгодное соглашение! Я им дал на определённых условиях их свободу и авторитет – они мне мой комплект! И в последний раз чёрные рыцари отметили одного субчика уже под самый конец сезона. Я расскажу об этом подробнее, так как дальнейшие события хоть и косвенно, но были с этим связаны.

Однажды вечером, незадолго до отбоя, чёрные рыцари притащили ко мне на воспитание невзрачного такого и тишайшего пацана. Весь сезон в лагере кто-то совершал всякие пакости, и никто не мог его поймать. Причём пакости были не осмысленные и целенаправленные, а лишь бы нагадить. Создавалось такое впечатление, что кому-то это само по себе доставляло наслаждение.

В общем, – патология!

Рыцари божились, что это не они, и я им верил. Они сами сбились с ног, ища извращенца.

И вот – привели!

– На нашем чердаке заловили гада! Гадил уже поближе к окошку. Весь чердак засрал падлюга! Он и по лагерю гадит! Нагадит и наблюдает, как кто реагирует. Помните, клей кто-то разлил у столовой? Целое ведро, да в траве, чтобы незаметно было! Он это! Кайф ловит, сучара! На нас тень бросает, сраль поганый!.. – наперебой выпалили рыцари, сопровождая свою речь тычками.

– Да не я это, не я!.. – гнусавил тихушник.

– А я-то думаю, что это такое – в последнее время как пахнёт на веранде “фиалками”, так хоть выбегай! – ощерился я и, щёлкнув пальцами, отвернулся.

– Бум-бум-бум-бум!..

Я опять щёлкнул пальцами и повернулся. – Ну? Ты или не ты?

– Не я...

Щёлкаю пальцами и отворачиваюсь.

– Бум-бум-бум-бум-бум!..

Щёлкаю и поворачиваюсь.

– Ну?

– Не я-а!..

Отворачиваюсь и щёлкаю.

– Бум-бум-бум-бум-бум-бум!..

– А-а! Падлы! Я вам ещё в постели насру!..

Я повернулся и от неожиданности даже забыл щёлкнуть пальцами. Морда у тихушника шла красными пятнами, он весь дёргался, а тумаки сыпались и сыпались.

– Всё ясно! – сказал я. – Пусть выскоблит всё, и отмоет до блеска! И учти, – обратился я к извращенцу, – если ещё что-то заметим, то и после смены будем тебя пасти...

И я ушёл под благодатные в данном случае звуки тумаков и криков.

– Логично! – прокомментировал случившееся Витька. – В тихом болоте черти водятся! Вот только руками убирать я бы его не стал заставлять. Это уже слишком...

– Да не говорил я этого! Это они сами придумали! И пусть! Кто с мечом придёт – от меча и погибнет!..

Гибнуть начали мы!

После этого “тихушного фекалия” что-то сдвинулось в желудочно-кишечную сторону.

И раньше небольшие расстройства то у одного (или одной), то у другого были, но теперь пол-отряда начало без конца бегать в туалеты.

Пацаны даже придумали игру такую – как только кто-то хотел пускать газы, он кричал: “Спичку! Спичку!” и, после грохота и вспышки, несколько человек запевали:

– “Я Земля! Я своих провожаю питомцев! Сыновей, дочерей! Долетайте до самого солнца, и домой возвращайтесь скорей!”

Виновник торжества, как встречаемый землянами космонавт, вытягивался во фронт и, отдав честь, маршировал по кругу (а за ним все!), выпевая:

– “Долетим мы до самого солнца, и домой возвратимся скорей!”.

Ура-а! – орали все и ждали следующего старта.

Я вначале грешил на извращенца, но нет – тут он был ни причём.

Яблоки! Зелёные яблоки, урюк и всё остальное, которое пацаны в изобилии таскали в палату и себе и девочкам – были причиной.

Я, конечно, сразу провёл беседу, но тут же понял, что это ерунда. Надо было придумать что-то поэффективней.

И я придумал.

– Фрукты все хотят кушать? – спросил я как-то вечером, когда расстройства пошли на убыль.

– Все-е! – заорали все.

– Помните, когда мы шли купаться на озеро, то по левую сторону, прямо под седловиной (это такая огромная последняя гора перед долиной с двумя горбами) были молодые сады. Это не простые сады, а мичуринские. И там некоторые ранние летние сорта уже созрели. Завтра девочки дают пацанам наволочки – ну куда будем собирать урожай – и организованно “Идём по ягоды!”. Так будет называться мероприятие.

– Ура-а! – снова заорали все.

Утром, опять же сразу после завтрака, спрятав наволочки за пазуху, девять самых отборных и надёжных пацанов, и авангардная тройка построились попарно и, неожиданно заревев, “Наверх вы, товарищи, все по местам! Последний парад наступа-ает!..” затопали из лагеря.

Я с биноклем одной из девочек шёл сзади.

Пол-лагеря высыпало поглазеть на это очередное слишком организованное шествие.

Зинаида только спросила: “Куда?” и, услышав громовое коллективное: “По ягоды!”, удовлетворённо махнула головой и даже помахала нам рукой.

Машины не было, и до седловины нам пришлось идти быстрым шагом, периодически переходящим в бег.

Все перестроились в одну шеренгу и довольно весело продвигались к цели.

По пути сплошь да рядом попадались дички, но я строго настроено запретил их трогать.

Иногда пацаны не выдерживали и тогда (тоже строго по моему разрешению) кто-то один срывал яблоко и, надкусив, тут же выплёвывал.

Наконец, мы пробежали мимо дорожных рабочих и их техники и остановились у подножья седловины или как её ещё называли – “Верблюда”.

– Мне светиться нельзя! Поэтому я буду с горы наблюдать за вами в бинокль, а вы идите в сад и не трясите все деревья подряд! Пробуйте, а потом рвите! И следите, чтобы объездчик вас не заметил! – сказал я и полез на гору.

Сад был, как я уже говорил, молодой и сверху очень хорошо просматривался.

Особенно – в бинокль!

Конечно, пацаны не строго следовали моим наставлениям, так как и сами были с усами. Набив наволочки первыми попавшими съедобными яблоками и грушами, они обнаруживали, что на следующих деревьях растут гораздо более спелые и вкусные и вытряхивали первые и набивали наволочки вторыми. Ну, прямо как в сказке “Огниво”!

Чем дальше в лес, тем больше дров!..

Жадность и азарт делали своё дело и через какое-то время грабители не видели ничего, кроме всё более и более обильной добычи. Я понял, что влип. Ситуация вышла из под контроля и развязка была неизбежна. И когда я увидел скачущего к ним на коне одноглазого объездчика с деревянной ногой и в чапане (это такая огромная казахская шапка-ушанка), то почувствовал слабость в своих тоже деревенеющих ногах.

Подскочив, объездчик начал стегать пацанов нагайкой и в первые секунды все бросились врассыпную.

Но вдруг всё переменялось!

Я этот момент не успел захватить, и увидел уже лежащего на земле объездчика и усатого, стегаящего его, его же нагайкой. Второй орёл держал в руках дробовик, а третий поймал лошадь и снимал с неё свёрнутую в кольца верёвку.

Бедный аксакал (а это был пожилой инвалид – ветеран войны) орал что-то неслышное мне, но явно не джентльменское и катался по траве. Он пытался вскочить, но деревянная нога была не на его стороне...

Наконец, так же профессионально, как и раньше, мои бандиты связали ветерана и, воткнув ему в рот ухо от чапана, начали собирать разбросанные высшего сорта фрукты и пацанов.

Ко мне все прибежали счастливые и возбуждённые донельзя с полными наволочками.

– Чего радуетесь, уголовнички? – охладил я их восторг. – Мало того, что мы крали селекционные яблоки и груши, так вы ещё и совершили нападение на представителя власти находящегося при исполнении своих обязанностей!

Плохо было наше дело, а моё тем более! Из традиционного невинного ребяческого набега на сады оно приняло совершенно криминальную форму.

Но если бы я знал, как действительно всё обстоит, то тут же сам побежал бы развязывать аксакала. Чёрные рыцари лихо воткнули ветерану в рот чапан, но в горячке не обратили внимания на то, что нос у него почти что не дышит. То ли там аденоиды были, то ли травма какая-то военная, но когда на наше счастье его обнаружил кто-то из очередных грабителей урожая, то он был уже синий и без сознания.

Но это мы узнали потом, а сейчас я сразу понял, что будет дальше и тут же выработал план дальнейших действий.

– Свидетелей кроме меня не было, но без милиции теперь не обойдётся! Поэтому что? – сказал я.

– Ни колоться, ни в коем случае! – рявкнули рыцари.

Правильно! Вас не было! Мы были совсем в другом месте – рядом с лагерем. А то, что похожи на бандитов, так это показалось, – сказал я. – И в любом случае я вас выгораживать не буду, а совсем наоборот. Буду вас ругать, но это понарошку. Чтобы видели, что я на стороне аксакала. Это такая тактика. Чтобы всё спустить на тормозах. Так что не хорохорьтесь! Спектакль играем все вместе. Плечи согнули, головы опустили, слезу кающуюся пустили! Так и стойте пока всё не закончится. Повинную голову меч не сечёт! А сейчас бегом к машине! Будем подвозку клянчить! Это хоть и дохлое, но алиби по времени. Пешком туда и обратно мы бы никогда не успели к обеду!

– Ну, ты – голова! Авторитет из авторитетов! – сказали мои пионеры.

Я только сморщился, хотя честно скажу – приятно!

Я хотел ещё, чтобы они выбросили фрукты как улику, но пацаны наотрез отказались. Цена трофея была слишком велика, и они уверили меня, что припрячут всё, а потом незаметно по частям пронесут в лагерь.

И мы побежали...

– Хорошо погуляли? – спрашивали рабочие, глядя на наши осунувшиеся лица.

– Ага! – дурашливо отвечали мы и нервно подхихикивали на ухабах.

Как только мы вошли в лагерь, я направил ребят мыться и переодеваться, а сам с усатым пошёл в медпункт. После фляги с, похоже, контрабандным спиртом, врач был мой лучший друг. Он сразу всё понял и, хотя и сказал, что брить тут нечего, но всё таки для конспирации проскоблил пацану заметное пятно усов и редкую, но тоже очень заметную (потому что чёрную) щетину.

В общем, когда в лагерь ворвался “воронка”, мы были во всеоружии.

Боже мой! Как ругался ветеран! От самого “воронка” и до пионерской, куда собрала Зинаида всех, кто из старших отрядов был за территорией лагеря, он вопил и матерился и порусски, и по-казахски, и, даже иногда по-немецки.

Милиционеры и Зинаида пытались объяснить ему, что вокруг дети, но где там! Аксакал стучал протезом и поливал всех и вся и, пытавшихся утихомирить его, милиционеров тоже.

Вот это, в основном, и спасло нас.

Моих пацанов, конечно, выстроили для опознания и я сразу же, как только нам рассказали, что натворили они, перехватил инициативу.

– Мерзавцы! Негодяи! Вы чуть не убили заслуженного человека, – кричал я, совершенно не притворяясь и искренне. – Он спас Родину от фашистов! Он прошёл всю войну, огонь, воду и медные трубы, чтобы вы могли сладко спать, есть и в волейбол играть, а вы за какие-то паршивые яблочки напали на него, как на врага! Патриот и герой, он без глаза и без ноги пошёл работать объездчиком, чтобы концы с концами свести, а вы, сытые здоровенные бездельники, ещё и плёткой его избили!

– Да не мы это... – неуверенно начал побритый, но я прервал его.

– Вы! Вы! Молчите! Кто кроме вас мог такое сделать! Знаю я вас! Недавно с бензином чуть весь лагерь не спалили! Факиров изображали! Огнём плевались! Я не хотел рассказывать вам это, Зинаида Петровна, но вот вынудили! Как только эти фокусники успели прибежать к обеду и не вспотеть? Расстояние-то немаленькое...

Зинаида тут же всё сообразила, и тот час включилась в игру. Тем более что сразу заметила, что усач без усов и щетины. Ну и то, что вся моя команда в белых парадных рубашках и алых пионерских галстуках – это само собой! Ей-то эта бодяга не нужна была ещё больше чем нам.

– Это что ещё такое? – начала она. Да мы их в колонию! Мы их на нары! И родителей, хоть они и слепые, заставим штраф выплачивать всю оставшуюся жизнь! Проглядели бандитов! Пусть теперь горбчатся за этих недорослей! Вы их точно узнаете? – обратилась она к аксакалу. – Одежда, особые приметы, родинки, причёски!..

И так далее и тому подобное...

То я поливал моих соколиков чем, только мог и указывал на особые приметы, то Зинаида.

И пацаны вели себя замечательно. Они точно следовали моим инструкциям, а инвалид не мог и слова вставить. Он ещё стучал деревянным протезом, пробегая туда-сюда перед пацанами, но было видно, что растерялся. Тем более что у одного из рыцарей неожиданно совершенно естественно потекли из глаз слёзы. То ли он действительно инвалида пожалел, то ли актёр в нём проснулся гениальный.

Милиционеры же кайфовали.

Им эта музыка и спектакль были как свадебный марш Мендельсона и обряд бракосочетания.

Наконец пришла пора окончательного опознания.

Мы с Зинаидой очень профессионально заземлили и свели на нет пыл и истерику аксакала и, если он вначале опознал моих бандитов сразу и чуть было не набил при нас им морды, то теперь очень сильно засомневался. Отсутствие усов, отглаженные белые рубашки и галстуки тоже начали работать.

– Эта не она... наверная... – начал он неуверенно и с сильным акцентом, когда мы умолкли. – Та с усы была...

– С усами? – очень удивилась Зинаида. – Дети с усами?

– Да... И рубашке... и майке... Нет, это не она!

Милиционеры облегчённо вздохнули, и тут вошёл доктор, который обещал мне помочь своими медицинскими средствами и всю эту трагикомедию наблюдал из-за дверей.

Он подозвал Зинаиду и что-то шепнул ей на ухо.

– Ага, – сказала Зинаида и на всякий случай обратилась к пацанам. – Ваше счастье, что не вы! Идите в столовую, а после тихого часа мы ваши факирские штучки обсудим! А вас, уважаемые, я попрошу задержаться. Тут наш молодой доктор рекомендует всем кое-что антистрессовое и лекарственное. Да и пообедаем заодно...

После столовой я решил ещё раз заглянуть в пионерскую, да так и замер на полпути. Весёленькие и сытые милиционеры, смеясь, тащили к воронку под ручки пьяного в дугу совершенно счастливого аксакала, который разухабисто громко пел что-то на своём родном казахском языке...

ЛЮБОВНЫЙ ОТЛУП

Каждый, кто прочитает эти записки, подумает: “Чего это он только прозу жизни транслирует? Где любовная лирика? Возраст-то самый что ни на есть подходящий! стыдно, что ли признаться в своих ранних поражениях на этом фронте?”. стыдно – не стыдно, но это дело интимное, и тут поражения часто оказываются по прошествии времени ещё благоприятнее, чем победы. Возьмите романтику! Она в основном – сплошные разлуки, неразделённые чувства, муки одиночества и творчества, непреодолимые трудности, недостижимые с кондачка горизонты, всякие щемящие чувства и так далее и тому подобное. А без романтики – что за жизнь? Дважды два – четыре! скука!.. Поэтому я, конечно, скажу пару слов на эту тему, но особенно распространяться не буду.

ещё с младенчества я был очень влюбчивый и поэтому сразу же с первого дня влюбился в одну девочку из моего отряда. И это естественно! Мало того, что она была красива (в моём отряде, как я уже говорил, девчата были как на подбор!), но ещё и воспитание у неё было грузинское. То есть почтение и уважение к мужчине как врождённое! Говорят, что ещё японки как только увидят желанного, так и твердят ему: “Моя господина! Моя господина!..”. И если бы я был рядовым членом отряда, то может быть любовь и завязалась бы. Но я-то был за воспитателя! То есть каждый мой шаг отслеживался и был известен всем и у всех был на устах. Это такое горе, что и не передать! Приходилось быть не таким, какой есть, а таким, каким надо быть, чтоб другим неповадно было!

особенно я предупредил моих акселератов, которые тоже с первого дня уронили свои бешенные буркалы на красавиц и не скрывали этого.

Бедные руководители партии и правительства!

Каково им-то?..

Вот и приходилось тайно вздыхать и стараться быть хотя бы поближе к ней.

После лагеря я отыскал её, но это уже другая история и тоже романтическая...

уже где-то к концу сезона я решил поделиться с Витькой своей бедой.

– Везёт тебе! – неожиданно с завистью сказал он. – А меня мои студентки прямо замучили. Тянут в кусты без всякой лирики. Всё время намекают...

– Ну, ты счастливеец! И тебе не стыдно жаловаться на изобилие? Поделился бы со мной для опыта!

– Бери хоть обеих! Эти девчонки ко мне с детства липнут. Прямо хоть топись! Не нравятся они мне! Вот ты мне всегда нравишься! А какая у тебя кожа бархатная! Так и хочется погладить! Можно?

– Гладь! Мне-то что...

Витька погладил мою левую щеку, потом правую, а потом взял и поцеловал в губы.

– Мама моя родная!

Я отскочил как ошпаренный...

Жизнь – это самый серьёзный предмет...

ОПЯТЬ ВЛЯПАЛСЯ!

Чем старше становишься, тем меньше хочется писать. Одно время хоть дневники чиркал, а теперь и это не хочется. Тем более что высасывать из пальца и выковыривать из-под ногтя и красить и полировать его дело не мужское, а правда вещь беспощадная и часто очень даже для здоровья вредная. Поэтому, чтобы не сдохнуть преждевременно, приходится дозировать по каплям.

Да я бы и не записывал, но столько вокруг вранья и всяких идиотских фантазий под идеологической, религиозной, детективной, любовно-эротической и всяческой другой наркотой, что тошнит до невозможности.

Страшно что-то ещё придумывать!

Плеснуть в эту муть чистой воды просто необходимо! Хотя бы для того, чтобы самому окончательно не отравится...

Есть мистика или нет – не знаю. Но вот сказал Витька “Хоть топись!” и утонул не в переносном смысле, а в самом что ни на есть натуральном. В каком-то паршивом искусственном пруду какого-то винсовхоза.

Ужас!..

Это уже после лагеря было.

Что я пережил – не передать! Такого друга мне больше никогда не найти! Как будто половина меня утонула вместе с ним.

Как это произошло, никто до сих пор точно не знает, но одни говорили, что на спор пацаны плавали и Витька спас двоих, а сам утонул. Другие говорили, что он сам делал рекордный заплыв и утонул.

Воду из пруда начали спускать и в двух метрах от берега его обнаружили.

Чуть-чуть не дотянул!

Типичная история!..

У меня такой стресс был, что я ушёл из школы и в медицинское училище поступил.

Чтобы, мог спасать людей, если придётся...

Спасать надо было меня! Я и тут, вляпался по самые уши. Кто бы мог подумать, что встретит меня сплошная зубрёжка. А я и зубрёжка – две вещи несовместимые. У меня ассоциативная память! Это такая поганая штука, с которой запомнить-то что-то и запомнишь, но ничего никогда не выучишь, и ни в какую систему не впишешься.

К тому же я попал в первый набор курса фельдшеров-лечебников, а учебников ещё не было. Вот и учились по учебникам для медицинских институтов. То есть даже анатомию зубрили на латыни и досконально. Из этого бреда я только одно название запомнил на всю жизнь и то кажется неточно – стерна-клейда-мастоидеус. Что означает, по-моему, грудинно-ключично и ещё там какая-то сосцовая мышца.

А когда дошли до фармакологии, то это вообще была полная труба! Там на одних дозах с ума сойдёшь. Вместо двух нулей один поставишь и можно оркестр заказывать. Сдал только благодаря шпаргалкам. Ими снабжали всех сокурсники – Смурьгин Вовка и Татур Славка. Они сидели в очередь на корточках на карнизе второго этажа, а девчонки поставляли им в ведре на швабре не только рукотворные шпаргалки, но и вырванные страницы из учебников и конспектов. Причём чуть ли не рядом с окнами учительской и завуча...

Такая вот экстремально-отчаянная почта – ты отправляешь записку с вопросами билета – тебе ответ.

Зато уже к концу учёбы во мне обнаружился талант диагноста. Даже не помня точно симптомов той или иной болезни, я ставил диагноз на раз и в точку. Педагоги удивлялись, но двойки всё равно ставили.

Диагноз-то я поставить мог, а вот лечить – чёрта с два!..

СЕЛЬХОЗУДОВОЛЬСТВИЯ

В начале каждого учебного года нас отправляли на уборку табака в подшефный табаксовхоз. Ну и первый год тоже интересно начался. Только поступили и всех как баранов погнали. А куда было деваться!..

Сели мы в грузовые машины с открытым верхом и - вперёд! Ветерок засвистел, и вдруг как грянул бабий унисон! Да так дружно, как будто бы эти противоположнополюе с этой песней и родились:

Расцвела сирень в моём садочке.

Ты пришла в сиреновом платочке.

Ты пришла и я пришёл.

И тебе и мене хо-ро-шо!

Я такого русско-украинского примитива никогда не слышал. Папаня у меня был из старорежимных интеллигентов, и такая пацанья херня к нам не залетала.

Но мне понравилось!

Соответствовало простому сегодняшнему бурному сексуальному пробуждению!

Отцвела сирень в моём садочке.

Ты ушла в сиреновом платочке.

Ты ушла и я ушёл.

И тебе и мене хо-ро-шо!

Ну, это совсем по правде жизни было!

Расцвела сирень в садочке снова.

Ты нашла, нашла себе другого.

Ты нашла и я нашёл.

И тебе и мене хо-ро-шо!

А это вообще, – в точку и перспективу!

Только эту песню отгрохали, как следующую, ещё более невероятную по примитиву заорали. Да ещё и на мотив “Мы идём по Уругваю!”:

Джон в Америке родился,

Джон в Америке живёт,

Джон в Америке женился,

Джон в Америке умрёт!

Джон Кеннеди, Джон Кеннеди,

Джон Кеннеди ча-ча-ча

Джон Кеннеди, Джон Кеннеди,

Джон Кеннеди ча-ча-ча!..

Ну, сельхозработы... Сами понимаете... Это только вьетнамцы, корейцы, тайландцы и тому подобные сельскохозяйственные таланты погружаются в них как в нирвану. А бездарные избалованные европейские граждане только стонут и мучаются.

Девчата сели под навесы и нанизывали себе листья табака на бечёвки, да по две нормы – самые талантливые, а мы, как мужская гордая сила, кто в грузчики подался, кто...

Вот эти вторые “кто” – были мы трое. Один всё время, как он говорил, “Из протеста!” коноплю растирал в ладонях и пытался накарябать смолу на папиросочку. Второй без всякой наркоты, как китайский болванчик, только улыбался и хихикал. Ему вообще вся жизнь была “по барабану!”.

Ну и я – ветеран ангин и других интеллигентных заболеваний, таскать пятидесятикилограммовые мешки с табаком просто не мог. Один раз попробовал и понял, что скорее сдохну, чем что-то заработаю. Вскинули мне на плечи это никотиновое богатство, и я

зигзагами, и всё больше склоняясь к земле, побежал к грузовику. У самого борта я рухнул носом в землю и на меня минут десять тряпками махали. Так что, сами понимаете, – выбора особенно не было.

Да и лёгкие работы мне были не по зубам. Попытался я нанизывать табак на бечёвку, но куда мне было до наших красавиц! И на кормёжку не заработал.

Поэтому сбились мы – отбросы производства и жизни, и организовали стройбригаду “Ух!”, которая вроде бы рыла канавы для полива, а на самом деле периодически фланировала перед девчатами с ломом на плечах. Этим мы как бы намекали на скрытую от государства, но всегда готовую на интимные подвиги мужскую силу. Ну и пели, конечно, для поддержки духа:

Не хотим мы тратить свою силу

И работа нам идёт не в жилу!

Нам табак весь опротивел

Из терпенья нас он вывел.

Я в гробу работу эту видел!

Этот шедевр, конечно же, я накорякал!

Залили мы всё что надо и не надо, так как не особенно следили за водой, и направили нас выбирать землю из парников.

Работа самая что ни на есть потогонная. Пару дней лопатами поковыряли и плюнули. И по пол нормы на душу не выработали.

И тут наш наркоман, который всё бродил и бродил в поисках кондиционной конопли, набрёл на прошлогодние, уже вычерпнутые парники.

Мы тут же смекнули “чё почём” и, разрыхлив землю в этих парниках и на кучах выброшенной, бог знает когда земли, потом весь день загорали и рассказывали друг другу байки про баб и космические перспективы страны.

В конце рабочего дня приходил учётчик, и только языком щёлкал – по две нормы и больше на брата выходило! Он, конечно, что-то подозревал, но куда ему было против нашего нахальства! В этих совхозах такой бардак был, что никто не помнил и нигде в документах нельзя было найти, что было сделано в прошлом году и где, а уж в позапрошлом – тем более. А пространства – до самого горизонта! За день не обскакать на коне!

Но это работа, а отдых...

Как-то наши амбалистые товарищи-грузчики решили себе досуг устроить среди недели. Там какая-то проблема с грузовиками была. Ну, а у нас пауза в работе – постоянное и святое дело. Наркоша, конечно, опять по коноплю двинулся, второй debil спать завалился, а я увязался за передовым трудовым отрядом на совхозный пруд.

Расположились мы на бережку, поплавали, и стали думать как бы ещё интереснее досуг провести.

– Видите лодку на том берегу, – говорит Исса – Аблай Исабаев (Борька). – По-моему она не на привязи.

– Точно! – подтверждает Самурай (Смурыгин Вовка).

– Плывём! – кричит Яшка Веккер – большой умница и будущий замечательный врач (к нему, как и ко мне, никакое прозвище в медучилище не прилипало), и все трое наперегонки бросаются в воду.

И вот мы уже в лодочке, как какие-нибудь дворяне, по озеру рассекаем. Я с Яшкой природой люблюсь, камышами, а двое остальных только уточками да гусочками, в огромном количестве рядом плавающими.

– Надо вёслами их глушить, а потом шеи сворачивать! – слышим мы, и первая утка тут же летит нам под ноги.

– Крутите ей голову, крутите! – орёт Исса.

– Да вы чё? – орём мы с Яшкой. – Что мы, – живодёры, что ли?

– Ну, чистоплюи, хреновы! Пожрём как люди и других накормим! Сворачивай им шеи, Самурай, а с вёслами я сам справлюсь!

Ни слова не говоря, Самурай кидается к нам и, рыча, крутит шеи уже двум уткам.

И в это время на косогор того берега откуда лодка выбегает мужик с двустволкой и пуляет то ли в воздух, то ли по нам. Исса уже не глушит уток, несколько штук которых вокруг лодки бултыхаются вверх лапками, а остервенело гребёт к берегу.

– Держи! – теперь уже орёт Самурай и суёт мне в каждую руку по две утиной шеи. – Беги через кукурузу на кухню и отдай их нашим поварихам! А мы лодку отгоним подальше и шмутьё соберём!

И я побежал...

Пол кукурузного поля отмахал в горячке и вдруг почувствовал, что руки отпадают. Шеи уток тонкие, а сами-то они ого-го какие! Даже без печатей сразу видно, что не совхозные, а частные! А тут ещё соображение заработало – как это я буду в мокрых трусах и с четырьмя утками через посёлок бежать? Ну, явно подставили меня дружки-товарищи. Улики мне, а сами

за тряпками. Положил я бедняжек в самой кукурузной гуще у канавы для полива и пошёл к корпусу недостроенного четырёхэтажного здания, где нас разместили.

Обида просто раздирает!

Подхожу к зданию, а парни уже там.

– Куда уток дел? – спрашивают.

– Спрятал. Вечером принесу, герои!

– Да ты чё? Мы еле успели смыться! Всю дорогу бежали как сумасшедшие!

– Да ладно, ладно! – махнул я рукой, а сам подумал, что бывают попутчики, собеседники, знакомые, приятели, товарищи, а друзья практически никогда.

Правда, Яшка как-то стыдливо потупился и погладил меня по плечу, но Бог и ему судья!

Лишь только вечер затеплился синий, сунули мне в руки фонарик и – вперёд! Кукуруза под два метра и выше. Джунгли! Мы когда на сборе кукурузы работали, часто делились на две группы и по голосам пуляли початками. Как в кого попало – тот и выбыл. Иногда, если по голове, то почти взаправду.

Так вот лазил, лазил – нашёл! Но не четыре, а три. Одна уточка очухалась и ушла. Нам потом местные рассказывали, что она хоть и со свёрнутой шеей, но приковыляла к родному дому. Хозяин её посокрушался, посокрушался, да в тот же вечер и зажарил.

Но там-то покушали, как следует, а нам готовили часа три на сиротском, угасающем ещё с ужина, огне и так и не прожарили. Правда все хавали – и ничего, а вот меня два дня несло в той же густой кукурузе. Весь грех на меня упал. Сидел я орлом, смотрел на шелестящие верхушки стеблей и думал:

– За что, а?..

Дальше, всё интересней и интересней! Только от уток очухался, как тут же другая история приключилась.

То, что я с детства был очень любопытный, это почти у всех есть. Но то, что на своей шкуре всё проверял – это не у каждого. Табака высушенного вокруг – море, и мы и сигарки скручивали и огромные сигары, но лишь один я додумался проверять какой кайф от нюханья его, родимого. Ну, это видимо опять же оттого, что слишком много читал. Там в исторических романах все аристократы только и делают, что табак нюхают. Да ещё из драгоценных табакерок вынимают...

Растёр я листья в труху и начал внюхивать. Эти, – которые себя дружочками называют, сгрудились и подначивают: “Давай, давай!”. Ну, я и даю! Минуту нюхаю – никакого кайфа! Вторую, – ни черта! Даже не чихается, о чём подробно и восторженно в литературе написано. Парни говорят – табак высший сорт. Эффект должен быть.

И тут я чувствую, что косею. Кумар начался!

– Мужики, – говорю. – Точно как от пол-литры вина эффект.

– Да ты чё? – радуются орлы. – За пол-литру платить надо, а тут дармовой кайф под ногами! Давай, давай!..

– Что-то тошнит. И голова кружится...

И тут меня как начало полоскать, так все отскочили метра на два. А из носа столько табачных столбиков повыскакивало, сколько и представить никто не мог. Труха трухой, а не заметил, как кучу втянул. Где это добро поместилось в носу – не знаю. Впрочем, шнобель у меня отменный...

– Никотиновое отравление! – кричит Яшка. – “скорую” вызывайте!

Ну, “скорая” – не “скорая”, а два дня опять пролежал...

– Знаешь что, – говорят парни. – сегодня вечером мы пойдём виноград тырить. Мускат! Иди с нами! Отвлекись немного, а то просто жалко на тебя смотреть. Дело налаженное – успех гарантирован. Нас местные поведут и ещё из сельхозтехникума ребята.

– Слава Богу – проснулась совесть! – подумал я и освободил наволочку от соломы, которой и матрацовки были набиты вместо ваты.

Кто в детстве совершал набеги на соседские или колхозные сады, тот знает, какое это удовольствие. Кое-что в этом плане я уже описывал. Но то, с чем я встретился тут, было больше похоже на сокрушительную партизанскую операцию или забойное комсомольское мероприятие. Во-первых, на детей мы уже сильно не смахивали, а во-вторых, количество желающих полакомиться было... Я до сих пор не знаю, да никто и не подсчитывал, сколько нас шло с рюкзаками, наволочками от подушек и прочей тарой. Луны не было, и только звёзды слабо обозначали силуэты, топающих по совхозным кушарам след в след. Да ещё и по пути следования, то справа, то слева, к длинной шеренге всё время, молча и бесшумно, присоединялись новые и новые тени, и это были явно не студенты.

Наконец кто-то из местных распределил нас по рядам виноградника, и мы начали на ощупь собирать урожай. Я не буду описывать тугие и упругие как девичьи груди гроздья винограда – это дело смакуется ещё с библейских времён, но жадность, с которой я их дёргал и запихивал в наволочку, была почти что эротическая.

И вдруг кто-то из наших схватил меня, и, прижав к земле, заткнул липкой ладонью рот. Только что всё поле мягко шелестело и вот всё замерло.

– Что за херня! Вроде ветра нет... – пробормотал прямо над моим ухом старческий голос и, повернув голову, я увидел на другой стороне кустов силуэт сапога.

– Бабах! – грянуло у самого уха и что тут произошло-о!..

Весь виноградник вздыбился!

Это все одновременно вскочили и бросились бежать в одну сторону, а бедняга сторож упал и пополз в другую.

Он даже ружьишко своё выронил и, как мы потом узнали, искать ночью побоялся. Утром его принесли в сторожевой шалаш уже первые законные дневные собиратели винограда, среди которых наверняка были и ночные.

И, конечно, у всех всё в порядке, только у меня от такого стресса ещё не очень окрепший от всех предыдущих хохмочек желудок опять не выдержал и всю оставшуюся ночь, и всё утро я снова прятался в кукурузе...

Отыскал меня Самурай.

– Валяй домой, – сказал он. – Не в коня корм тебе здесь! Да ты не переживай – мы тебя прикроем. Яшка уже ведёт переговоры с шефом. И ещё это... Ребята твой чемодан доверху виноградом набили. Ты же свой урожай на поле оставил. Смотри, ешь осторожнее! При твоих делах виноград всё-таки не очень... Хлебом закусывай!

Хотите – верьте, хотите – нет, но только я это услышал, так сразу и выздоровел. И лопал уже дома этот самый вкусный и сладкий в своей жизни виноград за обе щёки и без всякого хлеба.

ДАР ПРОКЛЮНУЛСЯ!

Началась учёба и, как вы уже в курсе грустная началась жизнь.

Для меня!

Когда не своим делом занимаешься, то и заболеть можно!

Но мне повезло. Сначала в медучилище пришла Лидия Дмитриевна Попова для добора парней на постановку самодеятельного спектакля “Волшебный факел”. Предполагалось, что медики – народ интеллигентный, да и с нашим директором у неё были очень дружеские отношения. Я, конечно, был в первых рядах и добровольно, так как уже имел опыт, и дали мне роль князя, а остальных загнали в постановку угрозами и льготами. Но в дальнейшем никто не пожалел. Кто-то был бессловесным стражником, кто-то нечистой силой, шипящей и гавкающей, кто-то волшебным добрым деревом, а кто-то просто восставшим против эксплуататоров народом. Практически все парни первого курса были задействованы.

Моя супруга по спектаклю – очаровательная десятиклассница, на мои восторги по поводу её неземной красоты только морщилась и говорила, что её от таких малявок, как я, тошнит.

Потом мы узнали, что она уже тогда была беременна и впоследствии в срок родила очаровательную малышку.

Каждый вечер мы собирались в одном из Домов пионеров и бесились и брэнчали на пианино гораздо больше, чем занимались делом. А всё потому, что Лидия Дмитриевна жила в этом же Доме пионеров в полуподвале и всё время убегала по хозяйственным делам к своей маленькой дочке.

Эти счастливейшие вечера так заряжали, что я даже лучше стал учиться. Память какая-то нормальная появилась! Но спектакль был поставлен, с большим успехом сыгран на сцене Дома культуры и всё! Кончилось счастье!..

Зря я так думал! Где-то на небесах программа уже была включена, и теперь Божий перст ткнул меня прямо в макушку. Позагорал я на солнце без головного убора и попал в инфекционное отделение с менингитом. Потому что ещё и клещи перед этим кусали не раз.

На энцефалит подозрение было...

Три дня голову раскалывало от невыносимой боли и такие радужные калейдоскопы крутились перед глазами, что ужас! Температура тоже зашкаливала. Жарко было как в топке. Я находился на грани жизни и смерти, но когда взмолился и пообещал высшим силам за выздоровление то подвижничество, благодаря которому вы эти строчки сейчас читаете, то на пятый день вдруг выздоровел.

И тут началось...

Везде зазвучала музыка. Да не простая, а симфоническая. Причём, я мог промычать или просвистеть каждую партию любого инструмента. Вначале я думал, что это звучат провода, или ещё что-то, но потом обнаружил, что музыка звучит отовсюду, а точнее – из меня! И хотя моё музыкальное просвещение было практически нулевое, но интуитивно я сразу заподозрил, что таких шедевров ещё никто не написал.

Получил я очередную стипендию (двадцать рублей!) и помчался покупать гитару, чтобы хоть как-то можно было воспроизвести то, что звучало так красиво и могуче.

На гитару денег не хватило, а рядом лежала красивая и всего за восемь рублей скрипка. Купил я её, принёс домой, натянул струны и, весь дрожа от нетерпения, провёл смычком.

Тишина!

Ни звука!..

– Брак! Опять подсунули брак! – понял я, но на всякий случай побежал к знакомому отцу, у которого была скрипка.

Тот улыбнулся и натёр смычок канифолью...

Только я выучил до-ре-ми-фа-соль-ля-си, так сразу стал записывать мелодии своих симфоний. Это было похоже на зашифрованные наскальные записи первобытного человека. Проиграть написанное мог только я...

И вдруг... голос прорезался!

То есть не совсем с потолка, так как я и в детстве пел “У дороги чибис, у дороги чибис!..” и всякое такое. Но тут где-то на втором курсе я как-то открыл рот, а оттуда такая иерихонская труба завывала, что я, аж присел.

Ну, это я вам скажу!.. Такое ощущение, что ты – Бог! Ну, только что не было и вдруг!.. На одной низкой ноте даже стёкла в окнах начинали дребезжать, а зубы готовы были выпрыгнуть. А тут – Новый Год! Я и выбежал в горячке на сцену и бодро так и очень громко начал: “Рисует узоры мороз на оконном стекле!..”. Все аж замерли от моей невероятно звонкой оглушающей неожиданности...

Я ещё поднажал и всё!..

На верхней ноте захлебнулся!

Баянист в одну тональность, в другую – без толку! Я был в таком шоке, что сориентироваться не смог. Потом долго разные специалисты выясняли, то в самодеятельности, то в консерватории, то в филармонии, то ещё бог знает где – бас у меня, баритон или драматический тенор.

Похожая история произошла с моей родной тётушкой. Только удар сверху был не с плюсовой температурой, а с минусовой. Она в пять или шесть лет как-то заблудилась и замёрзла. Когда её нашли и отогрели, то у неё открылся дар видения сначала прошлого, а потом и будущего.

Будучи ещё ребёнком, она в игре с подругой схватила её за руку и, впав в транс, начала рассказывать со всеми подробностями историю о кораблекрушении, где её папа был капитаном. Но главное, она сказала, что её папа приедет через три дня.

Через три дня, пропавший без вести два года назад, папаша приехал...

К студенческим годам тётушка уже научилась произвольно входить в транс. Сокурсницы иногда пользовались этим, но время было атеистическое, училась она в медицинском институте, потом была партийной...

Задавливала она эту свою способность как могла, никому о ней не распространялась и, в конце концов, успешно почти задавила. Иногда эти транссы ещё накатывали, но всё реже и реже...

Как-то ей прислали из Канады альбом со снимками развития раковых клеток в разных стадиях и прочим материалом по профилю её диссертации, но сопроводительное письмо задержалось. А через два дня защита. Задрожала моя тётушка от нервного напряжения и вдруг увидела весь материал, да ещё и переведённый на русский язык...

И в последний раз, уже восьмидесятилетняя, проходя мимо киоска с продажей лотерейных билетов лото-спринт, она неожиданно указала парню, покупающему билет не на тот, который он взял, а на другой. Парень купил, развернул билет, а там “Москвич-412”...

Мда-а...

Так вот голос-то появился и на скрипке я уже даже кое-что своё выпиливал, а зубрить надо было не квинтовый круг, а “Внутренние болезни”, “Акушерство и гинекологию”, “Венерические болезни” и тому подобное совсем не музыкальное ассорти...

“НЕТ РОМАНТИЗМУ! ЗАКУСКА НЕ ТА!..”

Мужиков у нас было не больше пяти на группу из сорока человек, и мы инстинктивно держались дружной кучкой. Тем более что женская часть состояла из разновозрастных гражданок. Некоторым было, как и мне, по пятнадцать-шестнадцать, а некоторым по тридцать лет, а то и больше. К тому же кто-то и в колониях уже посидел и ожесточился и огрубел очень и очень. И многие считали каждую копейку. Стипендия же была, как я уже говорил, – двадцать рублей! Это столько же раз в столовой как следует пообедать. И то, за экзаменационную тройку её отбирали. А где-то подработать было очень трудно – днём учёба, а вечером практика в больнице. К тому же многие снимали углы в частном секторе. Да и в лохмотьях не походишь! Выглядеть тоже надо по-человечески – девчонки всё-таки!..

Однажды поймали одну хронически голодающую девочку за кражей стипендии у кого-то и такой самостийный трибунал устроили, что она от позора и стыда убежала и где-то на разъезде у своего нищенского дома бросилась под поезд. Её ещё волокло километров десять, и такое кровавое месиво было, что еле опознали. Лучше бы милицию вызвали и в колонию запекли...

Мда-а...

Толпа – это страшная и, в основном, разрушительная сила! И я это ощутил на себе тоже. Не люблю я распространяться насчёт лирики и её беспощадных ударов, но без этого трудно будет понять мотивы дальнейших моих “фокусов”, спровоцировавших гнев толпы.

Не знаю как у других, а у меня интерес к дамскому полу всё разрастался и разрастался, а дальше романтизма – никуда! Все эти “Айвенго”, “Женщины в белом”, “Джейн Эйры”, Фениморы Куперы, Майн-Риды и тому подобная сладкая чушь и застольный бред забили мне мозги с детства так же как Тому Сойеру, но у того уже в детстве подружка была – Бекки Тетчер, а у меня, в основном, только вздохи. Для меня все дамы были вроде бы как инопланетянки. И вдруг этих инопланетянок вокруг – море! Самых разноцветных и разновозрастных! И толку – никакого! Вроде бы в меду сидишь, а попробовать – ни-ни! И почти все заводят романы на стороне, а на нас, сокурсников, смотрят лишь как на бесполок подружек. Все их тайны для нас – откровения, и мы главные советчики в их амурных делах и модных приговорах, а нам – шиш!

Раздразнили донельзя!

Ну, остальные парни читали, наверное, меньше и потому быстро устроились. По той же так презираемой мной схеме “Дважды два – четыре!”. И то не в своём родном коллективе, а на стороне. А меня эти “Аэлиты” чуть было до половой неврастении не довели.

Чтобы не заболеть, плюнул я на их инопланетное происхождение, да так плюнул и озлобился, что слишком! То одну хлопну по попке, прилюдно, то другую...

Доигрался до того, что девчонки схватили меня как-то на большой перемене, затащили в пустую аудиторию и чуть было не лишили детородной перспективы. Вроде бы в шутку, но в коллективном азарте всякое бывает, и я перепугался ого-го как. Всё-таки медички!.. Да и то, что среди них есть бывшие уголовницы, не очень утешало...

Вырвался я, с трудом отдышался, и какое-то время вёл себя пристойно.

Но тут грянуло очередное сельхозудовольствие. А как я уже говорил, наше медучилище ежегодно шефствовало над табаксовхозом. И там каждый раз после работы наступал волнующий вечер.

Парни надёргали девчонок из работающего рядом с нами сельхозтехникума и разбрелись кто куда. Кое-кто из наших дам тоже в благословенную темноту не в одиночку углубился. Один я как перст туда-сюда шастаю среди оставшегося медового улья и облизываюсь, и злюсь всё больше и больше. Типичные вечные “страдания юного Вертера”, но уже на другом историческом отрезке и в других декорациях, ситуациях и материале. Поэтому злюсь не только от того, что на голодной диете нахожусь, а и от того, что я, полный романтики и тончайшей духовной организации, с дулей в карманах хожу, когда одноклеточные благополучно нетрудно и вкусно размножаются. Да и раздражало ещё то, что слишком уж гордо ходят этикие вроде бы недотроги и почти литературные по виду Ассоли, а сами только о самцах думают, а не о Гряях.

И вот, наверное, для того, чтобы показать всем действительную сущность этих воздушных созданий, я снова начал прилюдно презрительно хлопать их по упругим попкам.

Ну и, конечно, опять дохлопался...

Наша группа жила в одном из отделений табаксовхоза в почти достроенных коттеджах. Это большой зал и три небольшие комнатки. В зале на матрацах располагалась основная женская половина, в двух комнатах, тоже на матрацах парни, и в одной, на нормальной кровати педагог. В том коттедже, где жил я, нас парней было шестеро, а дам – человек восемнадцать.

И вот в один прекрасный послерабочий вечер парни как всегда приффраерились, наодеколонились и только собрались на свидания, как кто-то из дам им и крикнул:

– Тащите вашего шутника-юмориста! Допёк он нас! Мы с ним сейчас разберёмся! Мы его сейчас посватаем! Тут сразу три не против!..

– Ура-а! – заорали парни и, думая, что это одна из очередных молодёжных игр, бросились ко мне.

Меня как волной холодной обдало.

Я сразу всё понял.

Тем более что опыт уже был...

Но моё отчаянное сопротивление парни приняли за кокетство и, дружно оторвав от пола и подняв над головами, как ленинское бревно, понесли к залу.

– Мужики, вы что? Они же из меня сейчас фарш сделают! – заорал я. – Ножик хоть дайте для защиты! Ножик!..

– На! – сказал кто-то и тоже в шутку сунул мне в руку увесистый складной нож.

Дверь распахнулась, и, казалось, тысяча женских рук вцепились в меня. Вырвав у парней, они втащили меня в зал, и тут же с оглушительным ударом дверь захлопнулась, и увесистый крючок заблокировал её.

Парни оторопели.

Это уже была явно не игра, и они начали стучать и требовать моей выдачи.

– Мы вам его девушкой выдадим! – крикнул какой-то прокуренный сиплый голос, и я выдернул лезвие ножа.

– Ножик! У него ножик! – раздался визг, и агрессивная масса отшатнулась.

Я метнулся в свободный угол зала и, почувствовав спиной защитный тыл стен, выставил нож. Человек шесть разгорячённых далеко не юных и некрасивых баб тяжело дышали в метре от меня. А одна, самая азартная, делала рывки, но свист лезвия отбрасывал её.

– А ну, откройте немедленно! – раздался за дверью требовательный голос.

Крючок откинулся и, растерянно улыбаясь, вошла педагог – хирург Татьяна Петровна. Она тоже думала, что то, что происходит – игра.

– Ножик! У него ножик! – завопили нападавшие.

– Где? – так же улыбаясь, спросила Петровна и обыскала меня.

Ножа не было.

Петровна поняла, что её разыгрывают, и направилась к двери.

Я по стеночке, по стеночке за ней.

Но только она вышла, как самая азартная тётка бросилась к двери и снова набросила крючок, а я метнулся обратно в угол и опять раскрыл нож. Он был спрятан в молитвенно сложенных ладонях. Как я додумался это сделать – не знаю. Всё произошло как бы само собой...

В дверь опять замолотили, а несколько парней побежали к окнам. Схватив кирпичи, они приготвились бить стёкла, чтобы прийти мне на помощь.

Моё бело-зелёное лицо, вздыбленные волосы и сверкающее лезвие не требовали комментариев и сомнений.

Крики парней, уже нешуточные крики Петровны и, главное, затянувшееся время сбили остроту психоза.

Предупреждающе дёргая ножом, я рывками добрался до двери и, откинув крючок, сложил и выронил нож прямо в профессиональные руки в этот момент моего любимого хирурга Петровны...

В этот же день меня дислоцировали в другое отделение совхоза, а потом и домой.

От греха подальше!

Но самое интересное то, что во всей этой заварушке никто из тех, кого я хлопал по попкам (а хлопал я только хорошеньких!), не участвовал. Они сидели в глубине зала на матрацах очень перепоганые и даже пытались остановить это зашкалившее безумие.

С одной из них я даже впоследствии подружился. Романтика – не романтика, а брови у неё были очень романтично изогнуты, как рисунок на голове у лебеда, кожа – шёлк, фигурка – балет. Да ещё и оказалось, что “Алые паруса” – её любимая книга...

УЗНИК СОВЕСТИ

Пиликанье на скрипке и мой голос сразу поставили меня на ступеньку выше простых медицинских сокурсников. Тем более что я быстро освоил вокальные азы и свободно гулял по репертуару Иосифа Кобзона, Эдуарда Хила, а, главное, Муслима Магомаева.

Весь мир для меня сразу поделился на обыкновенный и необыкновенный (хотя он всегда был, есть и будет таковым!), и тянуться я стал только ко второму, где уже обитал. Я, конечно, не подавал виду, что я особенный, но внутри нос задрал до потолка. Уже потом я узнал, что это не исключение. Оказывается, все певцы считают, что схватили Бога за бороду. Мания величия и ядовитая ревность к коллегам у них – норма! Тут поистине – “два короля на троне не сидят!”. И когда меня пригласили в клуб, я с удовольствием отметил, что ни у кого в местной самодеятельности нет голоса с таким диапазоном и бархатным тембром, как у меня.

Но меня, оказывается, пригласили не из-за голоса, а из-за скрипки. Там разучивали к смотру самодеятельности увертюру к кинофильму “Дети капитана Гранта” и чисто для вида им нужна была хоть одна скрипка.

Представляете – три трубы, три саксофона, два тромбона, три кларнета, два аккордеона, оглушительные ударные и моя жалкая скрипочка!

Музыканты старались где-то почти умолкнуть, чтобы дать мне соло, но всё равно я даже сам себя почти не слышал. Но оркестр – не баян какой-нибудь, и это утешало. Тем более что и голосу моему нашли применение – меня включили в концертную бригаду. Одновременно с шефскими концертами мы малым составом давали и платные, и с каждого я получал десять рублей. Это для студента ого-го сколько! Я сразу купил себе чехословацкие корочки (туфли) и всё прочее эстрадное, да и просто бытовое очень приличное обмундирование.

Но главный кайф в этой деятельности был – танцы!

Два раза в неделю мы всем эстрадным составом сидели на сцене в лучах прожекторов, а внизу перед нами был такой цветник, что глаза разбегались. Наши руководители, прожжённые духовые пьяницы, только языками щёлкали: “Ах, какие сурдиночки у этой!.. А у той, у той!.. А вирзошнички, вирзошнички!..” (переводить не буду – сами догадывайтесь!). И пел я конечно под оркестр, что для моего гонора было очень даже благотворно. Слава моя росла и росла благодаря такому сопровождению!..

Сыграем мы три-четыре пьесы, спою я что-нибудь вроде “О-го-го хали-гали!” и взрослый состав идёт в предбанник на перекур и на заправку, а молодёжь под магнитофонные визги спускается в зал.

Пока в предбаннике идёт священное алкогольное таинство, мы знакомимся с девчонками, танцуем с ними и иногда назначаем свидания. Нас даже просили это делать, чтобы заманивать побольше людей.

После перерыва все, очень довольные этой жизнью, опять рассаживаются (взрослые уже с красными рожами и носами) и снова несколько пьес, пара песен и опять перекур.

Танцы – есть танцы! Тут такие страсти кипели, что ой-ё-ёй! И всё традиционно из-за дам. То кто-то кого-то полной бутылкой ёмкостью 0,8 огреет по голове, то полновесная драка и поножовщина...

Милиция всё время дежурила, но не успевала вовремя подскочить. А может быть и не хотела. Тем более, что бывали и смертельные случаи...

Раз очень яркая девушка попросила меня проводить её домой. И не для лирики, а вроде бы как для охраны. Какие-то очередные пьяные лбы прицепились к ней не на шутку.

Ну, какой я охранник? Но дама просит! А я вроде бы авторитет. А раз авторитет, значит сильный. Значит – мужчина! Вывел я её с чёрного хода, и только мы отошли с полквартала, как из клуба выбежало человек пять бугаёв, которым уже было где-то под тридцать.

И к нам!

Я сразу понял, что один-то я убегу, а вдвоём вряд ли. Откуда соображение приходит в таких ситуациях – не знаю, но я быстро завернул даму под уличный фонарь, сказал “стой спокойно!” и встал так, чтобы было видно наши лица.

Между нами и бугаями шла ещё одна пара и так как они были в тени, то бугаи, не разобравшись, сбили парня с ног и начали пинать его. Я сразу понял, что и меня ждёт то же самое, и мозги мои заработали ещё шибче.

Отметелив парня, бугаи ринулись к нам. Поняли, что не того ухайдокали! По инерции проскочив мимо, а может быть и для того, чтобы отрезать путь к нашему бегству, они развернулись и, тяжело дыша, пахнули на нас густым свежим алкоголем. И только собрались эти самцы делать из меня котлету, как я им выпалил:

– Это не моя девушка, парни! Не моя! К ней все пристают, и она попросила меня проводить её. Хотите тоже проводить, пойдёмте вместе. Так будет ещё безопаснее. Но так как я обещал проводить её до самого дома, то и я провожу!

Бугаи дёрнулись и замерли.

– Проводим девушку? – не давая им опомниться, ещё раз предложил я.

– Ну да... – начал видимо главный претендент.

– Да это же певец! – узнал меня другой.

– Ну, пойдём... – уже спокойнее сказал главный, и мы пошли.

Представляете себе эту картину – пять бугаёв вокруг и я с девушкой в центре? Так и дошли до её частного домика. Всю дорогу я очень спокойно и с уважением беседовал с бугаями. По дороге вдруг выяснилось, что главный работает учителем в школе. Представляете? Остальные тоже как в волшебной сказке постепенно превращались из чудовищ в нормальных и вполне мирных граждан.

Пропустил я девушку за калитку и, пожелав всем спокойной ночи, ушёл.

Дней через пять я встретил её на улице, и она поведала мне про свою ужасную жизнь. Сплошные драки вокруг неё! Даже отец два раза в реанимации лежал. Его за удачливого самца принимали...

– В первый раз всё мирно закончилось! – сказала она и с надеждой посмотрела на меня.

Но я как вспомнил тот вечер, так только посочувствовал и распрощался. Не рассказывать же ей, с какой скоростью я летел недавно от её калитки, как только завернул за угол. Я же не герой! Я узник своей совести!

ФИЗКУЛЬТ-ПРИВЕТ!

Моральный авторитет – это конечно штука важная, но на юный женский пол он действует слабо. Потому что в этом нежном возрасте сигналы идут в основном через спинной мозг в голову, а не через голову в спинной мозг. И это правильно, потому что природно необходимо для естественного отбора и выживания вида.

Такое открытие я сделал на втором курсе медицинского училища. И на скрипке я играл, и пел как соловей, и речи заумные закатывал, а девчонки на меня плохо клевали. А так как прелестниц вокруг было море, то я стал прислушиваться к их разговорам. «Ах, какие плечи у моего Васи!» – что-то похожее щебетала одна. «А у моего на животе кубики как булыжники!» – восторгалась другая. «А мой меня запросто может на руках носить целый день!» – пела третья.

И никто не дурил от мужского ума, гениальности и талантов.

А от порядочности – тем более!

Такие бандиты и шантрапа пользовались успехом, что только держись! Всех красавиц поражали в самое сердце исключительно физические достоинства и доблести.

Мухотня не нужна была никому!

Я думаю, что только научно-исследовательские институты могли заинтересоваться такой дрозофилой как я (мушка такая маленькая), да и то на предмет радикального генетического исправления. Поэтому купил я сборно-разборные гантели, мощнейший эспандер, две гири по шестнадцать килограмм каждая и одну в тридцать два килограмма, и начал наращивать свою хилую мышечную массу.

День качаюсь, два, неделю, месяц – никакого эффекта!

Не становлюсь Гераклом!

Думал я, думал, и вдруг озарение пришло – не экскаватор я, а гоночный автомобиль! А это ведь тоже сила физическая, а не интеллектуальная.

Ещё в школе я бегал лучше всех сверстников. Особенно когда за мной гнались, чтобы отметить...

Надо и сегодня доказать это всем!

И я начал тренировки.

По ночам!

Потому что днём учёба, практика в больнице, ну и подобная лабуда. И потом, не принято было, чтобы кто-то бегал, как в Америке, среди бела дня по городу в спортивных трусах. Да и ночью я не по городу бегал, а по загородной трассе Алма-Ата–Талгар. Машины, в основном, проносились мимо, но иногда останавливались, и водители предлагали подвозку. Я объяснял им, что занимаюсь спортом и мои ноги – моя машина, на что они весело хмыкали и уезжали. Откуда им было понять, что я эффект хотел произвести ошеломляющий – сразу все рекорды побить! Тем более что уже через две недели я отмахивал по пятнадцать-двадцать километров.

И тут совершенно потрясающее явление обнаружилось где-то после первых десяти километров. Только-только я начинал уставать, как вдруг будто бы кто-то выключатель дергал. Тело становилось лёгким, как пушинка, усталости как не бывало и я ангелом летел над землёй, переполненный такой радостью и восторгом, каких не испытывал никогда – ни до, ни после. Лёгкие сжимались и разжимались сами по себе – без всяких с моей стороны усилий, и весь я был как будто не я, а кто-то посторонний. Я вроде бы даже иногда находился как бы вне тела, не испытывая при этом никаких неудобств и тягот. Наверное, это была та самая медитация, в которой какое-то африканское племя бегаёт на многие десятки километров. Только колхозные хлопцы да собаки вышибали меня из этого состояния. Где-то на уровне колхозов имени Мичурина и Кызыл-Гайрата они выбегали из прищосейных садов и гнались за мной, как за зайцем. Сначала я пугался, но потом, поняв, что им меня не догнать, даже позволял себе поиграться, то замедляя бег, то ускоряя. Плохо только то, что ритм сбивался, медитация кончалась и, напоследок, резко уйдя от погони, я долго отдышивался пока не входил обратно в ритмичный кайф. Конечно, я бы не устраивал эти совсем не шутейные и очень опасные шоу, если бы и тут не получал удовольствие и вдохновение. Подумать только – без всяких моторов и других технических приспособлений вплоть до велосипеда я мог легко уйти от погони и покрывал автомобильные расстояния!

Зауважал я своё тело! Ох, как зауважал!

Но ещё больше я зауважал Герцикова Григория Моисеевича. Я с ним встречался периодически на отрезке Талгар-Азат. Ему было уже за пятьдесят, но он, как и я, шпарил иногда по пятнадцать-двадцать километров по трассе.

Боже мой! Какой это был человек! Умница, эрудит! Талант во всех отношениях! И, главное, ярый эсперантист! То есть органический космополит! То есть – ЧЕЛОВЕК БУДУЩЕГО – ЧЕЛОВЕК МИРА! И это в каком-то заштатном бывшем казачьем посёлке Талгар!..

Да, везло мне несказанно! Дай вам Бог встретить в жизни таких людей! Контраст убогости окружающего человеческого пейзажа был такой, что я просто влюбился в него.

Мы бежали плечё к плечу и говорили на такие темы, за которые и в то время сажали и сажали... Он вёл в Талгаре и в Алма-Ате кружки эсперантистов и собрал около себя самый качественный интеллектуально-культурный цвет.

Потом я с удовольствием отобразил его в романе “Байки о вкусной и здоровой жизни” под именем Герцгега Абрама Моисеевича и счастлив тем, что это мне вполне удалось.

Так я добегался сначала до сорока километров, а потом и до сорока-пяти. И никто об этом не знал! Да если бы и узнал – ни за что бы ни поверил!

Но вот наш физрук – Гурий Александрович объявил день забега на два километра с дачей разрядов, призов и вроде бы даже звания «Мастер спорта». И я заволновался. Казалось бы с чего? Два километра – мелочь! Но как есть, так есть! А поскольку никаких тренеров у меня не было, кроме тщеславия для природной необходимости, то накануне полночи я бегал с секундомером раз пятнадцать по два километра на время. Показатели были отличные, а иногда даже просто неправдоподобно высокие. Я глазам своим не верил и повторял и повторял забеги. Наконец в полном изнеможении я бухнулся на кровать и утром уже стоял в шеренге претендентов на победы. Ноги болели, тело ломило, но отступить было некуда.

Прозвучал выстрел, и – вжик! Со скоростью забега на стометровку я рванул с места и только услышал вслед многоголосое «Ух!».

Ах, как я летел над пересечённой местностью! Флажки, указывающие путь и наблюдающие за порядком парни и девушки, так и мелькали. Кусты и деревья прыгали назад, и дистанция сокращалась с каждой секундой.

Остался последний поворот перед финишной прямой и вдруг!.. И вдруг я упал как подкошенный. Кинжальная боль ударила в правое подреберье. Лихорадочно дёргаясь в скрюченном состоянии, я пытался вдохнуть поглубже и расслабиться, но спазм не проходил.

И вот уже к своему ужасу я слышу топот. Всё ближе и ближе. Это Мишка Еланский – профессиональный спортсмен, которого приняли в медучилище без экзаменов, тоже оторвался от группы.

– Помощь нужна? – выкрикнул он, тяжело дыша, но я только махнул рукой.

И вот уже земля затряслась от топота остальных. И хотя боль уже отпустила, но я не стал продолжать забег. Прийти даже вторым было для меня совершенно невозможно. Поднявшись, я медленно пошёл к финишу, провожая пробегающих мимо вымученной улыбкой. Я ещё не знал, но уже всюду чувствовал, что моя спортивная карьера навсегда убегает вместе с ними.

После соревнования я отозвал Еланского в сторону и рассказал ему о моих ночных вояжах.

– Счастливчик! – сказал Мишка. – Тебе крупно повезло сегодня!

– Издеваешься! – возмутился я.

– Ничуть! – тяжело вздохнул Мишка, держа «мой» кубок с бегуном на крышке головой вниз. – И не вздумай Гурию рассказывать о своих результатах. Он сразу в тебя мёртвой хваткой вцепится. Ты когда-нибудь слышал о столетних вчерашних чемпионах?

– Нет.

– Вот! И я не слышал. Мало кто до семидесяти дотягивает. Все надорванные. Инвалид на инвалиде!

– А ты?

– А что я! Ещё немного побегая для отвода глаз и брошу. У меня, слава Богу, таких талантов, как у тебя, нет. Я уже на пределе.

И я никогда больше не участвовал ни в каких соревнованиях.

Наверное, поэтому и инвалидом не стал.

Да и наградная мишура нужна была мне только для девочек, а зачем им инвалиды? Но физкультура (не профессиональный спорт!) – конечно благо! Я ещё не раз спасался от всякого вида преследований бегом, да и просто для собственного удовольствия устраивал лёгкие ночные пробежки километров на десять-пятнадцать. Ну и на турнике раз пятнадцать всегда отжаться мог. Да и гантели не залёживались. Вот гири я раздарил. Не привились они как-то. А девочки...

Взрослели девочки, и всё чаще сигналы принимали не через спиной мозг в голову, а наоборот...

К МОСКОВСКИМ ЗВЁЗДАМ!

Метался я между медучилищем, практикой в больнице и искусством и не успевал нигде. Как вы думаете – что победило?

Правильно!

То, что повкуснее!

Но окончательно это было далеко потом. А пока нужен был аттестат для поступления в консерваторию на композиторский факультет. Звучащие со всех сторон оркестры всё более и более понимали меня.

Но и верный кусок хлеба тоже нельзя было бросать!

В каждом деле в этом мире должна быть завершённость и полноценность для того, чтобы уверенно двигаться вперёд!

Взял я академический отпуск в медучилище и пошёл учиться сразу в одиннадцатый класс школы рабочей молодёжи. Мне же нужен был аттестат, а не знания! Уломал директора, спел ему песенку и с испытательным сроком взяли!

Первые три месяца, пока проходили новое, я получал сплошные пятёрки и четвёрки. Еле-еле, но выучивал! Но с конца ноября стали к новому прибавлять целые разделы за предыдущие классы, и просто физически освоить материал мне было не под силу. Тем более что это был

повтор пройденного, и никто ничего не объяснял. А математика, физика и химия... Да что там говорить! Я же не учился в предыдущих классах, а в медучилище программа не предусматривала равное школам изучение предметов.

В общем – двойка на двойке!

В конце декабря меня вызвали в учительскую и сказали, что вынуждены со мной распрощаться.

Как я взмолился, если б вы видели! Рушилась моя артистическая карьера. Да и в медицинской карьере год пропал зря.

– Дайте ещё месяц, и я всё исправлю! – в финале прошептал я и упал на колени перед всем педагогическим коллективом.

Дали!

И я начал зубрить, учить и конспектировать.

Месяц – не месяц, а государственные экзамены я сдал на пятёрки. Но в аттестате выставили тройки, так как четвертные были не совсем радужные.

Чёрные дни, но в финале – победа!

К тому же во мне обнаружился такой характер, что я сам удивился. Правда, в детстве был эпизод, где он уже проклёвывался. Катался я, четырёхлетним, на карусели, и мне защемило палец какой-то крепёжной железкой. Визг, крик!.. Карусель остановили, палец освободили и отец купил мороженое, чтобы осушить мои невинные детские слёзы.

Съел я пачку и стал клянчить ещё. А когда не получил, то вцепился зубами в папашин палец...

Гордо неся свой обильно политый кровью аттестат, я очень тщательно продумал, как внедриться в консерваторию.

И вот, рассчитав всё до тонкостей, я взял скрипку и пошёл на приём к Брусиловскому (основоположнику классической казахской музыки). Сыграл я ему свои пьесы, рассказал про музыку в моей голове, и старик так разволновался, что даже заикаться начал (потом я узнал, что он вообще был заика). А так как принять меня на композиторское отделение не было никакой возможности, ввиду отсутствия специального музыкального образования, то он пристроил меня на вокальное отделение, что тоже было неплохо. Ну и прикрепил для ускоренного изучения музыкальной грамоты к Гельфусу – одному своему студенту и тоже не последнему композитору Казахстана.

И закрутился новый волчок моей сумасшедшей жизни! Я опять доучивался в медучилище, носился по консерватории, пел на танцах и выездных концертах и, конечно, нигде не успевал.

К тому же, через какое-то время неведомая никому музыка в моей голове и вокруг неожиданно умолкла, да и с педагогом по вокалу Бекеном Жылысбаевым складывались совсем не солнечные отношения.

Надо сказать – оригинальная личность даже по внешнему виду. Чёрная повязка на одной пустой глазнице и одна нога. Голос оглушительный, диапазон запредельный, но... козлетон! Как задрезбужит, так у всех уши отпадают. Его за глаза все пиратом величали. Как он начинал стучать своим протезом, так все знали: “Сейчас ноту “до” зафигячит! Прямо в коридор, сволочь!”.

Может быть из-за его козлетона, а скорее из-за степной методики, но вокальная школа “пирата” культивировала у меня только ларингиты и сильно отличалась от итальянской, которую в это время я самостоятельно гордо осваивал.

Гонор! Гонор был выше крыши! Но он-то и спас то, что осталось от голоса.

Плюнул я и перестал ходить на занятия. А потом забрал и документы с возгласами:

– В Москву! В Москву срочно! В Москву!..

И поехал!

Благо, что медучилище уже закончил.

Конечно, лучше бы в Италию, но хорошо, что хоть до Москвы денег хватило.

Прямо с вокзала побежал в консерваторию и – увы! Приём уже дней десять как закончился.

Вышел я на улицу и потопал, куда глаза глядят.

Ходил, ходил и вдруг вижу – объявление висит. А в нём говорится, что требуется дополнительный набор юношей тоже в какое-то гуманитарное учебное заведение на отделение музыкальной комедии.

Ну не для меня ли это?

Я в здание и к секретарше. Она и рассказала, что всех принятых в этом году парней призвали в армию. Приказ такой идиотский вышел! Я ей документы из алма-атинской консерватории протягиваю, и она тут же отнесла их в кабинет того, кто решает всё.

Вызывают.

Захожу и вижу двух седовласых типичных вчерашних героев-любовников.

– Ну, спой что-нибудь! – говорят.

Я как дал “Бухенвальдский набат”, так ваза со стола упала и разбилась. Её на фразе “Берегите! Берегите! Берегите мир!” снёс локтём один из профессоров.

– Ну, – говорит он, убирая осколки, – с таким голосом надо в консерватории жить. Но так как там уже набор закончился, то мы тебя в Гнесинку запердолим. Там ещё тянут приёмную резину. Иди, посиди в приёмной, а мы тут кое-что обсудим.

Сел я рядом с секретаршей и слышу, как профессора чуть ли не матерно гавкают друг на друга. Всё громче и громче...

Наконец один выскакивает, целует ручку секретарше и, не говоря ни слова, убегает.

Захожу в кабинет.

– Значит так, – говорит тот, который запердолить меня обещал. – Завтра приходи туда-то и туда-то и сиди в зале. Жди, когда вызовут. Вот этот свой “Бухенвальдский набат” пой и что там ещё?..

– Каватина Фигаро!

– Ну и её, родимую!.. Я завтра улетаю на отдых в Крым, так что не подведи! Я тут поспорил на тебя!..

Потом только я узнал, что они не на меня поспорили, а на то, у кого знакомства и авторитет покруче. А я был чем-то вроде разменной монеты. Оказывается, первые два тура приёма уже прошли, и я попадал сразу на третий заключительный.

На другой день сижу в зале и слушаю, как один за другим такие готовые оперные звёзды выступают, что мороз по коже. Потом-то я сообразил, что это из-за того, что зал пустой. Акустика хорошая, вот голоса и кажутся неестественно мощными и красивыми.

Но в тот момент мой гонор сильно поджал хвост.

– Ну, – думаю, – нечего мне тут ловить!

И только я так подумал, как ведущая вызывает меня.

Спел я, смотрю в зал, а там какое-то странное веселье. Такие вроде солидные интеллигентные седовласые дамы и джентльмены сидят, а все как дети оживлённо щебечут и посмеиваются.

– Вот она – музыкальная комедия! Запердолили со свистом!.. – думаю я и слышу:

– Спасибо! Вы свободны!

– Ну, – думаю, – гуляй нога по Москве! Да на всю катушку! Всё равно – всё прахом!

И пошёл!..

Сначала в парк имени Горького.

А куда ещё с горя идти, чтоб недалёко? Ближе всего он, родимый!

А в парке... Апельсины продают на каждом шагу, миндальные пирожные и всяческую подобную кондитерскую снедь, мороженное разных сортов... И на всех эстрадах концертные бригады одна другую сменяют. Оказывается, празднуют день торговли!

Ну, я сразу в эту радость и включился на всю катушку. Поел, попил и на сцену рваться начал. На центральную!

Какой-то дежурный аккордеонист сразу меня опробовал и несказанно обрадовался – молодой талант из народа объявился! Сразу после Кобзона он меня и воткнул. Объявил как гостя из Алма-Аты.

Спел я “Лучший город земли!” – фурор! Я – “Бухенвальдский набат”! Народ аж зашёлся от восторга...

Потом, когда меня обалделые почитатели таскали вместе с аккордеонистом по всем эстрадам парка, я узнал, что Кобзон надоел всем москвичам до чёртиков, а я – свежак! Он, оказывается, уже много лет во всех местах Москвы и Союза днём и ночью голосит и всем другим певцам кислород перекрывает.

Под вечер я с двумя сетками всякой вкуснятины и с полными карманами денег вернулся к Берте – знакомой моих родственников, у которой остановился, и мы с ней очень прилично и весело поужинали.

На другой день я, вдохновлённый гостеприимством Москвы, пустился во все тяжкие. Всю Москву облазил, ко всем девчонкам цеплялся. На катерках и в прокатных лодочках с ними катался, где только можно было и, конечно, плавал и загорал. Вечером... Если бы не комары, больше бы лямурных побед было... Да тогда почти вся молодёжь так жила! Всё по кушарам, да по кушарам...

Мда-а... Все музеи и галереи обошёл. В гробницу к Ленину аж два раза наведался. В сандуновских банях парился несколько раз. В МГУ пробрался в самый конец шпиля и, если бы меня не стащили оттуда чуть ли не за штаны, – и на него бы залез. В общем, через какое-то время сунул руку в карман, а там уже космос проглядывается. Наскрёб я на билет домой и, после кассы, побежал забирать документы из Гнесинки.

И тут мне вдруг объявляют, что я принят на первый курс, так как прошёл успешно все туры и сдал тогда-то и тогда-то на пятёрки историю и русский, и что мне даже место в общежитии уже забронировано.

Батюшки светы! Я же уже билет взял! Да и жить дальше не на что!..

Ну, думаю, до начала занятий время ещё есть, съезжу домой, наскребу денег и вернусь к сроку.

Через три дня сел в поезд и под стук колёс обнаружил, что не в свой. Мой – уже сутки как ушёл. Написано было в билете “ноль часов столько-то минут” и я перепутал день отправления. А в кармане – ни копейки. Протратился до упора! Хорошо, что на моём месте сидела добрая тётя. Она и заняла мне денег на билет, и проводник пристроил меня в каком-то купе на верхнюю полку. На еду просить я уже не осмелился. А ехать – трое с половиной суток!

Когда спишь, кушать меньше хочется! – говаривал мой дорогой опытный папочка, вспоминая свою революционную юность. Поэтому первый день я лежал как бревно и, отгоняя навязчивые видения мумии Владимира Ильича, периодически погружался в кошмары голодного сна. Тем более что внизу народ кушал вовсю, и пахло с каждым часом всё вкусней и мучительней.

Наконец состав людей в купе сменился. Проснулся я уже ночью от того, что трое студентов трясли меня, приглашая к столу. Оказывается они, как и я, ехали без копейки денег, но их коллективный разум был мощнее моего, и голодать они не собирались, когда вокруг продукты так и кудахтали.

Обглодали мы трёх варёных курочек, взятых ими взаймы у тёток на какой-то станции запили портвейном и лимонадом, и парни ввели меня в курс методики железнодорожной экспроприации продукта.

Всё было гениально просто, и уже днём следующего дня я успешно работал в связке. Как только поезд останавливался, мы расходились по тамбурам вагонов и ждали. Незадолго до отхода состава двое выскакивали и, подбегая к частникам, торгующим всякой снедью, брали продукт и начинали торговаться.

В это время поезд трогался и “непутёвые” студенты, как бы забыв в горячке отдать продукт, бежали как очумелые к вагонам, где их подхватывали оставшиеся двое...

На другой день парни вышли, но голод мне уже не грозил.

Алма-Ата была уже не за горами...

УЧАРАЛЬСКИЕ РАДОСТИ

“Приехал я в Алма-Ату и вот по улицам иду. Улыбки начал я считать и насчитал миллионов пять!” – написал левой ногой композитор Зацепин в одно из своих посещений и был прав. Солнечный город! Правда, автомобили загазовали его до невозможности, но если в горы уйти, то красота и чистота неопишима!

Но столица Казахстана – это не Казахстан! Тем более что теперь мне предстояло жить в Москве, а оттуда, конечно, уже виден Париж, Лондон, Токио – весь мир! Хотелось напоследок увидеть, как люди живут в казахской глубинке. Да и подработать денюжку не мешало.

Пошёл я в медучилище, достала секретарша из сейфа мой отсыревший диплом, и застыл я у карты Казахстана в облздраве почти как романтичный журналист из песни.

Мда-а!..

Куда ни посмотришь всё жёлтым замазано. Пустыня пустыней! И тут я вспомнил, что Толика Садыкова, товарища детства, после сельхозтехникума направили в какой-то Учарал, где живёт какой-то его татарский родственник. Ну, я и ткнул пальцем в это название.

Выписали мне направление, выдали подъёмные – и вперёд! На “коробочке”! Пятьсот с чем-то километров тряся...

Нашёл Толяна, а он сам на птичих правах у родственников кантуется.

Ну, с жильём для холостого хлопца никогда проблем нет! Снял я угол у одной улыбчивой пригоженькой молоденькой хозяйюшки и – к местному главврачу.

Этакий бай разжиревший посмотрел на меня как на нового раба и, прежде чем засунуть в какой-нибудь пустынный отгон к барашкам, направил в поликлинику. Призывников выстукивать и выслушивать.

Потренькал я по их тощим ксилофонам, полюбовался на кариесные лохматые резонаторы, и скучно мне стало до ужаса. Это вот так всю жизнь чужими инфекциями и болями жить? Мало своих? В общем, когда этот толстый околomedicalский баскарма (начальник) начал надо мной издеваться, я сказал ему, что любил его маму в хвост и в гриву и хлопнул дверью.

Видели бы вы его глаза! Я думал, что они вот-вот по полу покатятся. Он же не знал – откуда у меня такая прыть. У него же там с первым секретарём райкома и главным мильтоном всё было схвачено и повязано. Деньги текли рекой!..

И началась нормальная жизнь.

Выбросил я направление из облздрава и словно крылья опять выросли. И сразу кушать захотелось. Поэтому зашёл я в единственную в этом районном центре столовую, взял стакан вина на разлив, гуляш, что-то там ещё и только приступил к чревоугодию, как подходят ко мне трое местных орлов.

– Ты, – говорят, – откуда? Ты кто?

– Ну, – думаю, – начались разборки!

– Алма-атинский я! Но это вчера. А сегодня я – московский. Студент московской консерватории! Певец!

Не говорить же им про Гнесинку, о которой даже я не слышал до того, как в ней побывал. Хотя это было даже покруче. Там, оказывается, готовили певцов с правом преподавания в периферийных консерваториях.

– А-а, – говорят орлы радостно. – Давай знакомиться!

Ну, я поручкался с ними, и они от уважения к моей столичной персоне принесли мне ещё один стакан вина. Ну и себе тоже. Видно было, что им приятно было занять такого знаменитого кореша. Такого масштаба птица к ним ещё не залетала.

Поболтали о том, о сём...

Подумал я, подумал и после этого стакана прибавил к своему артистическому авторитету якобы знакомство с криминалитетом Алма-Аты. Чем закрепил свой имидж намертво! Что-то вроде – “Ты “Носа” знаешь? А “Сипатого?” Я с ними за ручку здороваюсь!..”

– Если кто будет приставать к тебе, только нам скажи! – сказали орлы и очень довольные не стали мешать моей трапезе.

После столовой иду и вижу – этакое воздушное, приятно пухленькое существо передо мной мелькает. Да с косой до пояса. А? Где сегодня такую косу увидишь? Только в школе! Да и то не в столичной!

И всё-таки, если бы не два стакана вина, я бы вряд ли заговорил с ней. А тут такие пласты сладкого романтизма всколыхнулись, что только держись!

– Как зовут принцессу? – спросил я.

– Оленька, – просто и доверчиво сказала принцесса и взглянула на меня такими романтическими глазами, что я чуть не упал.

И уже то, что ей исполнилось только четырнадцать лет, и она закончила лишь восьмой класс, не имело никакого значения. Тем более что Джульетте было не больше.

Вечером мы с ней уже гуляли где-то за посёлком – там, где не было ни единого фонаря, но были невероятной величины и яркости звёзды и в полнеба Млечный путь.

Ну, ясное дело! Если я заморочил голову местным битюгам, то что мне стоило запудрить мозги школьнице!

Но никакого секса! Поцелуи, объятия – и всё! Хотя она через какое-то время была совсем не против...

Я был против!

Ей жить и жить, а я птичка залётная – поматросил и бросил! А чтобы не было лишней гормональной волны, я обратил конкретное внимание на свою разведённую хозяйку. Здесь проблем не было, а как раз оказалось даже слишком наоборот...

Как только с лирикой всё наладилось, я тут же направился в местный Дом Культуры.

Почти все крупные дома Культуры в Советском Союзе строились по одному греко-римскому образцу. И красоты были бесспорной. Настоящие дворцы! Эти колонны впереди, эти роскошные вестибюли, эти огромные залы с великолепными оборудованными сценами!.. Заходишь и чувствуешь себя не в вагоне электрички, а в храме. Чувствуешь уважение к себе, как к человеку...

Сейчас тут было тихо как в мавзолее. И хотя при этом ДOME был казахский Народный театр, но сейчас он не функционировал ввиду страдной поры. Артисты собирали урожай на бескрайных целинных просторах, а режиссёр ждал их и тихо жил в этом же культурном заведении вместе со своей женой и двенадцатилетним сынишкой. И хотя он и звание имел какое-то, и театр сделал Народным, и казахом был, но квартира ему не светила.

Одни обещания!

Дом Культуры-то построили для партийного отчёта, а для тех, кто саму культуру нёс – шиш! Доходу-то от самодеятельности тоже – шиш! Ну, вечная история!..

Я это сразу смекнул и решил преподать столичный урок. Показать, что и деньги можно делать и самодеятельность развивать. Тем более что опыт уже был, да и витамин “Д” (те же деньги!) нужен был позарез.

Подошёл я к директору, который рылся в своём огороде, и заключил с ним договор на аренду и билеты. Он сразу меня понял, и мы с ним договорились, что доход будем делить пятьдесят на пятьдесят.

И закипела работа! Аккордеониста, контрабасиста и гитариста я нашёл в ночлежке для шоферов, певичек в школе, кого-то там ещё где-то и начал репетировать. В основном, мой репертуар.

Когда дело уже придвинулось к финалу, то я поехал в Алма-Ату на клубном автобусе и забрал давно выписанные два крутящихся прожектора с цветными съёмными фильтрами. Это театр их выписал, а забрать никак не мог. С режиссёром я обговорил и этот вопрос – я привожу их, устанавливаю и право первой брачной ночи за мной.

Мда-а...

Побегать и понервничать пришлось порядочно. То у кого-то ангина, то “контрабас” в рейс отправился, то школьницам учителя и родители запрещают с нами якшаться, то пьяный электрик с хитрой рожей деньги за установку прожекторов вытягивает из меня, то...

Эх, думаю, надо немного развеяться.

– Тут, совсем рядом, какие-то озёра есть, – говорю аккордеонисту. – Заряжай “ИЖ” своего знакомого и рванём на Алаколь.

И поехали!

Я сел в люльку, аккордеонист за руль, а его двоюродный пятнадцатилетний братишка за ним.

Шоссе прямое, как стрела, до самого горизонта и пустое все девяносто с чем-то километров. А вокруг ровная, как стол, то ли степь, то ли пустыня. Разогнали мотоцикл тоже до девяноста километров и едем, песни орём. На такой скорости и вылетели в кювет с граверной насыпи. Дорога резко повернула перед железнодорожным полотном, а указателя не было. Хорошо, что водила не стал заворачивать. Ну и счастье, что в заболоченную низину въехали. Она единственная была на всей трассе. Там какой-то ключ целебный бил из-под земли. Так что затормозились классически.

Сижу я в люльке – никакой! Аккордеонист за рулём – такой же! От шока отходим. Вдруг слышим жалобное:

– Мамочка моя! Мамочка!..

Это пацан с насыпи как привидение поднимается. Он соскочил, когда увидел, что мы улетаем. Ему тоже повезло. Да ещё как! Правда, вся спина колотым гравием как тёркой обработана, но на такой скорости это разве травма?..

Вытащили мы мотоцикл, а на нём, как и на мне и аккордеонисте, ни одной царапины. Завели и поехали дальше. Километров пять осталось. Дорога и привела прямо к месту, где рыбаки и рыбачки в резиновых фартуках и сапогах под навесом улов здоровенных рыбин обрабатывали.

Поплавали мы в солёной водичке, посочувствовали пацанчику, который купаться не мог и безнадежно пытался отвернуть от солнца окровавленную спину, и поехали домой под стоны и охи счастливица...

Сил после этой поездки прибавилось вдвое – вроде как новая жизнь началась!

Наконец вывесили афиши, где во всё поле моё имя и фамилия, под ними – “Студент московской консерватории”, потом супершлягерный репертуар Муслима Магомаева и дальше все остальные.

Билеты были входные с одинаковой ценой, и народу набилось до отказа. Во всех проходах и даже перед оркестровой ямой стояли. Можно было афишу не вывешивать – все итак пристально следили за нашей подготовкой и кое-кого я даже специально для рекламы разрешал впускать на репетиции. Но не на свои! Мне нужен был эффект неожиданности.

И он состоялся!

После каждой песни зал взрывался рёвом восторга, и пьяный электрик от испуга ронял фильтры.

Так мы дали три концерта и один шефский с аккордеонистом на каком-то отгоне.

Ну, этот шефский я запомню на всю жизнь!

Чёрное поле до самого горизонта! Ни травинки, ни былинки! Бараны вытоптали его так, что только чёрная пыль была вместо почвы. Мёртвая земля! А вернее – Луна! И хотя впереди не было машин, но клубы пыли были такие, что кашляли и чихали мы страшно...

Да, забыл сказать, что на третьем концерте барьер перед оркестровой ямой публика снесла, и часть людей попадали вниз, а мы через чёрный ход убегали с инструментами...

Мда-а!..

Деньги теперь были, и надо было сматываться, пока оркестранты, артисты, электрик, художник и ещё кое-кто, не потребовали свою долю. Я же не только красивыми словами людей заманивал! Но половину по договору директор клуба забрал за аренду и билеты, а если разделить мою часть на всех поровну, то не стоило и дело затевать. А по-другому периферия делёж и не представляла. Пиратская справедливость! Я, честно говоря, за неё, но ситуация вынуждала во имя моего биологического существования идти на сделку с совестью. Тяжело, но что поделаешь! Это же не для наживы, а на хлеб! У всех же ещё какая-то работа есть, а у меня на сегодня только это!..

И я начал как бы невзначай всем говорить, что, наверное, останусь в Учарале до сессии и бескорыстно подниму им самодеятельность так, что Алма-Ата вздрогнет. Что то-то и то-то сделаем, там-то и там-то блистать будем... Вроде бы усыпил бдительность! А сам втихаря купил билет на самолёт, и незадолго до отлёта взял у одного почитателя моего таланта велосипед, и помчался на аэродром.

И тут мне явилось фантастическое, доброе прощальное видение, какое только в кино бывает. Нечто белое, ажурное и прекрасное стояло на обочине дороги и махало мне рукой. Боже мой! Да это же Оленька! В своём умопомрачительном самом лучшем почти детско-кукольном праздничном платье. Я же за суматохой совсем о ней забыл!

Ах, Оленька! Ах, ласточка моя! Как же тебя, милая, твоя первая любовь сразила!

Расцеловал я её, пообещал вечером прийти и покатил дальше.

Обернулся, а она стоит и плачет...

Метров двести не доехал до здания аэропорта, как переднее колесо тренькнуло и отпало.

Я встаю и диву даюсь – весь велосипед рассыпался! Колёса отдельно, педали отдельно, седло отдельно...

Даже руль вывалился!

Как такое может быть?

Прямо мистика какая-то!..

И тут от здания мотоцикл “Урал” с коляской отъезжает.

Я все части велосипеда в коляску скинул, адрес назвал и бегом к зданию.

А там задержка рейса!

Боже мой! Сейчас же все кредиторы и хозяин велосипеда прибегут! Здесь же почти рядом! Они же как раз сегодня собрались, чтобы со мной рассчитаться!..

Наконец объявили посадку и мы взлетели.

И тут я увидел, как бегут внизу по полю под крылом “кукурузника” мои коллеги и почитатели. Да ещё и у некоторых в руках дубинки.

– Деревня! Дубинки-то зачем?! Что я, Геракл что ли?

ТЬМАТАРАКАНЬ

Человек предполагает, а Бог располагает! Только собрался в Москву на сессию, а тут родитель слёг. И довольно серьёзно. Где-то к зиме ему полегчало, но время уже ушло, и когда я позвонил, мне сказали, что раньше нужно было думать. Что за неявку я уже отчислен и документы высланы. Если бы позвонил раньше, то дали бы академический отпуск, а так...

Ну что делать? Карьере московской звезды каюк, а жить-то надо. Подумал, я подумал и устроился в костнотуберкулёзный санаторий массажистом.

То есть – какой я массажист? Тоненький, лёгонький! Ручки – плёточки, ножки – спичечки! Но нужны были массажисты. Поэтому мне один бугай показал приёмы – и вперёд! Люди там годами лежали в гипсовых корсетах, и им надо было регулярно разминать затёкшие пролежневые телеса.

И пошла работа! Раз-два, раз-два, раз-два!..

Но долго физкультурить не пришлось. Где-то через пару месяцев направили меня по разнарядке как молодого неженатого в двухмесячную командировку то ли в Баканасский, то ли в Балхашский район. На центральную усадьбу совхоза Бала-Топар, а оттуда сразу в отгон.

Ура-а! Наконец-то я попал, в самую что ни на есть, казахскую глубинку. Причём, самым естественным путём! И это не ирония – я действительно обрадовался несказанно. Сбылась мечта столичной штучки!

Мда-а!..

Барханы, барханы – и вдруг глиняные полуземлянки одно или два дерева.

Жуть, а люди там живут!

И название у этого отгона – “Кара-Бек” (Чёрный бай).

Землянки, значит, землянки... Нет, не все! Были там два деревянных финских домика. Совхоз поставил. Один – фельдшерский пункт, а другой – вилла управляющего. Но он-то на своей вилле жил, а я жил и вёл приём в глинянке санитарки при этом пункте. Дров для отопления пункта не было! Хорошо, что она лекарства перенесла к себе домой, а то и лечить было бы нечем. Её привёз после войны муж откуда-то из покорённой Европы. Соблазнил баснями о восточных базарах и дворцах – и сюда!

Интересная женщина! Хохотушка! Когда такая птичка, как я, залетала, она была санитаркой, а никого не присылали – лечила сама. Не всё, конечно, но кое в чём разбиралась получше меня. Сюда ведь засылали фельдшеров как сменные экипажи на космическую станцию. Глухомань! Но с электричеством от старого дизеля. По капризу вечно пьяного Васьки Прощай (символическая фамилия!). То есть практически – никогда! Он хоть и был единственным русским, но я с ним почти не общался. Такой тип... Ну, ссыльный бандит! С мозгами с рюмку и с горящими во тьме жёлтыми глазами. Волк! Натуральный!

Днём я принимал больных, а переводчиком была та же, угнанная когда-то немцами в Германию, татарочка-санитарочка. Никто по-русски ни шпыхал, ни спикал! С ней я ездил на лошадях да повозках к чабанам на зимовки с профилактическим осмотром.

Ну, доложу я вам!..

Совхоз понаставил сборных финских домиков и чабанам, но они в них зимой тоже не жили. Холодно! Дров в пустыне не особенно... Жили под землёй. Идёшь по выбитым в земле ступенькам вниз, открываешь сплетённую из веток дверь – и ты в “тронном зале”. Громадное такое пространство! Два или три ошкуренных дерева потолок земляной подпирают, а в центре – огромный чугунный котёл. И по стенам кошма, ковры... Мне говорили, что при сильных морозах туда и скот загоняют. И это ещё царская обстановка! Видел и без кошмы и ковров “тронные залы”.

Средневековье, антисанитария и авитаминоз! И у всех, кто старше сорока “Бас аурады!” (голова болит!). Давление меряю – сто с гаком на двести пятьдесят. Я вначале в панику ударялся, но муж санитарки быстро меня успокоил:

– От водки это! От опилочной!

И действительно – глушат её без конца. Бешбармак с водкой, каурдак с водкой, лапша с водкой – всё и везде с водкой. Она им и театр, и кино, и санаторий на берегу океана.

И – многожёнство! Причём, похоже, не от похоти и прихоти, а от ситуации. Там такой объём всяческих рутинных работ, что меньше чем трём жёнам с ними не справиться. А для конспирации они их всех представляют после первой тётками, сёстрами, а когда и просто дальними родственницами. У одного старика я таких родственниц насчитал что-то около семи, а самая молодая – совсем ребёнок, помирала вся в отёках у котла в подzemелье. Надо было срочно её госпитализировать, но хозяин не дал.

– Делай укол и уезжай! – сказал он мне.

Ну, я начал объяснять ему ситуацию, потом что-то кричать, но он принёс ружьё и под его дулом я сделал укол и уехал. Прямо на центральную усадьбу совхоза скандал поднимать.

Два дня никто не хотел морочить себе голову какой-то проданной замуж в рабство безымянной девчушкой. То того нет, то другого, то машина на ремонте.

Наконец, весь вымотанный, я приехал на “газике” с милиционером, но девочку уже похоронили. Санитарочка намекала мне на то, что дело это дохлое, но я же не мог представить себе, что настолько! А милиционер на меня же и хотел дело завести. Пугал, конечно, чтобы я дальше не рыпался.

Расстроился я страшно. Зачем я нужен, если бараны здесь дороже, чем люди? Совсем скучно мне стало после этого случая. Бессмысленно! И где-то к концу командировки тот, кто тащит меня по этой жизни, решил продвинуть дальше.

Пошёл я с санитаркой и её мужем в гости на очередной бешбармак (блюдо из баранины, теста и бульона). Холодильников тут не было, и поэтому кто резал барана, тот приглашал гостей, чтобы сразу съели большую его часть.

Сидим. Естественно в полутьме и с керосиновой лампой. Вообще, надо сказать, довольно уютно. Меня с хозяевами около аксакалов посадили – то есть на самое почётное место. Напротив тоже какие-то симпатичные люди улыбаются. Хозяйка-санитарка иногда переводит мне, о чём разговор идёт. А перед нами столик. Низенький такой и круглый. С непривычки не знаешь, как пристроиться. Все спокойно разговаривают, стакашек за стакашком вливают в себя и в меня этот опилочный бальзам, кушают... Я тоже кушаю и, дабы поддержать общение, усиленно улыбаюсь.

И вдруг из-за этой мирной арены выскакивает здоровенный такой парняга и, брызгая слюной и выкатив глаза, кричит “Урус! Урус!” (Русский! Русский!). И бросается на меня с ножом.

Я привстаю ему навстречу, улыбаюсь ещё шире, руки для объятий распахиваю... Но побрататься не успеваю.

– Шарах-бабах! – и я в темноте, а санитарка шепчет на ухо: “Молчи! Молчи и не шевелись!”.

И шум вокруг стоит жуткий!

Оказывается, аксакалы дёрнули меня за ноги и за руки и запихали под какой-то ковер. Был бы трезвый, так, наверное, испугался бы до смерти. А так лежу себе под ковром и доверчиво причмокиваю. Пригрелся даже и закемарил слегка.

Наконец вытаскивают. Аксакалы лопочут, руками размахивают, санитарка бледная переводит:

– Уезжай! Прямо сейчас! Посёлок маленький, а он поклялся Аллахом, что найдёт тебя и зарежет. Слышишь – по посёлку бегают и орёт?

– За что? – спрашиваю наивно. – Я же его первый раз вижу!

– Не знаем! – отвечают аксакалы. – они сейчас все какие-то бешеные из армии возвращаются. Вроде в хороших местах служат. В Подмоскowie. За границей... Он потом всё равно в город уедет, но сейчас тебе надо уезжать.

Ну, надо, так надо. Тем более что и командировка почти что закончилась.

Попрощались мы, расцеловался я с хозяевами, принесли мои вещи и тихонько – задами, задами вывели за посёлок.

Там уже стояла лошадь с телегой.

Укутали меня с ног до головы, возница: “Но-о!”, и через пять минут отгона как не было.

Еду я и думаю:

– Что это такое? Может быть его там, в армии, лупили за то, что он азиат, и он решил, что наконец-то представился удобный случай отомстить. А может быть посмотрелся на цивилизацию, природу зелёную, торжество разума, а тут беспросветно нищая во всех отношениях Родина, где вырос и думал, что лучше места нет. Вот и нашёл виновника. А что, убил – и всё! Проблемы решены, сады наконец-то в пустыне зацветут, дома со всеми удобствами появятся, в магазинах все товары и продукты мира, асфальтовые магистрали во все стороны, телефаксы, отдыхи на лучших курортах океании...

Проснулся я уже в Бала-Топаре.

У больницы.

А где же мне ещё останавливаться? В ближайшую пятисотлетку при этой власти ни гостиниц, ни столовых тут строить не предполагалось. Поэтому встретила и пристроила меня в больнице дежурная медсестра – хорошенькая девочка лет семнадцати.

Мне бы выспаться да протрезветь окончательно, а тут такое чудо в пустыне. Голубоглазое!

В общем, всю оставшуюся часть ночи я приударял.

И полный облом!

То ли разило от меня как от помойки, то ли...

Ну не получилась любовь, не получилась!

Но шум, конечно, был.

И утром местный ухажёр меня в щипцы и взял.

Но, скажу я вам, девчушка тут не причём.

Кто-то из больных настучал...

И закрутилось дальше колесо моих удовольствий. Сначала парень опохмелил меня дефицитнейшим там пивом, а потом аккуратно, как бы невзначай, стал выведывать детали реакции девчушки на мои ухаживания.

Ну, тут уж я кое-что сообразил тоже. Хоть и был “под мухой”, старался вовсю, чтобы он услышал то, что надо и даже больше. Такую недотрогу и верную невесту описал, что чуть было сам ему не позавидовал.

Парень одурел от счастья, тут же записал меня в друзья и потащил на день рождения своего деда. Тот именно в этот счастливый день и родился.

А я совершенно не обратил внимания на то, что и девчушка и парень и почти всё население этого Бала-Топара немцы.

Ну, немцы – и немцы!

Люди, как люди!

Разные!

Сел я с внучком прямо напротив именинника.

Сидим, водочку эту опилочную попиваем, тосты выслушиваем. Я посматриваю в работающий рядом с именинником телевизор. Там идёт военная картина с воздушными боями и, хотя звук и приглушён, но кое-что слышно. Дед тоже посматривает временами.

И вдруг он меня как будто бы только что увидел.

А вернее мой фигурный нос.

И то ли от этого, то ли от исторического рёва моторов, но этот восьмидесятипятилетний тевтонец вдруг вскочил и начал горячо и страстно кричать про достоинства лётной техники третьего Рейха и недостатки советской. То на русском, то на немецком языке...

– “Фокке-Вульф” – зер гуд! – кричал он. – ”Мессершмит” – во! Я летал! Я знаю! А “Як” и “Ил” – консервный банка! Панка!..

И всё остальное по-немецки, обращаясь ко мне, и тыча пальцем.

И только я хотел встать и сказать, что и то и другое друг друга стоит, как дедуля ещё раз ткнул в меня пальцем и, истерически завизжав что-то вроде “Юде! Жид!”, сдёрнул со стены охотничью двустволку.

– Бабах! Бабах! – грянуло над праздничным столом и на именинника навалились, а меня в один миг, как куль, сволокли в газик директора совхоза, на котором внучок шоферил.

Он и спрятал меня у себя дома. На шикарной русской печке, блистающей немецкой чистотой и аккуратностью кафельной отделки.

Культура – есть культура!

Умеют немцы окружающую среду облагородить!

Мда-а...

Как дед промазал – не знаю! Может быть всё таки специально? Внучок потом рассказывал, что по меткости ему не было равных в посёлке. В глаз ондатре попадал!..

– Бабах! Бабах! – начало грохотать через некоторое время то в одном конце посёлка, то в другом.

Это тот же престарелый, но могучий как дуб тевонец, так же, как парень из отгона, разбросал всех своих родичей и знакомых и, бегая по посёлку, пулял в воздух, уничтожая в моём лице всех евреев на все века вперёд...

А утром, ещё более счастливый, чем вчера, внучок тайно подвёз меня к бухгалтерии совхоза, где я тут же получил расчёт и отметку в командировочном листе.

Какая может быть бюрократия и проблемы, когда кругом все свои?..

Поэтому уже через каких-то три часа я очень довольный летел в Алма-Ату на премилой отечественной банке “кукурузника”...

“СКОРАЯ”

В туберкулёзном санатории очень обрадовались моему появлению. Они меня уже с нетерпением ждали, чтобы отправить в следующую командировку. Какой-то видимо план был по обслуживанию периферии, а никто ехать не хотел.

Ну и я тоже отказался.

– Да мы тебя только для командировок и брали! – начал кричать главврач. – Скажи спасибо, что хоть это есть! Да сейчас безработица кругом!

– Кому безработица, а кому переработица! – сказал я и уволился.

И сразу устроился на станцию скорой помощи. Там была острая нехватка медработников. Там только в мой диплом заглянули и сразу самостоятельно отправили на вызовы. Фельдшера-лечебники – это же почти что врачи!

Батюшки светы!

Я же учился в медучилище через пень колоду! Особенно на последних самых важных курсах. Для меня же многие лекарства были тайной за семью печатями. Особенно их применение!

Ну, кордиамин – это для сердца. Магnezия сульфурiцы и дибазол – от давления. Кислород – ясно для чего. Шины – тоже. А остальное?.. И обратиться за разъяснениями было стыдно. Это же элементарные знания! А люди – это всё-таки не винтики какие-нибудь сталинские. Каждый живёт и умирает неповторимым!..

Поездил я с месячишко и от стресса зелёным стал.

– Что с тобой? – начали меня спрашивать.

– Да так... Недосып, наверное...

И это тоже было вполне вероятно, так как слишком часто приходилось дежурить сутками.

Да и девчат нельзя было забывать...

Но в основном всё-таки совесть меня грызла и беспомощность. А как потом я понял, и судьба коленкой под зад пихала совсем в другую сторону.

Однако мир не без добрых людей! Видя мою физиономию, проникся ко мне сочувствием женский пол из диспетчерской. Дамы стали как бы случайно иногда пропускать мою очерёдность. Особенно ночью! Особенно после того, как я на каком-то празднике почти час песни горланил после торжественной части.

И постепенно я вроде бы начал входить в колею.

Тем более что кое-что кое-где вычитал, кое о чём как бы невзначай выведал, кое с кем поделился смоделированными ситуациями и хитро выяснил последовательность действий в предлагаемых обстоятельствах.

В общем, стал я снова замечать, что небо иногда бывает синее, девушки красивые, а котлеты вкусные.

И так я проработал целый год.

Но от судьбы не убежишь и не спрячешься! Какие-то слишком тяжёлые случаи начали сыпаться на мою голову.

Да ещё и шофёр всё чаще стал попадаться неадекватный. Он на первом же вызове сразу заезжал в хитрый подвальчик, где на разлив продавали сухое вино.

– Это не алкоголь! – говорил он и при случае показывал удостоверение общественного инспектора ГАИ.

Осенив себя крестным знаменем, этот ковбой залпом выпивал сразу два стакана и потом гнал “Волгу” по столичным улицам со скоростью под сто и больше. Сирена выла, машины шарахались, и светофоры, на удивление, были всегда зелёные. Вжимался я в сидение, просил ехать потише, но всё без толку...

Один раз он так рванул с места, что плохо закрытые задние дверцы распахнулись, и носилки с больным вылетели на асфальт.

Когда мы задним ходом вернулись, то больной так и лежал на носилках.

Хорошо ещё, что народ не успел собраться...

Потом, уже далеко после ухода с этой работы, я как то пришёл к товарищу поговорить и, так как он уже выезжал на вызов, то сел в салоне. Ковбой дал по газам, и “Волга” помчалась по второстепенной улице Советской как бешенная.

Не успел я и двумя словами перекинуться через маленькое кругленькое окошечко, как мы вылетели на главную – на Сейфулина.

И тут я вижу, как огромная военная грузовая машина прёт прямо на нас.

Бабах!..

И стою я на сером от шока снегу, а передо мной лежит ондатровая шапка.

– Хорошая шапка, – думаю я. – Надо украсть!..

Моя это была шапка, моя! Свидетели потом рассказывали, что грузовик так долбанул нашу “Волгу”, что наглухо запертая дверь, где висели шины и костыли распахнулась и оттуда вылетел я. Невероятно, но я приземлился на ноги, а машина врезалась в бетонное основание фонарного столба. Слава Богу, все были целы! Приятель как увидел, что грузовик прёт, так ударил своей ногой по ноге ковбоя, упирающейся в педаль газа. Вот мы и проскочили. Но не совсем... В двух сантиметрах от моей спины вся задняя часть “скорой” была вмята в лепёшку. Мокрое место от меня бы осталось, если бы не решительность приятеля!

Мда-а...

Чего только не случилось!

Сидим мы как-то поздно вечером в комнате отдыха, и вдруг распахивается дверь и вбегает мужик в майке и трусах с торчащей из спины обеденной вилкой.

– Убила, убила! – кричит он и падает.

Мы вскакиваем, но очень пожилая такая и желчная врачиха нас отстраняет.

– Спокойно! – говорит она трескучим прокуренным голосом. – Это мой пациент! Он тут рядом живёт!

Выдёргивает врачаха вилку, смазывает зелёнкой ранки и приклеивает пластырь.

Мужик не шевелится.

Труп трупом!

И только мы опять собираемся вмешаться, как вбегает баба в лифчике и рейтузах.

– Ванечка! Ваня! – кричит она и падает на мужика.

– Дрыг, дрыг! – и она тоже труп.

Ветеранша, не торопясь, намачивает ватку нашатырём и вертит сначала у носа бабы, а потом и мужика.

Трупы оживают и, как ни в чём не бывало, помогая друг другу, садятся сначала на кушетку рядышком, а потом, молча, уходят.

– Вилку! Вилку мельхиоровую забыли! – кричим мы, но никто не возвращается.

Да-а...

Так вот посыпались на мою голову такие случаи, что только держись! Причём, несмотря на то, что диспетчера уже давали только вызова “плохо с сердцем!”. Это обычно были несложные случаи, а если возникали подозрения на инфаркт или ещё чего-то крайне серьёзное, то я вызывал спецбригаду и по прибытии её уезжал. Но бывало, что написано одно, а на месте оказывалось совсем другое. И помощь надо было оказывать немедленно. Вот я и оказывал...

Как-то летом дремлю прямо в машине на носилках, а шофёр берёт вызов и трогается. Я потихоньку прихожу в себя и вдруг – бабах! Прямо на меня падает кирпич. Шофёр – по газам! Меня швыряет вправо, влево... Бабах! Второй кирпич разбивает уже боковое окно и ударяет меня по руке.

Что такое?..

Машина резко останавливается и какая-то всклоченная девушка с криком “Помогите! Помогите! Зарезали!” распахивает дверцу и вытаскивает меня с носилок. Я отряхиваюсь от осколков стёкол, рефлекторно хватаю бикс с лекарствами и бегу впереди неё.

Бабах!..

Ещё один кирпич вылетает из темноты и падает передо мной. Я шарахаюсь в сторону. Машина обгоняет нас и шофёр, не останавливаясь, кричит, что он уже вызвал по радиации милицию и другую машину. Что он едет в гараж на ремонт.

Смотался, сука!..

Вбегаю я в огромную избу, и вижу лежащую на полу красивую женщину. Хватаю её руку – пульса нет. Бегло осматриваю её и не найдя никаких видимых повреждений выхватываю из бикса шприц и, разбив ампулу, начинаю набирать лекарство...

– Не надо! – слышу у своего уха.

– Что не надо? – спрашиваю машинально и ищу вену.

– Ничего уже не надо! Она уже час как мёртвая! Меня перевяжите!

Я отстраняюсь и только теперь понимаю, что лежащая красавица – труп обсыпанный цветами. Цветы не только на ней, но и по всему полу рассыпаны. А на той, которая бежала за мной, несколько порезов.

Я начинаю предварительную обработку ран, и тут в комнату вваливаются два милиционера держащие плачущего навзрыд мужика.

– Чем ты её зарезал? – спрашивают милиционеры.

– Но... жом... – с трудом выговаривает мужик.

– Вот этим? – спрашивает один из милиционеров и показывает на лежащий на полу брелок с примерно двухсантиметровым игрушечным лезвием.

– Да, – плачет мужик.

И тут я начинаю соображать всю нелепость случившегося.

– Э-эх! – говорю я, с трудом обнаружив ничтожнейший прокол под ключицей. – Рефлекторная остановка сердца! Надо было сразу же искусственное дыхание делать, и мотор запустился бы.

– Машенька! – взвыл мужик и, упав на колени, начал биться головой об пол.

Но тут приехала новая “скорая”, и мы поехали с пострадавшей в травмпункт. По дороге она и поведала нам предысторию финала этой сегодняшней кармен-сюиты. Оказывается, покойная работала в буфете железнодорожного вокзала и пользовалась большим вниманием со стороны пассажиров и не только. И понятно, что муж от ревности прямо с ума сходил. А сегодня у неё был день рождения, и она опять задержалась. Слово за слово и муж начал угрожать, а она смеяться. Он и пырнул её брелочком. Она упала, а он думал, что притворилась. А когда понял, что наделал, то на её сестру набросился уже с кухонным ножом, а на улице и с кирпичами. Мол, та во всём виновата. Мол, поощряла амурные интрижки покойной...

Мда-а...

Чем дальше, тем больше!

И, в основном, всё на обратном пути с вызовов.

То поножовщина у гастронома “Столичный” и мы рядом, то цыгане друг друга поискалечили, а от нас требуют гуманности, то жуткие изнасилования в роце Баума с почти смертельными травмами и обильным кровотечением, то...

Пошёл я в администрацию и сказал, что без врача больше выезжать на вызовы не буду. Не могу, мол, брать на себя всю ответственность за такие удары судьбы. И, видимо, учитывая мои совсем не медицинские, а вокальные дарования, мне пошли навстречу.

Боже мой!

Какие врачи начали попадаться!

То жилистая желчная старуха-садистка, которая при любых болях в животе у дам надевала перчатки и шарила в их половых органах со злорадной улыбкой наслаждения и мести. То почти выживший из ума далеко послепенсионный ветеран войны с богатырским телом. Он как Кобзон (певец-танк!) мог работать, не уставая, сутками. И к кому бы мы ни приехали, ветеран сразу же первым делом властно требовал быстро проговорить не разжимая зубы, “Триста тридцать три!”. Испуганные пациенты почти все запинаясь, и, счастливо улыбаясь, военврач ставил свой любимый и, похоже, родной диагноз – микроинсульт!

А как-то прихожу на дежурство, а навстречу мне новый только что вылупившийся эскулап. Батюшки! Да это же Жорка-комик! Он ездил со мной года три назад в концертной бригаде и разыгрывал с сокурсником сценки типа “Хирургия”. Все эти пантомимы с медицинскими ляпами, кишками и прочим ливером... Типичный животный чёрный юмор. И люди смеялись. И сегодня смеются. Они и не подозревают как это очень рядом. И не на сцене, а в жизни. И если не сегодня, то завтра...

Вот и поехал я с этим комиком тут же на вызов “боли в животе”.

Оживлённо беседуем. Вспоминаем нашу жизнь в искусстве и гастрольные курьёзы... В общем, так улетаем в воспоминания, что когда подходим к больной, Жорка уже не может остановиться. В нём взрывается весь этот дремлющий вулкан жажды сцены. Он такое начинает закатывать, что больная сквозь охи и стоны начинает смеяться навзрыд! Закатываясь до ужаса!

Видя такого благодарного зрителя, Жорик приказывает мне накапать опиума, чтобы снять боль, и наяривает всё больше и больше. Теперь уже и я так смеюсь, что вот-вот тоже лопну...

Через час после нашего приезда на станцию пришёл повторный вызов, и эту больную прямоком доставили на операционный стол с острым животом... Больная-то не лопнула, а вот аппендикс её не выдержал...

Но если я уже больше не позволял себе расслабляться, то Жорик остановиться не мог. И поскольку я уже не смеялся, то его комикование попахивало чем-то психиатрическим...

Месяца через три его уволили, и где он потом устраивал шоу, я не знаю. Да и не было ни желания, ни сил узнавать. Ночь отдежуришь, днём девчат кадришь, вечером и ночью уговариваешь, а наутро опять дежуришь. И так без конца и края...

Молодость – она и есть молодость! Гормоны так и кипят!..

Поэтому истощался я так, что никакое усиленное питание не помогало...

Наконец как-то в полутуманном состоянии схватил я листок вызова и сломя голову побежал через двор к машине.

Бабах!..

Открываю глаза, а на мне кислородная маска, на лбу лёд, в руках иголки понатыканы и вокруг почти весь свободный персонал “скорой” суетится.

Оказывается, врезался я лбом в бетонную опору фонарного столба. Тот лет двадцать стоял почти посреди двора, но никто никогда в него не втемяшивался. А я врезался! Потому что это был мой столб! И хотя после этого случая его убрали, но я вынужден был уволиться. Сердце не выдержало! Такой невроз и аритмия начались, что просто ужас!..

ДУРДОМ

Тридцать лет и три года корпел я над повествованием с последним названием “Байки о вкусной и здоровой жизни”, а оказалось, что никому оно не нужно, кроме меня. И поскольку даже у моих близких и родных от одного упоминания о нём и воспоминаний о муках моего постоянного нервного истощения и сердечных приступов, перенесённых в связи с ним, ненависть, агрессия и неприятие до сих пор вскипают лютые, то кое-какие биографические картинки я втихаря смету оттуда сюда.

Да уже “Тьмутаракань” смёл!

Может быть, хоть здесь кому-то будет от них польза.

Какой ни на есть, а всё-таки опыт!..

Конечно, в этом, весьма объёмистом повествовании в трёх циклах, всё описано более подробно, но что поделаешь – разные формы – разный объём содержания. Хотя по факту – один к одному!

Невроз, неврастения, дистония и всякие сопутствующие удовольствия – близнецы-братья. Внешне ты вроде бы целый и здоровый, а внутренне вот-вот клюкнешся. Мучался я, мучался и наконец выпал из автобуса с очередным приступом тахеоаритмии.

Прохожие вызвали мою родную “скорую помощь” и так как уколы не помогли, то отвезли меня вчерашние коллеги в приёмный покой первой горбольницы и пристроили на обследование.

Пролежал я там дней десять и вроде бы поправился. Хотя из лекарств давали только микстурку Бехтерева. И хотя проверяли мой организм вдоль и поперёк, но ничего серьёзного в нём не нашли.

Я думаю, что лучше мне стало просто от смены ритма бешеной жизни, и отдохнул я там как в санатории. Тем более что девчата со “скорой” всё время передавали кто варёную курицу, кто фрукты.

Один только сучара – врач с психбригады ничего не передавал, хотя и регулярно заскакивал, настойчиво уговаривая пройти консультацию у знаменитого психиатра Русакова. Мол, все мои беды от моей больной головы, а не от жизненного напряжометра. Ох, и не любил он меня за шустрость! Ох, не любил!..

– Тебе хорошо, – шутил он. – Ты скоро умрёшь!..

И хотя я знал, что это за фрукт, но решил, что полное обследование не повредит. Тем более что истощение нервной системы, невроз и неврастения проходят по профилю.

Посадили меня вечером очередной пятницы прямо в больничной пижаме в машину и повезли на Сейфулина – угол Абая.

И зря!

Русаков уже ушёл.

Хотя договорённость о встрече была...

– Оставайся до понедельника, – предложила в приёмном покое знакомая девочка.

Она совсем недавно перешла из “скорой помощи” сюда ради процентов за вредность.

Я подумал, подумал и согласился. Когда ещё представится случай познакомиться с психушкой не снаружи, а изнутри! Причём, естественным путём. И не как медик, а как пациент. Каких-то два дня – ерунда! А интересно – жуть! Но нужны были веские основания и неврастения не подходила. Слабенький диагноз! Поэтому мы с ней накатали в истории болезни почти литературную историю с крутым предварительным диагнозом – суицид (самоубийство!), и меня тут же переодели и затащили в третье отделение. Я не оговорился! Не проводили, а именно затащили! Два здоровенных санитаря заломили мне руки, оторвали от пола и понесли...

Да, забыл сказать, что я для достоверности ощущений согласился проглотить таблетку аминазина. Это такое мощнейшее “колесо”. Так что когда меня бросили на кровать “палаты наблюдения”, я впал в такой кайф, что не приведи господи!..

Но и польза была! Наблюдающие – два медбрата и три психа так резались всю ночь в домино и “чапая”, что если бы не “колесо”, то я бы действительно, одурел.

Но слабость утром была страшнейшая. Да ещё и заставили принять опять аминазин и какие-то другие таблетки. И шпателем во рту пошуровали, чтоб проглотил. И заставили рядом сидеть, чтобы увидеть что подействовало. В листе временных назначений всё было указано, но объяснить, что лекарства я сам себе назначил, было бесполезно.

Пилюли исчезли в моих недрах и тут же замечательно начали своё беспощадное действие. Я сразу почувствовал, как снова невидимый дворник принялся выметать из моей головы всё, что ему ни попадалось.

Вскоре из моего чердака вылетело почти всё, а язык стал тяжёлым и неповоротливым, как полено.

И тут меня повели на освидетельствование...

Всем прибывшим накануне вечером это полагалось.

В огромной комнате, очень похожей на актовый зал сидели за длинным столом восемь толстухек-психиатров и без тени любопытства взирали на меня. Благодаря отсутствию халатов мадамы были очень похожи на членов гражданского трибунала. И если бы я обнаружил в соседней комнате гильотину, то не очень бы удивился.

Сообразив (какой всё-таки у меня талантище!), что взаимопонимание при таком раскладе вряд ли возможно, я, с трудом ворочая языком, попросил лишь отменить пилюли до обследования меня Русаковым и перевести в более светлую палату (палата наблюдения была без окон).

Вмешиваться в дела профессора из-за такого пустяка как я, никто не хотел, и обе просьбы были удовлетворены. Тем более что передо мной соседи по палате наблюдения заморочили им мозги основательно.

– Я же ничего не ворую! – всё время, посмеиваясь, заявлял один. – Я же только делаю слепки с ключей! Вот наше правительство ворует – это да!..

Да и второй – журналист-иностранец, который по звонку сверху был взят вчера прямо в гостинице во время трапезы, слишком уж возмущался и обещал вывести всех на чистую воду.

Псих! Кому он это говорил? Зачем? Его потому и взяли, чтобы не ляпнул чего лишнего. Тем более – на международном симпозиуме...

Новая палата была оборудована под домашний уют. На зарешеченных окошечках – занавесочки. В горшочках цветочки! Но главное – это всего четыре койки и весьма внушительного вида двое больных – коллег. То есть – самоубийцы! Палата была элитарно-специализированная!..

Когда действие лекарства закончилось и моя голова кое-что засоображала, я начал оглядываться. А посмотреть было на что!

Во-первых, один из “аутомокрушников” – дядя Мурат до прибытия сюда работал первым секретарём райкома и помешался на идеологическо-сексуальной почве. Второй – Юра, тоже влип как кур в ошип, но уже только по лирическим мотивам. Его запекла сюда гулящая жена. Чтобы не пугался под ногами! Он уже третий раз проходил курс лечения и наконец-то начал слышать ангельские голоса и потихоньку общаться с потусторонним миром.

А третий оказался сюрпризом.

Я даже обрадовался когда узнал в нём одного из бывших директоров ДК АРО – Эстрина Еремея Борисовича. И раньше и сегодня на его совершенно гладком и блестящем челе пышным цветом пылала мания маний – мания величия. Может быть, поэтому он называл себя последним из могикан, хотя этого добра, как старого, так и нового, было предостаточно...

Но главное это то, что эти разновозрастные и разнообразованные граждане, как опытные психологи, внимательно всех выслушивали, что очень ценили окружающие. Поэтому к ним никогда не зарастала народная тропа, и исповеди, одна удивительнее другой, звучали дённо и ночью.

Разные заходили! Но трое особенно выделялись. Это прапорщик “Вижу цель!”, “Фантомас” и “Кубик Рубика”.

Прапорщик поступил одновременно со мной, и к нему сразу же прилипла кличка. И свихнулся он совсем не на напряжённом ожидании термоядерных атак противника или садомазохистских копаний в самом себе. Он гнал деньгу из оборонной материальной части и раз так увлёкся, что чокнулся.

И если он ещё только робко заглядывал, то Фантомас и Кубик Рубика приходили дружной парой, и независимо от количества посещений каждый раз на полном серьёзе разыгрывали свой образ.

– Внимание! Внимание! Сейчас вас посетит Фантомас! – обычно начинал первым здоровенный детина с бритой головой. – По проспекту Коммунистическому, бывшему проспекту Сталина, бывшей Кладбищенской, несётся чёрная «Волга». Наперерез ей выбежал человек в чёрном...

Прокомментировав некоторое время в том же чёрном духе, он, не переводя дыхания, в тяжёлом медленном темпоритме, начинал петь аккомпанемент к жуткому в своей потусторонней правильности притаптыванию: “Пам папапам папапам папапам!..”.

– Я Кубик – вершитель! Кубик – око! Реактивномыслящий! – подхватывал эстафету мужчина с лицом Ломоносова. – И как это вы обо мне не знаете? Меня вся больница знает! Всё отделение! Вся планета! Уважают меня! Преклоняются! Эх вы! Кубики вы все! Бело-зелёно-сине-красно-оранжево-жёлтые!

Высказав последней фразой своё глубочайшее презрение к миру, Кубик садился на краешек кровати дяди Мурата.

После этого Фантомас тяжело и невыносимо медленно подходил к подоконнику, брал из двух килограммового пакета с монпансье один леденец (конфеты мне передала накануне одна из юных коллег со скорой помощи), вкладывал его в рот и направлялся к двери. Пока он доходил до неё леденец рассасывался и, ещё более обиженно улыбаясь, детина поворачивался и путешествовал за новым. И так без конца и края...

Всё повторялось настолько мистически одинаково и часто, что после очередного раза я задумался... и вдруг вспомнил, что со времени поступления в отделение ни разу не посетил по серьёзному вопросу то место, куда царь пешком ходил.

В обычных условиях я не придавал бы этому особого значения, тем более что сообразил бы, что дело тут, скорее всего, в тормозящем действии лекарств и стрессе, но тут такой факт показался чем-то слишком уж ненормальным.

После ряда безуспешных попыток, уже далеко после отбоя, я, не на шутку встревоженный, обратился к дежурной медсестре за советом. Та рассеянно глянула, вздохнула и высыпала на мою протянутую ладонь десять таблеток пургена.

– Не много ли? – ужаснулся я.

– У нас иногда и это не действует, – сонно успокоила меня сестра.

– А если подействует – когда ждать? – заморочено спросил я.

– Почувствуешь! – безразлично буркнула женщина в белом и выпроводила меня.

И я почувствовал!

В четыре утра я поспешно катапультировался с кровати и в энном месте по-чёрному вычистился.

Довольный и легкий как пёрышко, я двинулся к своей палате, но, не дойдя и половины пути, сделал гримасу и побежал обратно. Что-то вроде лекарственной холеры приключилось со мной, и через час в туалет меня носили на руках. Нет, не санитары, медсёстры и врачи, а больные.

В частности, Юра и Фантомас, которого я начал называть Валерой.

Ещё через полтора часа выжатый до отказа организм отключил свой реактивный двигатель и подарил мне резкий упадок сил.

Я почувствовал, что умираю.

Вдобавок ко всему, окружающая обстановка начала действовать отрицательно. То, что раньше вызывало жгучий интерес, теперь лишь раздражало и угнетало.

«Психи! Вокруг одни психи!» – ударило в мозг, и глубокая депрессия чёрным облаком за клубилась по слабеющему телу.

– Сестра! – позвал я.

Никто не отвечал.

– Сестра! – уже громче снова позвал я.

Тишина.

– Ох-хо-хох, – вздохнул Эстрин. – Тут тебе не лазарет. Юра, позови!

– Убива-ют! – истошно заорал Юра.

Тишина.

– Убива-а-ют! – уперев ноги в спинку кровати и ковыряя в носу, ещё истошней гаркнул Юра.

Тишина.

– Давайте все вместе! – поменяв пальцы и ноздрю, предложил Юра.

– Убива-а-а-а-ют! – словно «ура» запульсировало по отделению, и в палату ворвался разъярённый медбрат.

– Ты кричал? – процедил он сквозь зубы и сжал перед моим носом свой бандитский кулак.

– Нет! Мы! – сказал Юра и демонстративно показал свои, тоже чудовищной величины, сжатые пролетарские мозолистые ладони.

– Парню плохо, а другим способом вас не дозовёшься, сэ-эр! – дообъяснил Эстрин.

Пощупав пульс и убедившись, что я действительно кончаюсь, медбрат вызвал дежурного врача – единственного на всю крупнейшую психлечебницу.

Заспанная и сердитая тётя тоже пощупала пульс, смерила давление, и мне сделали внутривенное вливание.

Стало немного легче, но сердце продолжало биться до ужаса медленно.

С каждым новым ударом я вместе с ним замирал и с сомнением ждал следующего...

Дальше события начали разворачиваться в темпе всё убыстряющегося аллегро...

Утро понедельника было, как всегда, хлопотным, и генеральная уборка встряса всех больных в коридор. Привычно покорно, и строго соблюдая диагностическую субординацию, они выстроились вдоль стен.

Призраки уголовной демократии витали и тут...

Лица... Ну что можно сказать? Некоторые даже лекарственно улыбались, а несколько клинических идиотов искренне и во всю ивановскую пускали от счастья пузыри, и слюна капала и капала...

Меня Юра и Валера вынесли вместе с кроватью.

Кубик Рубика, узрев мои ввалившиеся щёки, принёс печенюшку и приземлил ее на грудь.

Почин был тут же подхвачен.

Да ещё как!

Строй у стенок коридора нарушился! Как бы в пику чёрствости и махровому равнодушию медперсонала, больные выражали молчаливое сочувствие своему товарищу небольшими подношениями.

Скоро внушительная горка из конфет, печенья и других съедобных предметов, шурша, осыпалась на моей бедной и многострадальной груди.

Когда же Валера, вчерашний Фантомас, принёс тапочки и, впервые забыв исполнить свой жуткий танец, аккуратно поставил их около моего одра, я расстроился окончательно. Две слезинки выкатились из моих усохших и ввалившихся глаз.

Умирать не хотелось!

И смяв депрессию, я начал второй раз в жизни истово молиться. А так как традиционных молитв я не знал, то обращался к Высшей силе очень конкретно и по существу.

– Господи! – шептал я. – Если ты есть, покарай этих помощников смерти в белых халатах – бывших моих коллег! А ещё лучше – покарай тех, кто придумал этот уголовный мир! А меня вызволи отсюда, Господи, и я не одурею от счастья, а опишу весь этот жёлтый “рай” по обе стороны решётки!

По коридору стремительно прошёл старший медбрат – суперсволоочь в отутюженном чёрном костюме и при галстукке.

– Русаков! Русаков приехал! – объявил он, и персонал забегал в два раза быстрее.

– Вы бы не были против, если бы вас отсюда выписали? – без тени чувств неожиданно спросил суперсволоочь меня.

– Я?! – я даже привстал, от чего гора лакомств посыпалась. – Не-ет... Я не против...

– Хорошо, – так же безжизненно промолвил суперсволоочь и ушёл.

Своим ходом я дошёл до кабинета профессора, и он провёл со мной беседу. И, конечно, узнав о курьёзе, извинился за случившееся и пригласил в порядке компенсации на внеочередной курс своих лечебных сеансов гипноза.

Потом, уже в такси, мне было очень плохо, потом меня откачивали в моей любимой “скорой помощи”, но это уже было неважно.

Я был на свободе!

ЖЕНИТЬБА

Свобода – это благо!

Но на кой чёрт она нужна, если ты от неё гибнешь? Я имею в виду мужскую холостяцкую свободу, а не свободу вообще.

Прошёл я курс лечебных сеансов гипноза и вылечится – не вылечился, но зато освоил методику. Может потому и не вылечился, что сидел с широко открытыми глазами даже под полузакрытыми веками и следил за каждым шагом, словом и движением профессора.

Тот сразу меня раскусил, но разоблачать не стал, а сказал прямо как коллеге, что по всем медицинским и жизненным показаниям мне нужно жениться. Иначе – каюк! Мол, нужна стабильность, тихая гавань и неоспоримый природный смысл. И я с ним согласился. Сколько можно бегать за одним и тем же и здоровье подрывать!

Но это совсем не значит, что я тут же первую попавшуюся потащил в загс. Просто начал приглядываться к имеющимся в наличии и новым дама и взвешивать все за и против на перспективу. Провёл селекцию! Да для меня это было естественно! Я же по знакам зодиака – Весы! Да что там говорить! Мебель – и то выбирают! И, кстати, – берегут!!!

Вытащил я свой лямурный блокнот и прежде всего отметил птичками самых симпатичных и гармонично сложенных. Это были почти все. Потом среди них – умных. Батюшки светы! Не осталось ни одной! Две были, и те убежали!..

Но кое-что предначертано для некоторых!

Зашёл я на “скорую”, а Юрка Наливаев (бывший сокурсник по медучилищу) расхваливает свою новую девушку – дочь знакомых его родителей. Мол, и умная, и красивая и в филармонию его таскает, и он думает на ней жениться. И что любопытно, меня знает и вспоминает добрым тихим словом.

– Постой, постой, – говорю я и раскрываю блокнот. – Ленка, Ленка... Ага, – вот она! Могулёва Ленка! О! Это – реликт! Вымирающий вид! Таких теперь нет, и скоро совсем не будет. Женись не задумываясь!

Честное слово я совершенно искренне пожелал ему того, что мне самому было нужно позарез, потому что “что упало, то пропало!”. Тем более что познакомился я с ней на потоке и мельком.

Я ведь к этому времени как столбил? В центре города на каждом углу квартального каре я назначал свидания разным девушкам. Причём, если это случалось в один день, то через каждые пятнадцать минут. Если на первый угол приходила одна, я переназначал ей свидание на другой день и шёл к другому углу. Бывало, что все четыре приходили. Вот и получалось, что с последней я гулял, и остальных не терял.

Ну и эту закадрил то ли второй, то ли третьей...

Смотрю, идёт стройненькая крашенная блондиночка и плачет.

– Девушка, такой день, такое солнышко, такой я хорошенький, а вы плачете! Что случилось? – спрашиваю я.

– У меня аллергия на цветочную пыльцу, – отвечает.

– Как трогательно! – умиляюсь я. – Типичная болезнь Дюймовочек. – Но я вас, как профессиональный эльф с медицинским образованием, могу вылечить. Причём без всяких лекарств!..

Через два дня мы встретились, и я сразу же с места в карьер начал “лечить”. Вижу – случай трудный и даже нецелованный. А времени – в обрез! Как у современного терапевта. Пять минут – и следующий!

Слава Богу, расстались не врагами. Отличницы на хулиганов в этом деле редко обижаются!

Та-ак... На чём я остановился? А! Выудил я её новый телефончик у товарища и ни он, ни я даже не заподозрили, чем всё это закончится. Он знал, что у меня девушек куры не клюют, а я решил заслать её как агента в семью совсем юной девчушки, в которую был влюблён как в своё детство, а встретиться никак не мог. Ну, это на фоне обычной любовной гонки романтический такой недостижимый вариант для души.

Ленке понравилась эта игра, и я её тут же познакомил с братом девчушки. Тот хоть и учился уже на третьем или четвёртом курсе института, но в лирических делах был лопух лопухом. Домашний ребёнок! Таким пудрить мозги – одно удовольствие!

Ленка крутила “динамо”, я получал информацию и режиссировал – всё вроде бы шло не быстро, но поступательно...

И вдруг на очередном явочном свидании я увидел перед собой прекрасную Еву, а она... Нет! Она не увидела перед собой мужественного Адама! Это был уже пройденный не состоявшийся этап. Да это было и неважно! В этом деле лидер, как правило, мужчина! Главное то, что на меня нашло Божье озарение и в дальнейшем его хватило на двоих с лихвой. Я ясно понял, что это мой шанс. Что ещё такую, в ближайшие пятьдесят лет, мне не встретить. Мой опыт просто кричал об этом!

И я начал осаду...

Во-первых, я заявил, что она старая двадцатилетняя дева и может ей остаться, если не пройдёт элементарную школу. И я, как её друг противоположного пола и огромного опыта, могу кое-чему её научить и подготовить к прекрасной и полноценной жизни и удачному замужеству. И так как её подруги уже вовсю крутили и направо, и налево, то она призадумалась... Я же делал равнодушный вид и накручивал на её розовые ушки такую лапшу, что сам диву давался. И сеансы гипноза я проводил, и эзотерику разную впаривал и практику потихоньку продвигал.

Вообще я заметил, что если чего-то очень сильно хочешь, и это в принципе возможно, то обязательно добьёшься. Если, конечно, будешь действовать, а не в мечтах отлёживаться.

Девчушка и её брат были нами забыты мгновенно, и вскоре мы летели на всех парусах. А когда ученица благополучно забеременела, то уже стало не до игр и (так и быть!) я согласился расстаться с лихой мужской свободой.

Вся её родня, как это стандартно водиться, сразу встала на дыбы. У них были другие планы по отношению к ней и женихи уже созрели где-то рядом. И в путешествие-то её отправить хотели, и что только не обещали, но решение было не моё, а её (это тоже моя отличная режиссура!). Моя красавица во всех отношениях (я ей это ни в коем случае не говорил, чтобы дурное “динамо” не зафурычило в мою сторону!) проявила приятную для меня стойкость и непреклонность, и двадцать девятого апреля (стремительно – лишь бы не в мае, чтобы не маяться!) 1970 года нас зарегистрировали как мужа и жену.

И то, что мои мозги были пока ещё на своём месте, подтверждает то, что я сразу запретил моему любимому отцу обращаться с какими бы то ни было претензиями к ней: там посуда не вымыта, в доме не прибрано, обед не готов и так далее. Все вопросы только ко мне, а я уже сам всё регулировал и проблемы спускал на тормозах. Главного ревнивца, то есть свекрови, не было, а папаша у меня хоть и был инвалид-неврастеник, но умница и интеллигент высшей старорежимной пробы. Он условия принял сразу и никогда не нарушал их. И до самой его смерти ни тени тучки не пробегало между ним и невесткой и взаимоотношения были самые тёплые и уважительные.

Но если некоторые думают, что тишь, гладь, да Божья благодать были всегда и между нами, то это не так. И, признаюсь, в основном из-за меня. Я виноват! Каюсь! Роль гуру так захватила меня, что чего только я не впаривал в её доверчивые мозги. Я даже пытался обучить её мату. Да-да – русскому мату! Я хотел привить ей иммунитет к улице. Она же была такая незащищённая, такая хрупкая!

Ну, переборщил! Ну, нельзя же быть умным всегда и везде! Хотя и адаптировать к такому, какой я есть на самом деле тоже надо было.

Поэтому я такое выкоблучивал, что моё, почти хрустальное божество и вдохновенье и рубашку на мне рвало не от страсти, а в истерике, и утюг в меня метало не как спортивный снаряд, а орудие защиты, и...

Да, про невроз совсем забыл! Не было его до тех пор, пока семейная жизнь не устаканилась. Только стало всё более ли менее спокойно, как опять пошло-поехало... Я думаю

это не парадокс, а слишком сильная расслабуха виновата. Внимание вовнутрь ушло и что там было нашло.

Но ненадолго! Родился сын, размеры одежды моей крохотулиньки слегка изменились, да и жить на пенсию и заработок папаши было невозможно трудно. И так как медиком я работать уже не хотел, то пошёл на швейную фабрику сначала учеником, а потом и самим настильщиком, упаковщиком и грузчиком. Работа посменная и такая, что ни минуты нет отдыха. Бригада была комплексная, и получали с выработки. Только одну операцию закончишь, а уже другая ждёт тебя. Рубаха была всё время мокрая на отжим, уставал я страшенно, но невроз на какое-то время опять сгинул. Физическая изнурительная трудотерапия дала отличный результат! Я даже в свободное время вёл три раза в неделю драмкружок в одном из Домов пионеров и обучал игре на фортепиано довольно взрослую девочку. И если про постановку спектакля я имел какое-то представление, то на фортепиано не играл даже в объёме трёх классов. Моя крохотуля кончила музыкальную школу по этому классу и показывала мне очередную гамму, а я – ученице.

Как донёс и показал, так сразу забыл, а ученица шпарила вовсю... Конечно не только гаммы!.. Вы удивитесь, но впоследствии, после моего преподавания она поступила в музучилище. То есть она у меня так виртуозно играла пьесы для пятого-шестого и седьмого класса, что я только испуганно слушал. С отчаяния, какие только чудеса не сотворишь! Да и девочка была необыкновенно одарённая и усидчивая...

Пропахал я так девять месяцев, одел мою принцессу и сыночка, застолбил малую толику денег и понял, что нужно двигать всё-таки в искусство. Тем более что на моём фабричном месте никто и трёх месяцев не выдерживал. Самое рабское и потогонное место было! Поэтому послушался я в филармонии и был принят в капеллу драматическим тенором.

АЙ-ЧУЧУЧУ-ДЫГЫДЫГЫ-ДЫН!

Надо напомнить, что в консерваторию я поступал как бас, в Гнесинку как баритон, а вот теперь был принят как драматический тенор. Им нужны были теноры, а мне нужна была работа по профилю.

Но сразу меня в капеллу не посадили. Это была казахская капелла, и надо было сначала подучить казахский язык, его фонетическую специфику и партии. Поэтому дали мне кучу нот и партии и концертмейстера-казашку и мы с ней долбили репертуар и язык. И хотя мотивация у меня была очень высокая, и музыкальная часть партий осваивалась, но язык ни шёл, ни в какую.

Далеко потом я обнаружил, что совершенно потерял способность к изучению языков. То ли это потому, что слишком много их учил и ни один не освоил и в мою голову подсадили из высших сфер гениального голкипера, то ли от природной бездарности в этом плане.

В школах впаривали то немецкий, то английский и обязательно казахский, в медучилище латынь, немецкий и опять казахский, в консерватории итальянский и опять же английский и казахский и какие-то слова проскакивали в запасники памяти, но чтобы в осмысленные предложения их складывать – это никак!

Но из капеллы меня не выгоняли за неуспеваемость, а занимались индивидуально и не только по языку и репертуару. Главное то, что сам руководитель капеллы – Молодов Анатолий Васильевич положил на меня свой профессиональный глаз. Тем более, что я сказался литовцем, а литовцы и хоровое пение – дело святое! Он лично давал мне уроки вокала и строил карузовский голос и манеру пения “бельканто”. Будучи в консерватории заведующим кафедрой хорового дирижирования он видимо хотел в очередной раз утвердиться в своих педагогических талантах. И так как это мне нравилось, то дело потихоньку шло на лад. Да и супружнице приятно было, что у её мужа было удостоверение артиста капеллы, а не какого-то там непонятого настильщика и комплектовщика без квалификации.

Меня наконец-то посадили в коллектив, чтобы я слушал и ловил на слух репертуар и здесь я, конечно, был успешнее, чем на индивидуальных уроках. Тем более что очень много было не языковых подпевок, а тарабарщины типа “ай-чучучу-дыгыдыгы-дын, ай-чучучу-дыгыдыгы-дын!”.

И тут я обнаружил ситуацию почти по анекдоту, где мужик говорит, что любит групповой секс, а когда его спрашивают почему, то отвечает, что всегда можно сачконуть. Всегда кто-нибудь только делал вид, что поёт и Молодов периодически пробегал по рядам, выставя в сторону сачков своё музыкальное ухо. Один мужик вообще держал на пюпитре сверху нот конспекты и писал во время репетиций контрольные. Он учился заочно в институте народного хозяйства и не терял ни минуты.

Ясно, что руководителя периодически колбасило до невозможности. Иногда он становился просто бешеным. Потому что поймать кого-то за беззвучный язык было практически невозможно. Только он подходил к какой-то части капеллы, как в этом месте все пели. Причём сачки не резко вступали, а постепенно раздували свой сладкий голос.

От бессилия Молодов белел, краснел, синел и такие фортеля выкидывал, что люди иногда увольнялись целыми пачками. Не все же были сачками, а пойдя докажи, что ты не верблюд. Как всегда вместе с водой выплёскивался и ребёнок! Но я думаю, что если бы он не мстил халтурщикам, в горячке и зазря обзывая всех дам поголовно, то курицами, то коровами, а мужиков баранами и ещё чем похлеще, то давно бы не один инфаркт схватил бы. А так пар выпустит – и снова красив, элегантен и талантлив.

Да-а... Всё равно нравился он мне! Когда дирижировала его жена, зевотой рот раздирало, а как появлялся он, сразу становилось интересно. Чего от него не отнимешь, так это то, что личность он был неординарная и харизматичная. А так как вокруг роились такие, сякие, но все обыкновенные и потому скучные, то плохо было ему в одиночестве. Может быть ещё и поэтому он так вцепился в меня. Нутром почуял подобного ему – нестандартного. Если бы я выучил казахский язык, то наверняка стал бы постоянным солистом.

Но сидел в капелле один артист, которому вообще не нужно было напрягаться. Что бы он ни делал, он был заранее прощён и обласкан. Это алкоголик Паша-октавист. Ему ни казахский,

ни тарабарский язык был не нужен. Он почти всегда молчал, но в определённом месте как даст свою органную ноту, так кайф по всему телу капеллы разливается. Бывало неделями, в запоях отсутствовал этот русский мужик с огромным картофелеобразным фиолетовым носом, но никаких нареканий не получал и зарплату ему только повышали. Что поделаешь – бас-профунд – редчайший дар!

Я же от несвойственных моей природе обертонов стал постепенно уставать и нервничать. На перерывах я всё чаще стал просить одного баса-солиста спеть что-нибудь, и такой мёд разливался по моей душе, и я так настраивался, что неожиданно и непроизвольно как дам низкую ноту, так в рояле струны делали “У-уу!”. Бас только качал головой. Он всей душой сочувствовал мне.

Наконец и Молодов понял, что я не Энрико Карузо, а Матиа Батистини. То есть не тенор, а баритон. Этим ему помог мой очередной ларингит. И хотя баритонов было в избытке, но он меня не выгнал, а продолжал вокальные уроки и только сменил теноровые партии на баритональные. Ну, тут уж я, конечно, плавал как рыба в воде. А языковые дела имитировал и в основном распевал на “а”, “о”, “у”, “ы”.

А тут праздники! И все хоры города загнали в оперный театр на репетицию объединённого хора. Это только церковного хора не было. А так и милицейский, и армейский, и консерваторский, и родной оперный были как один сумасшедший. И тут для сачкования был уже космический простор, и переговорный гул стоял непрестанно. Почти все певцы периодически по тем или иным причинам увольнялись из одного хора и шли в другой. А так как все уже давным-давно знали репертуары всех хоров, то поэтому планы “ты туда, а я сюда” осуществлялись на раз. Вот я и сидел в зале и слушал, открыв рот, эти дивные истории о вокальной ротации и сплетни об идиотах-руководителях и их гомосексуальных, гиперсексуальных и даже педофильных наклонностях.

И, конечно, по поводу всех этих революционных праздников такое веселье разыгрывалось в творческих массах, что когда на оглушительно тарахтевших репетиционных подшипниках трое амбалов выкатывали на сцену пузатую Родину-мать – солистку оперного, то половина зала падала от смеха под кресла. А когда та мощно и свирепо начинала голосить по павшим, людям просто становилось плохо.

Ну а с Лениным – это вообще постоянная истерика с людьми делалась. Тоже пузатый старый оперный тенор в тесной жилетке раз пять выбегал и каждый раз, отдыхиваясь, махал на себя рукой, прежде чем заводил свою жутко занудливую бездарную партию.

Ну а когда весь наш мужской состав хоров ревел “Ан саган алтын алтынтай майданга майданга! Ан саган Ленин туы туы майданга майданга!” (перевода я до сих пор не знаю, но что-то очень бравое), то дамы слезились от умиления от такого количества доминирующих самцов.

Отменная была тусовка!..

Ну и про гастроли пару слов сказать надо. Представляете – приезжают семьдесят человек (а то и больше!), одевают национальные костюмы, выходят на сцену, а в зале “две калеки, три чумы”...

Раз в пионерский лагерь “Горное солнце” выступать поехали. Это такой почти артековский номенклатурный лагерь с усиленным питанием и цековским патронажем. Там оказывается отдыхали детишки Молодова. Вот он и решил начальству подмазать...

Как грянули мы что-то героическое, так всех номенклатурных детишек как метлой вымело. Одни две дочечки нашего патрона сидят и испуганно на нас и на папу смотрят...

Воспитатели и так и сяк, и кричали – без толку! Испугались дети! Слишком много шику и шуму!

Так и уехали мы, не осчастливив перспективную юность высоким искусством...

Видимо слишком сильно расстроился на этот раз патрон, потому что на другой день принёс реквием Моцарта – лакрिमозо.

Я как посмотрел в ноты, так понял, что пора отчаливать. Опять текст непонятный! Да и музыка хоть и красивая, но слишком уж тревожная! Сослался на ларингит и вроде бы временно уволился, чтобы как следует подлечиться, а сам – навсегда.

Пожали мы с Молодовым друг другу руки и разбежались. Он – учить с баранами, курицами и коровами лакрिमозо, а я в Дом культуры авторемонтного объединения заведующим культмассовым сектором.

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Директриса Дома культуры сразу спросила меня:

– Высшее образование есть?

– Нет.

– А надо! Тогда бы платили больше...

Мама моя родная!

Учился, учился, а раз картонки о законченном высшем образовании нет, значит, я чёрт знает что и зарплата – семьдесят пять рублей.

И неважно – Моцарт я или Муслим Магомаев.

Нет бумажки – ты букашка!

Хотя в филармонии никто на это даже внимания не обратил.

Если нет голоса – никакой диплом не поможет! Положил Молодов сто двадцать рублей – и баста!

Взял я справочник учебных заведений Советского союза и карту и начал искать что-либо подходящее и поближе.

– О! Кемеровский институт культуры! Заочное отделение! Режиссура! Сдавать только сочинение, историю и творческий конкурс!

Слава Богу, иностранного нет!..

И я полетел на двухмоторном АН-24 в Сибирь. Это было где-то в середине мая. В Алма-Ате уже всё расцвело, и деревья стояли зелёные. А тут как бы влетаешь обратно в зиму. Вот уже деревья без листвы, вот уже...

Снег! Появился снег! Всё больше и больше...

Вышел я из самолёта в своих летних туфельках, а вокруг сугробы...

Перед творческим экзаменом все поперезнакомились, и я понял, что шансы у меня нулевые. Все запросто сыпали именами столичных режиссёров, их методиками и подробными историями творческой и половой жизни, а я только тупо хмыкал...

Особенно блистали два хлопца – Цицилин Юрка и Иосиф Горнштейн.

Юрка до этого учился в Москве в Щукинке на актёрском факультете и этак снобистски-небрежно рассказывал, что его выгнали за политические выступления на площади, а Горнштейн работал токарем высокого разряда на местном заводе и просто бредил театром. И хотя и он, и я жутко тряслись от страха на творческом экзамене, но пятёрки получили на раз. Я – как только спел свой “Бухенвальдский набат”, а Иоська...

Да всех мужиков взяли! Зря мы дёргались! Даже Лёньку Чистова, который был дуб дубом во всех отношениях, зачислили якобы с испытательным сроком, но в действительности, навсегда. Оказывается, нам предстояло ставить сценки и спектакли, а роли в пьесах, в основном, мужские. И так как приехало нас впритык, то поступление было гарантировано. А “история” и “сочинение” были только дополнительным предлогом для отсева девчонок, которых как всегда в этом деле – пруд пруди.

Но это мы потом узнали, а первые два курса нас искусно стращали отчислением и держали на коротком поводке. А когда страх, то для меня нет творческого самодвижения. Только чтоб избавиться от страха!..

Зато, когда на третьем курсе я понял, что диплом в кармане, то расслабился. И тут-то начал учиться не для диплома, а для себя.

Интересно было – жуть!

И так как в постановках все друг от друга зависели, и дипломы нужны были позарез, то общее дело и шкурный интерес сплотили нас фантастически. Общая цель и смысл – большое дело! Особенно, если результат положительный. Такого кайфа взаимного абсолютного доверия и коллективной поддержки я уже никогда больше не испытывал...

Печально, но когда сдали госэкзамены, всё вернулось на круги своя. Каждый сразу же зарылся в свою эгоистическую скорлупу, и творческая мозаика счастья рассыпалась. Даже Иоська срочно испарился к своей молодой и счастливой жене. Я предлагал хотя бы напоследок собраться в кафе или в аудитории на капустник-воспоминание всех сессий, но тщетно. Стандартно, как обязательку, обмыли в ресторане дипломы и разбежались. И хотя это и было лето, но таким бытовым холодом и тоской повеяло, что ужас. Контраст с “до” и “после” был разительный.

И, думаю, не последнюю роль в этом эмоциональном и духовном спаде сыграла брешь, возникшая на последнем всплеске истинного товарищества, когда “один за всех, и все за одного!”, вспыхнуло и обрушилось символически – на госэкзамене научного коммунизма. Тут наш свет очей “Цицерон” (так мы звали Цицилина Юрку) сразу получил беззаговорочную двойку.

Парень обладал абсолютной памятью, но, как и у меня на иностранные языки, у него на эту антиприродную абракадабру всё в организме отключалось.

Даже Чистов Лёнька сдал, отчаянно призывая к милосердию.

– Меня жена на порог не пустит! – взывал он и плакал крокодиловыми слезами. – Детишки сиротами останутся!..

Он на этих стонах, воплях, и слезах большую часть экзаменов и зачётов сдал в процессе учёбы. Ему когда диплом вручали, то объявили, что дают за фантастическую творческую выживаемость...

Так вот наши офицеры и две дамы из исполкома (напоминаю – мы были заочниками) сразу же побежали и уговорили экзаменационную комиссию ещё раз принять Юрку. Спросить его что-то вроде “Кто такой Ленин?” и поставить тройку. Но когда мы отыскали его, он уже выкушал с горя бутылку водки и лежал под лестницей совершенно нетранспортабельный. Так и получилось, что самый одарённый и интересный из нас, диплома не получил.

Вот после этого и стало всё так слишком грустно и пусто...

ЗЕЛЬДИН

Приехал я после поступления в институт, а в Доме культуры уже новый директор.

И кто бы вы думали?

Эстрин Еремей Борисович!

Тот самый, с которым я был мельком знаком ещё до дурдома и в дурдоме общался уже на всю катушку. Подлечился, родимец, и опять, как и я, – на борьбу с бескультурьем.

Я и тогда обрадовался ему и сейчас тоже. А он как увидел меня, так сразу побледнел. Видимо, этот сильно лысеющий вчерашний самоубийца не особенно распространялся про своё боевое прошлое, а тут свидетель и очевидец прикатил.

Но я успокоил его.

Это, – сказал я, не преступление, не имеющее срока давности, и мы не фашистские изуверы. Кроме нас самих никто пока не пострадал. И мы с ним договорились – оба молчим про наши психоневрастенические удовольствия. Это же в наших обоюдных интересах!

– Что ж это? – сказал он сразу после договора. – семьдесят пять рублей после филармонии? Да ещё и у студента института культуры?

И он добавил пятнадцать рублей и пообещал в дальнейшем тоже что-то придумать.

Мда-а...

Эстрин был тёртый калач! всю жизнь он работал то администратором во всяческих концертных организациях Союза, то директором фильмов, то в предпоследний раз в этом же Доме культуры тоже директором, то...

В общем, там, где пахло деньгами от искусства, там был он!

А на сегодняшний день тут очень сильно пахло!

Два Народных театра – единственный в мире театр детской оперы, благословенный в своё время Натальей Сац и театр оперетты, плюс хореографический ансамбль – требовали очень внушительных финансовых поступлений. И стоило только где надо ткнуть пальцем, и утечка была гарантирована. Да и по старой своей привычке неугомонный Эстрин опять планировал на местной базе создать летучую концертную бригаду и тут уже рубить “капусту” с плеча...

Ознакомился я с официальным списком моих обязанностей и пришёл в ужас. Практически всю работу Дома культуры должен был делать я. Организовывать встречи, собрания, вечера отдыха для всех возрастов, следить за порядком на танцах, обеспечивать кружки и театры всем, что только ни потребуется, завлекать работников завода, писать отчёты и планы, и так далее и так далее. И это за семьдесят пять рублей!.. Ну, за девяносто! Что тоже неадекватно! И так как я ещё не научился сам ставить ограничители и определять себе норму, то бегал как оглашенный.

Посмотрел Эстрин, посмотрел и вызвал меня в кабинет.

– Вот что, – сказал он. – Через неделю в нашем клубе состоится встреча с моим старым знакомым – знаменитым актёром Зельдиным. Это главные роли в фильме “Свинарка и пастух”, “Учитель танцев” и так далее. Фильмы старые и люди уже подзабыли его.

Ты обеспечиваешь аншлаг, а я ставлю тебя художественным руководителем детской оперы. Это – сто десять рублей в месяц. Идёт?

– Замётано! – сказал я и обеспечил такой аншлаг, что в проходах стояли и сидели.

Правда набегался я по всяким производствам и конторам до такой степени, всучивая билеты, что самого Зельдина и не видел. Сил не было! Весь выдохся!

После этого подвига я отсыпался и отъедался дня два, а жена ходила на цыпочках.

А как же!

Сто десять – в семью!

Это почти сто двадцать, как в филармонии!

И должность по звучанию не последняя...

ШЕФСКИЙ ВЫЕЗД

И тут Эстрин организовал концертную командировку в далёкий, подшефный у нашего авторемонтного объединения конезаводческий совхоз где-то на границе с Китаем. Мол, там места красивые и можно с недельку отдохнуть.

И хотя это было правдой, но на самом деле он тайно задумал осуществить очередное своё лихое дело по сколачиванию всё той же дойной концертной бригады. И предпосылки для этого были.

И ещё какие!

Связи с миром искусства у Эстрина были преогромнейшие и мысли по поводу их использования не залёживались. Да и в самом ДК кадры в это время работали высокого профессионального уровня. Режиссёром двух театров был Гринкевич Николай Николаевич – ведущий бас в оперном. Он временно отсиживался в ДК после какой-то очередной театральной склоки. С ним ехала его жена с двенадцатилетним сыном. Она работала на кафедре хорового дирижирования в музыкально-педагогическом институте, а у нас подрабатывала хормейстером. Из оперного был приглашён солист-тенор Ошкуков, а из Казахконцерта Эстрин заарканил заслуженного артиста-казаха с огромным иконостасом военных наград..

Этот, очень симпатичный и весёлый весьма пожилой дядька, так лихо отчебучивал национальный репертуар, что мы все диву давались. Оттуда же был сосватан и аккомпаниатор – солист-баянист Косинов с непонятным пиратским шрамом в форме утюга на левой щеке. Играл он, конечно, фантастически. Баян был штучный из Италии и звучал как орган, а виртуозность и импровизационные вариации не знали границ...

Ну и Наум Миронович Веллер – профессиональный фотограф, а по совместительству фокусник. Когда-то он проходил стажировку в Индии и тоже долго работал в Казахконцерте магом и волшебником. Эпилепсия и сильнейшая сопутствующая неврастения выбили его из седла, и теперь он обучал этому искусству только детишек. Поэтому с ним ехал один из лучших воспитанников Самат – худенький мальчишечка лет девяти.

Тряслись в клубной “коробочке” мы километров пятьсот, но не пожалели. Нас встречали как дорогих столичных гостей. Сплошные застолья с национальными деликатесами, тостами и катаниями на лошадях.

На одном из катаний я так услужливо подсаживал моего сумасшедшего благодетеля, что лошадь укоризненно обернулась и долбанула меня копытом... Хорошо, что не в пах! Я минут десять отходил от этого мистического удара.

То, что он мистический, я понял потом...

В общем, удовольствий было масса и мы, конечно, же отплатили по высшему разряду. Такие концерты выдавали, что даже у Эстрина глаза замасливались от удивления и самодовольства.

Под конец нас повезли на заповедное горное озеро – одно из Кунаевских мест отдыха и охоты (Кунаев – добрый партийный царь Казахстана).

Дорога почти непроходимая. Сплошные валуны и ухабы. Автобус чудом цел остался, а мы поотбили все внутренности (Кунаев и его приспешники добирались сюда на вертолётах).

Наконец шлагбаум, и...

Батюшки светы! Озеро Рица с пристанями, катерами и охотничьими хоромами!..

В одном корпусе нас и устроили на ночь. Ну и сказали, что после концерта и здесь будет дастархан (застолье).

Расселись в столовой егеря, повара, горничные, уборщицы, сторожа, электрики, техники и мотористы, и мы опять показались во всей своей красе.

И тут шеф понял, что вот он – его запланированный очередной звёздный час!

К концу застолья – под занавес, он выдернул из портфеля ослепительные лакированные штиблеты и потребовал освободить стол от объедков. Мы под пьяную лавочку быстро это исполнили и, взлетев одним прыжком на стол, Эстрин дал такую чечётку, что все ахнули.

Я-то знал, на что он способен, потому что именно чечётка и привела его в своё время в дурдом...

Потом все плавали под луной по озеру на лодках, орали песни и осанну шефу, и он, как “Свежий кавалер” Федотова, гордо купался в алкогольно-зашкаливших лучах славы и почитания. Не зря, ох, не зря в начале дастархана ему преподнесли баранью голову, что считалось у казахов высшей степенью уважения...

РЕПКА

Какое-то время после поездки было тихо и стабильно.

Проблема любой самодеятельности – посещаемость и наполняемость. Поэтому опять я бегал, но уже по домам и школам и как миссионер вешал лапшу про лучший из лучших путей в сегодняшнее – правильное, а завтра – в гарантированное.

– Только через пение душа просветляется и, в конце концов, устремляется в рай, – врал я.
– Те, которые в церквях поют, уже одной ногой там!

– Так вы что, в церковный хор набираете? Тогда вам только мальчики нужны! – говорили некоторые продвинутые учителя и смеялись.

Но мне было не до смеха. Мы ставили мини-оперу “Репка”, а певцов не хватало. Новых-то я с грехом пополам набрал, а вот старые, уже обученные кадры, выросли и начали потихоньку отчаливать.

Одну, самую голосистую пятнадцатилетнюю претендентку на роль “бабки” я просто караулил у дома. А когда застал, то она вышла в халатике и, томно поводя своими невероятно обещающими глазищами, проворковала:

– Что ж вы стоите? Входите в дом! Никого нет! Я одна до самого вечера...

А тут ещё мой приятель, Алька Серкебаев – студент консерватории и наш аккомпаниатор завёл роман с “внучкой”.

Я призывал к его совести, страшал уголовной ответственностью за растление несовершеннолетних и “удовольствиями” за такую статью в местах не столь отдалённых, но тщетно!

Он мне цитировал эту скотину Набокова и наигрывал что-то подозрительно легкомысленное...

На репетициях Гринкевич тоже запузыривал такие этюды для “творческого раскрепощения”, что мне было не по себе... И хотя я и числился художественным

руководителем, но со мной никто не считался. По сравнению с авторитетом этого пузатого монстра я был – козявка.

А тут ещё он приволок “Наталку-Полтавку” и ввел меня на какую-то роль. Днём я бегал с “Репкой”, а вечерами мучился над украинской мовой.

Наконец с грехом пополам “Репка” была свёрстана.

Из оперного привезли подходящую декорацию и реквизит и вот – премьера!

Ну, и как всегда в самодеятельности – кадровый цейтнот. У подростка, играющего деда, разыгралась фолликулярная ангина.

А в самодеятельности, какой может быть второй состав? Первый не надыбаешь!..

Батюшки мои!

Учителя уже вводят в зал целые классы, родители рассаживаются, а за сценой – ужас!

– Играй ты! – кричит Гринкевич. – Ты тощий! Сойдётся за подростка!

– Да я же не учил ничего! – сопротивляюсь я.

– А что там учить! – орёт пузан. – “Здравствуй репка крепкая! Вылезай из грядки!”.

– Ты что – одурел? – тыкаю я от волнения. – Там же текста куча! И песен тоже!..

– Херня! – орёт Гринкевич. – Нас с тобой всех с работы повыгоняют! Председатель облсофпрофа в в зале сидит! Из газет журналисты! Играй! Я буду суфлировать!

И тут “Бабка” в балахоне с чужого плеча подходит.

– У меня живот болит, – говорит она. – Резинка давит.

– Шо? Какая резинка? – не может ничего понять Гринкевич.

– Ну, которая юбку держит, – говорит “бабка”. – Слишком затянули её.

– Ты что, - маленькая? – орёт Гринкевич. – Нянится уже пора, а она – резинка!..

– Ох, Николай Николаевич, какой вы грубый, – кокетливо мурлычит “Бабка” и уходит.

– Э-э! Ты куда? – испуганно говорит Гринкевич.

– К костюмерше, – успокаивает его красотка.

– Ты, недолго там, смотри, – сдерживаясь, мягко говорит Гринкевич и с налитыми кровью глазами поворачивается ко мне.

Но я уже напяливаю парик...

Грянула музыка, занавес открылся, и началось... Если припевки я всё-таки знал, то текст – через пень колоду.

Зигзагами я всё время кружил у кулис и только на соло выбегал к авансцене.

Зритель же, как всегда думал, что так и надо и лишь после спектакля одна педагогиня сказала, что у деда видимо не всё в порядке с мочевым пузырьём.

– Режиссёрская задумка! Проблемы возраста! – многозначительно объяснил Гринкевич и благодарно прижал меня к своему необъятному животу.

ВЕЛИКИЙ РЕФОРМАТОР

Ещё несколько раз мы ставили для детей “Репку” и уже каждый раз деда играл я. После ангины у “штатного” деда началась ломка голоса, и он автоматически выпал из актива.

Зато с Гринкевичем мы сдружились. Ну, это как всегда – общая беда сближает крепче, чем радость!

И вовремя!

Шефская поездка снова разрушила в Эстрине хрупкую грань между реальностью и претензиями на гениальность. А, может быть, и не было никакой грани. Был сумасшедший и остался сумасшедшим!

Но я держал слово!

Про дурдом – ни звука!

И если окружающие начали замечать, что директор съезжает с катушек, то моей доли в этом не было.

Первым заметил что-то неладное Гринкевич.

– Что-то зачастил завком к нам, – сказал он мне как-то на репетиции “Наталки-Полтавки”. – Закрываются они с Эстриным в кабинете и что-то нехорошее там высидивают.

И только он сказал это, как “В темницу входит царь. Стороны той государь”.

– Ну, – говорит Бахтубаев. – Что-то артистов из заводских у вас – раз-два и обчёлся. Пора прикрывать лавочку. Люди работают, работают, а их денежки вылетают на ветер. Да и ваш детсад тоже будем ликвидировать. За год какую-то жалкую “Репку” выпустили, а потратили

уйму денег. Такие расходы завод сегодня не может позволить. И я как завком полностью согласен с вашим уважаемым директором в вопросах реорганизации клубной работы. Пора переходить на самоокупаемость. Вот он пригласил заслуженную артистку казахконцерта Маргариту Ли, и она со своим молодым коллективом уже третью программу выдаёт. И никаких расходов! Статья вот в прессе хвалебная про их театр поэзии есть. Завтра в девять часов чтобы все были в облсофпросе (областной совет профессиональных союзов)!

И началось!

Во-первых, отбросив высокие материи, все теряли работу. А это и хормейстеры, и аккомпаниаторы, и педагог по вокалу, и хореограф, и мы. Опера и оперетта – затратные жанры! Тут ничего не напишешь! А духовность и всякие тонкие и эфемерные вещи как не крути, но на весах сиюминутного результата не работают.

Но главное, это то, что Эстрин сразу превратился из друга во врага номер один. Великий реформатор, как и почти все его предшественники, делал себе имя, прежде всего на разрушении всего сотворённого до него.

Естественно, что сопротивление было мощное. Склока разгорелась не на жизнь, а на смерть!

И хотя с одной стороны были мы, а с другой лишь завком и Эстрин, но в вопросах склоки эти двое не знали себе равных. Мы и подписи собирали, и прессу подключали и разные ходатайства – без толку!

Единственное, что раскрылось, так это документально подтверждённая утечка облсофпрофских и заводских средств в сторону кармана завкома и какая-то подозрительная концертная бригада при заводе, которую никто не видел и не слышал.

Наконец Гринкевич в очередной раз пригласил меня к себе домой, где мы в целях конспирации проводили все обсуждения и вырабатывали дальнейшую тактику.

– Всё! – сказал он. – Надо признать, – Эстрин победил. То ли в этом облсофпросе, райкоме партии и на заводе у всех руководителей рыльце в одном пушку и потому они душой и всем телом на стороне Эстрина и Бахтубаева, то ли среди шизофреников гении действительно не редкость. Надо искать работу! Я тебе предлагаю...

– Подожди, Николай Николаевич, – говорю я. – А что, если припугнуть Эстрина моим тестем?

– Как это?

– Просто! Он позвонит, пригрозит Эстрину проверкой и баста!

– Какой проверкой? – недоумевает Гринкевич.

– Ну, он работает начальником городского отдела БХСС. Ну, по борьбе с разными хищениями. Он полковник милиции.

– Что ж ты молчал? Что ж это?.. Ох! ох! ох!..

Плечи Гринкевича затряслись и он, закрыв сильно побагровевшее лицо руками, начал клониться к столу.

– Рая! Раечка! – заорал я.

Вбежала Рая, и, в панике отрывая руки Гринкевича, тоже заголосила:

– Коля! Коля! Коля!..

– Скажи быстро триста тридцать три, сжимая зубы! – профессионально затараторил я.

– Триста тридцать три, идиот! – очень чётко пробасил Гринкевич и, отстранив Раю, смахнул с глаз слёзы радости.

– Слава Богу! Не insult! – облегчённо вздохнул я.

Через три дня Эстрин уволился по собственному желанию...

ПИОНЕРСКИЙ ТЕАТР САТИРЫ И ЮМОРА

Склока не оставляет белых и пушистых – все остаются измазанными грязью или чем похуже. И отмыться практически невозможно. Тем более что кроме Эстрина мы нажили ещё более опасного врага в лице всё того же завкома Бахтубаева. Он теперь следил за нами как профессиональный сыщик и копил даже самые мелкие аргументы, чтобы избавиться от нас. Тем более что появившаяся тень моего милицейского тестя тоже не очень его грела. Поэтому, вслед за уходом Эстрина и мы с Гринкевичем начали потихонечку отчаливать.

Николаю Николаевичу дали в оперном театре должность заведующего литературной частью, а я перешёл в Дом пионеров Калининского района на должность руководителя драматической студии. Причём директор Дома пионеров вначале посадила меня в жюри смотра художественной самодеятельности и, нарушая все финансовые нормы, заплатила то ли три, то ли четыре ставки за две недели.

Жена сразу сказала:

– Это хорошее место!

Ну, место не место, но дров я в этом жюри наломал кучу.

В нашем районе в это время было семь или восемь школ с уже много лет радостно живущими драмкружками. И три или четыре кружка я сразу угробил. Хорошо, что ещё вовремя опомнился, а то бы и остальные попередохли.

– Ну, – говорил я, когда мне давали слово. – Что ж вы так неаккуратно с материалом? Где сверхзадача, сквозное действие, кульминация, ансамблевость? Что это за беспредметная беготня по сцене? Где система Станиславского и Немировича? Ну и сцен речь – ни в какие ворота! Что они там жуют? На каком языке? Откуда такая элементарная безграмотность? Кто руководитель? Ага, – преподаватель по литературе с двадцатилетним стажем! Похвально конечно, но рекомендую прочесть для начала Константина Сергеевича “Работа актёра над собой”...

И сыпал и сыпал в том же духе. Причём совсем не для того, чтобы унижить. Я свято верил, что делаю доброе дело – даю верный курс и рекомендации. Я был фатально убеждён, что только критика двигает прогресс. И мне очень хотелось всё улучшить.

Ребята и их педагоги с горящими глазами садились перед комиссией, и я тут же начинал сверкать им навстречу своим молодым профессионализмом.

Глаза тухли, наливались слезами, но авторитет мой рос.

А коллективы дохли!..

Ну, это как всегда у нас – кто кричит громче всех и авторитетней, да ещё и сыпет цитатами, тот и умница.

Дали мне полторы ставки и прикрепили к семьдесят третьей школе, где ещё какие-то часы добавили. Но главное – там была хоть и маленькая, но сцена. А в Доме пионеров, который за его микроскопическую величину, но очень тёплую атмосферу называли ласково “домиком”, не то что сцены, а даже туалета приличного не было.

Подумал я, подумал и начал распахивать самую коварную и опасную, но ходовую и эффектную целину – юмор и сатиру! По образцу театра миниатюр. Сначала по готовым сценариям, а потом и самому чиркать пришлось. Потому, что кроме четырёх сенок “Пионерского фитиля” и двух-трёх миниатюр из журнала “Вожатый” ничего приличного для постановок нигде не было. Да и те были написаны, видимо под большим партийно-профсоюзным давлением, так как на первые четыре малюсенькие сценки было четыре самых крутых в Союзе авторов юмористов-сатириков – Курляндский, Успенский, Хайт и ещё кто-то.

Но то, что они из себя с грехом пополам выдавили, было детским лепетом по сравнению с тем, что нашлёпывал я. Я взрослые проблемы вкладывал в уста младенцев. И при первом же показе где-то в парке кто-то из райкома партии сразу же грозно и громогласно выкрикнул:

– Кто автор?

– Успенский! – тут же нашёлся я.

– А-а... – успокоился ответственный и начал хвалить за остроту и актуальность.

Вот так и пошло. Во всех своих программах самые крутые сценки я подписывал знаменитыми именами.

И меня не трогали!

Постепенно я так обнаглел, что потащил своих гениальных детей на телевидение.

И тут мой авторитет, конечно, вырос до потолка. Сама Ушакова и Татьяна Басс из ЦК комсомола заинтересовались и предложили создать пионерскую агитбригаду для участия в мероприятии “Турксиб-БАМ – переключка пятилеток”.

ТУРКСИБ

Талантливые – почти всегда мало покорные.

Мои вообще были сорвиголовы.

Школа стонала от их гиперактивности.

Но мне такие и нужны были. Их не надо было раскрепощать и мучить актёрскими тренингами. Яркие были ребята! Схватывали всё на лету и такое выдавали, что я нарадоваться не мог. Ну, и зрители, конечно, тоже. Но всё время нужен был глаз, да глаз. Только отвернулся, а их уже и след простыл.

Хорошо, что на телевидении их было только четверо. Полстудии бегало после первой же репетиции и вытаскивало каждого, бог знает откуда.

Один чуть было не сгорел заживо, когда вбежал в какую-то тёмную студию и начал шарить по стенке в поисках выключателя. Он уже нащупал какую-то крышечку, открыл её, и только собрался сунуть в образовавшуюся дырку палец, как вбежал я с оператором, и тот фонариком отбросил пацана от стенки, а потом сел на пол, чтобы прийти в себя. В дырке желтел толстенный оголённый высоковольтный кабель...

После этого случая мои самые шустрые гаврики несколько приутихли и пообещали быть в поездке тише воды ниже травы. Хотя ещё до отхода поезда тот же хлопчик умудрился пробежаться пару раз по крыше нашего агитвагона.

Но никто, кроме меня, этого не заметил, так как внимание всех активистов было приковано к явлению народу пьяного в дугу баяниста Валерия Андреевича Мартыненко. Он вышатнулся на перрон, сел на свой инструмент в футляре и начал, покачиваясь, призывно посвистывать, махая рукой в сторону поезда.

Я выскочил из вагона и, подхватив баян, затащил нашего Калининского маэстро в своё купе.

Спрятав его на верхней полке, я успокоил нашу руководительницу Басс:

– Музыкант на месте!

То ли она притворилась, что не видела этого явления, то ли действительно за суматохой проглядела, но эта строгая организаторша из ЦК комсомола только кивнула и продолжила подсчёт палок копчёной колбасы из сухого стратегического пайка.

Впоследствии Валерий Андреевич дал ей кликуху “Басовая чувиха” и мы за глаза так и звали её.

Ночью от очередного толчка поезда Валерий Андреевич слетел с полки и уселся на, стоящую на столике, пустую бутылку из-под минералки.

– Где я? – спросил он, дико озираясь и выдёргивая бутылку.

– В поезде, Валера, в поезде.

– И куда едем?

– Туда! – махнул я рукой.

– А баян?

– Вот он.

– Порядок! – успокоился маэстро и, взобравшись обратно, тут же захрапел.

Туркестано-сибирская железнодорожная магистраль тянется и тянется от России до Китая, и первая десятидневная часть агитпоездки была по Туркестану. Это – сплошные пустыни, полупустыни и степи.

Безрадостная картина.

Для моего глаза!

Тем более что кроме весьма помпезно выстроенных, но уже облупленных фасадов вокзалов, вся остальная часть построек и жилища людей блистали вызывающей степенью убожества и нищеты. А когда в Семипалатинске Басовая только подвела нас к какому-то мемориалу и тут же, поспешно, обратно к поезду, у меня мурашки по телу забегали.

– Радиация! – почти шёпотом проговорила она на наши взрослые вопросы. – Тут рядом был ядерный полигон...

Представляете?..

Мы приехали и уехали, а люди там живут и до сих пор помирают и там, и везде от лейкемии и других послерадиационных раковых удовольствий!

Но некоторых и этот пейзаж вгоняет в эйфорию и патриотическую истерику. Особенно после второго стакана водки.

Так вот, про водку!

Кроме моих театральных орликов, в вагоне были ещё и юные корреспонденты, и просто пионерские активисты. Ну, и кроме меня, Валеры и Басовой, – ещё несколько сопровождающих взрослых. И когда на станциях вагон загоняли в тупик и детишки давали для местных пионеров концертную программу, а вожатая заводила хороводы, то после этого участников операции кормили в сараеобразных столовых с глиняным полом.

Взрослых же приглашали в отдельные помещения сарая, где угощали теми же сиротскими обедами, но с водкой.

Водка была альфой и омегой местных застолий! Доходило даже...

На одной из второстепенных станции, местный, очень боевой деятель комсомола, почти силком вытащил весь взрослый состав из вагона и, прыгая через пути, завёл в каморку, посреди которой стоял длинный деревянный плохо обструганный стол и скамейки.

Только мы зашли, как другой деятель начал, молча, вбрасывать на стол гранёные стаканы, которые, опасно спотыкаясь, скользили и останавливались прямо напротив каждого гостя.

Первый деятель тут же выдернул из-под стола ящик самой дешёвой водки и, ногтём откупорив первую бутылку, гордо и быстро разлил её и откупорил вторую.

Второй в это время нарезал три буханки серейшего непечённого липкого хлеба.

Басовая пыталась протестовать, но Валерий Андреевич сказал, что нельзя обижать местное население. Для них, – это пиршество!

Мы выпили, занюхали хлебным пластилином и поспешили через пути назад.

Деятели не шелохнулись. Они как выпили, так сразу впали в транс и напрочь забыли, что мы ещё здесь и зачем они здесь. И только мы вышли, как ещё несколько мужиков выскочили из засады и бросились в каморку, около которой кто-то уже прислонил к забору зарезанную поездом ещё живую собачку. Она в предсмертном шоке, молча, смотрела на нас и моргала, моргала...

Но хватит о грустном!

Стук железнодорожных колёс не располагает к трудовым размышлениям. Всё больше озорное рождается. Поэтому на месте смычки, так хорошо описанной Ильфом и Петровым, народ интересовался золотым костылём, а не самоотверженным трудом путейцев. И то, что он оказался обыкновенной покрашенной болванкой, очень всех разочаровало.

Валерий Андреевич даже так расстроился, что купил на очередной станции “огнетушитель” (вермут розовый 0,8 литра) и распил его сам. Но я думаю, это был только

повод, так как всю дорогу он в этом себе никогда не отказывал. Ну и мне как соседу перепадало...

И где бы мы не останавливались, да и в вагоне тоже, наша развесёлая кызымочка-вожатая, победившая на конкурсе вожатых республики, тут же собирала всех в круг и начинала:

– О пири тики томба!..

Прошло уже бог знает сколько лет, и я не помню, ни как она выглядела, ни её имени, но разбуди меня ночью и я вам так спою эту африканскую абракадабру, что мало не покажется:

– О пири тики томба! О пири тики томба! О муса, муса, муса! О мусса, мусса, мусса! О пики ля о беби! О пики ля о беби! Ле о ле оле бабо ле! Ле о ле оле бабо ле!

Где она надыбала эту людоедскую волынку и что она обозначает – тайна за семью печатями.

Да, чуть не забыл про своих гениев. Они старались вести себя прилично, но это плохо получалось. Поэтому я расселил их среди самых дисциплинированных. Но Ладка – огневая девчонка с жадными рысиными глазами в каждом тупике всё-таки забиралась на крышу вагона, и тут же откуда ни возьмись сбегались некультурные разновозрастные самцы. Слава Богу, всё обошлось, потому что я был начеку.

Но уже в поездку по байкало-амурской магистрали этих артистов я не взял.

БАМ

Если по Турксибу нужен был глаз да глаз за моими детишками, то теперь за моей ненаглядной женой.

Ну, нет покоя от геморроя!

Её по моей просьбе оформили в эту поездку воспитателем, и так как она сохранила свою девичью фамилию, то первое время поэт и член Союза писателей Цветик не догадывался, что это моя половина. У этого спецкорра “Дружных ребят”, конечно, была своя фамилия и имя, но мы с Софой Янлосы (редактором детской редакции радио и телевидения) сразу прилепили ему это прозвище.

Этот, почти двухметровый европейский красавец, как только увидел мою вроде бы одинокую приятную птичку, так сразу распушил свой петушино-индюшинный комплекс и заклокотал и зашептал у её ушей:

– “И медленно, пройдя меж пьяными, всегда без спутников, одна, дыша духами и туманами, она садится у окна...”

Ну и всё в том же духе...

Моя, романтически наивная половинка никак не воспринимала его поэтические изыски и мурлыканья на свой счёт. Она думала, что так и полагается членам Союза писателей. Только вчера она работала экономистом в какой-то конторе, и теперь чувствовала себя хуже всех, так как педагогического образования не имела. Тем более что Басовая на все двадцать дней поездки распланировала каждый час занятостью всевозможными мероприятиями, И если бы не я, то ей было бы совсем плохо.

Потом она призналась мне, что если бы знала, что не такая уж она и ущербная, то была бы увереннее в себе..

Она-то не знала, но мы-то с Софой знали, и первые два дня потешались вовсю. Но на третий, когда Цветик от вроде бы невинных виражей перешёл к более конкретным атакам, я сказал Софе:

– Закрываем лавочку! Он того и гляди прижмёт её в тамбуре!..

И Софа раскрыла карты...

Видели бы вы его физиономию!..

Но, как говорится, пришла беда – отворяй ворота!

Следующий ястреб, как только увидел, что место освободилось, так сразу же нацелил свой налитый кровью азиатский глаз. Его уже не смущало то, что муж рядом. И никакой маскировочной лирикой тут не пахло. Это был, ненадушенный никакой поэтикой и театральщиной, кондовый хищник-самец – Миша Саршаев. Его прикрепили от телестудии для кинофотофиксации наших успехов, и всю поездку только я куда-нибудь отвлекался, как он был тут как тут. Гипнотически щёлкая затвором фотоаппарата, он то и дело замечал моей Леночке:

– Лифчик у тебя сегодня розовый! А вчера...

В общем, бдеть приходилось и днём и ночью!

И ничто на земле не проходит бесследно! После поездки от этого напряжометра у меня было длительное обострение застарелой язвы. Тем более что под предлогом подарка комплекта фотографий с Бама, Миша уже в Алма-Ате пытался заманить мою половинку в свою лабораторную западню. На моё счастье, она, вроде бы не нашла его мышеловки. Да! Судя потому, что вернулась без фотографий, – не нашла. Много позже фотографии принесла Софа. Хотя, – кто его знает!.. Конспирация – мать подполья!..

Ну ладно! Хватит! Тем более что через пару месяцев Миша перепил на проводах в армию сына и скончался от сердечного приступа. И то, что в поездке он от любви к алкогольным возлияниям был достойной заменой Валерию Андреевичу, – факт! Хотя, надо признать, в отличие от того, свои пристрастия он маскировал очень умело и профессионально.

Никто из детей никогда не видел его пьяным, хотя теперь вагон был плацкартный и просматривался насквозь.

Кроме тех взрослых, которых я уже обозначил, с нами ехала спецкорреспондент газеты “Пионерская правда”, пожилая опытная врач, вылитый кгбешный стукач парень-вожатый и руководитель детского вокально-инструментального ансамбля.

Но уже с первого дня одна девочка слегла с температурой тридцать девять и почти всю дорогу врач не отходила от неё, а спецкорреспондент только и делала, что вязала свитер. Руководитель же ансамбля всё время репетировал со своими ребятами, и мы его тоже почти не видели с нашими активистами. Точно так же как и кгбешника. Тот ничего не мог организовать и с детьми не контактировал никак. Он даже пионерских и детских песен не знал, но всё время тусовался рядом с нами. Так что главные действующие лица как проявили себя с самого начала, так и оставались интересными до конца.

До Красноярска мы жили на сухом пайке, но тут Басовая побежала по райкомам и всю нашу ораву наконец-то вполне прилично покормили в столовой горячим. Ну, и после этого политически-гостеприимная машинка завелась на всю катушку и какой-то комсомольский орёл повёл нас на знаменитые скальные ”столбы”. И всю дорогу он косился на точно такую же, как у него мою дефицитнейшую батистовую рубашонку с гоночными автомобилями по всему полю. Её достал мне тесть, который как вы ещё, надеюсь, не забыли, работал начальником Алма-Атинского отдела по борьбе с государственными хищениями. Я даже помню, что это, отличающее элиту от плебса изделие, было пошито на ленинградской фабрике.

Ох, и времечко было! Ох, и времечко!..

Да и теперь тоже... своеобразное...

Но ближе к событиям!

Торчащие прямо среди тайги скалы сильно пахли экстремальной туристическо-альпинисткой мочой, а Ленка так натёрла ноги, что на обратном пути я тащил её на себе. Но потом, после осмотра плотины и Дивногорска, когда нас посадили на пароход “Тургенев” и он поплыл по Красноярскому морю, всё скомпенсировалось. Природа по берегам – как в песнях, вода – стекло, погода – экстра! Мы даже с мужиками поплавали. Ну, пока ждали пароход...

Дальше нас повезли в местный “Артек” на берегу Енисея, где устроили баньку, после чего в штанину к Цветику заползла пчела и ужалила прямо в левое...

Ну, сильно он орал! Сильно!..

Три местные девицы из старшего отряда, которые до этого очень громко обсуждали, с кем бы из нас им хотелось переспать, отскочили как ошпаренные, а Цветик плясал как бешеный с выпученными глазами, высоко задирая ноги и безуспешно пытаясь вытряхнуть несчастную пчелу...

Он вообще был сейчас шибко нервный. Одна пионерка – дочь кузнеца, которая тоже уже не была пионеркой, но за заслуги активистки попала и в эту часть операции, запала на него

ещё почище пчелы. Она знала всё о Турксибе и Баме! Каждую бригаду, её историю и всех героев стройки дочь кузнеца могла назвать поимённо! Она жила этим! Она этим горела! Но за время прошедшее от путешествия по Турксибу и до сегодняшнего дня эта энтузиастка неожиданно даже для самой себя вдруг превратилась из милого червячка в роскошную бабочку. Да ещё и гены папаши молотобойца, видимо, проснулись. Ну и ясно, что гормональный взрыв и неуёмная богатырская сила породили такую гиперсексуальность, что только держись!

Что только не делала бедняжка, чтобы сбить это мучительство! Бегала часами в тупиках по рельсам. Детей и даже взрослых обнимала, жулькала до синяков и, оторвав от пола, подкидывала к потолку. Целовала чуть ли не в засос всех и всё вплоть до оконных стёкол и тихо плакала в укромных местах.

И так как Цветик по своей дурной привычке имел неосторожность прочитать в её сторону тоже что-то лирическое, то тут-то он и вляпался по-настоящему.

Мы, как могли, смягчали этот катаклизм, но куда нам было против природы!..

После Читы за окном стало голо. Ни кустов, ни деревьев. Одни пригорки до самого горизонта.

Потом появились ёлочные прутики. Это были вековые ели, растущие на вечной мерзлоте.

– Тайга-а! – заморожено сказал кто-то.

– Такая? – удивлённо воскликнул я.

– А какая тебе нужна?

– Ну как в Красноярске или в Кемерово!

– Чего захотел! Теперь такого роскошества не увидишь!..

Но в жизни, если одно уходит, то почти всегда это хоть частично, но компенсируется другим. Нас и в этой поездке иногда загоняли в тупики, чтобы подцепить к другому составу. И тут мы всем нашим дружным взрослым коллективом бежали к местным посёлкам и магазинчикам. И уже после Якутии, перед нами открылся такой продовольственный для того времени “Эрмитаж”, что аж сердце пощимливалось.

Сгущённое молоко и сливки простые и с какао и с чем-то там ещё, колбасы копчённые трёх сортов, маслины греческие в банках и многое, многое подобное, давно исчезнувшее на большой земле, лежало валом и никого не интересовало.

И хотя мы ничего не покупали, чтобы не выделяться, но приятно было даже просто поглазеть на прошлое. А так как около домиков росли кусты с голубикой, то вот на них мы отрывались по полной и рвали и рвали и себе и детям...

Для них эта поездка была сплошным праздником на всю жизнь, а нам надо было этот праздник обеспечивать. Поэтому каждый взрослый старался хоть какую-то крошку неожиданно выпавшей личной радости и свободы проглотить не жуя.

Одна Басовая не могла позволить себе ничего личного. Временами нам даже было её жалко...

Но вот проехали Сковородино и, наконец, Тында – столица Бама.

Нас опять загнали в какой-то тупик и уже местный главный комсомолец начал знакомить со стройкой века. Тут наконец-то мы дали концерт на месте какой-то следующей смычки но уже БАМовской. Юный Робертино Лоретти Казахстана одарил всех парой песен, ансамбль сбавал что-то бодрое и крамольно-роковое, мои гаврики отщёлкали как орехи славу доблестному труду и повезли нас в самый конец какой-то ветки.

Часа четыре или пять ехали. Там трое ребят крутились у сломанного миниатюрного и изящного японского экскаватора. Не из-за корысти, а только по велению каких-то комсомольских и партийных карьеристов они, окружённые полным набором остродефицитной техники, вгрызались в вечную мерзлоту и строили железнодорожную насыпь от “А” до “Я”.

Придавленные лауреатством премий Ленинского комсомола и званиями Героев Социалистического труда эти симпатичные трудяги и вчерашние школьники, увидев нас, побросали свои гаечные ключи и радостно схватились за гитары. Ужасы и невыносимые сложности местного климата отступили, и на фоне вечной мерзлоты и льда повеяло оттепелью.

Через минуты и гости и хозяева хрумкали алма-атинские яблоки и пели хором “От улыбки станет всем светлей!..”

Светлей, конечно, не стало, но на небе очень вовремя заиграли такие яркие и резкие, совершенно космические, краски вечерней надболотной зори, что настроение... Ну, сами понимаете!..

Бам строили не только герои и добровольцы. Поэтому уголовничкам мы тоже до этого подарили ящик яблок. Правда, случайно. Увидели, что кто-то трамбуется грунт вокруг рельсов и радостно остановили автобус и подарили.

Но те слишком мрачно и плотоядно смотрели на наших руководительниц и пионерок и так зверски хрустели апортом, что, поняв, с кем пионерская и комсомольская юность встретила на большой дороге, мы постарались побыстрее смыться.

Кажется, ещё два дня были мы в Тынде. Точно не помню. Но лес, в котором тише чем на кладбище, запомнился навсегда. Ни кузнечика, ни букашки какой-нибудь, ни птички. Нет, – летала сорока, но от её одинокого отчаянного стрекотания в полной тишине становилось ещё жутче. Говорили, что кто-то завёз её на лето, так как кроме строителей и мух при помойках никакая плоть тут не выживала. И было ясно, что если эта стрекотуха не догадается вовремя смыться, то и ей недолго прыгать.

Что ж вы хотите? Морозы здесь зимой под шестьдесят с гаком! Да и вода в речке какого-то угрожающе кроваво-красного цвета. Кто-то из наших хотел искупаться, но его вовремя Басовая оттащила. Радиация! И здесь радиация! Но уже природная... Там, в этих болотах, каких только ископаемых нет! Из-за них-то, в основном, и затеяли тянуть эту дорогу. По тем же болотам... Тут по мху идёшь, собирая голубику, и, кажется, вот-вот провалишься.

Качается земля под ногами!

Плывёт шарик земной!..

Ну и последний аккорд! Пока мы катались, гуляли и глазели, наш кинофотобандит успел не только отснять самые счастливые моменты, но и обнаружил в свободной продаже питьевой спирт. Мы тот час же затарились этим супердефицитом на большой земле, и всю обратную дорогу великий кулинар учил наших дам варить варенье. Он давил в трёхлитровой банке голубику с сахаром, заливал не сильно разбавленным спиртом, размешивал, а потом к дикой радости ребятни поджигал его и гордо говорил, наворачивая эту смесь ложкой:

– Во как надо варить и кушать! Учитесь, малявки!..

Песни звучали, глаза наши горели, детишки готовились к семинарам по книгам первого секретаря коммунистической партии Советского Союза Линида Ильича Брежнего “Малая земля”, “Возрождение” и “Целина”, рисовали стенгазеты, репитировали капустники и всевозможные конкурсы, спецкорреспондент вязала, врач лечила, стукач где-то втихаря строчил доносы – всё шло по плану!

ЧУДЕСА НА ПОЛЧАСА

Уже в поездке у Софы возникла идея использовать меня как автора. Мои сценарии капустников и постановочные вагонные успехи навели её на эту мысль сразу же после первой премьеры.

Надо сказать, что писать я начал не сегодня и не вчера. Лет семнадцать мне было, когда я побежал в Союз писателей со своими с детства накатанными стихами и рассказами.

Там даже не посмотрели в сторону рукописей, а сразу же всунули мне в руки портфель и послали в магазин за пивом и вином.

Потом много раз я присутствовал на собраниях и приёмах в Союз писателей и бесконечных, бесконечных пьянках. Поперезнакомился со всеми и стал замечать, что меня всё время от этих самодовольных рож коробит. А когда досконально изучил нелюбимую не только Булгаковым их гадюшную кухню, где свободой слова и не пахло, а литература и искусство были лишь ширмой для мерзостей, то плюнул и больше никогда там не появлялся. Хотя за заслуги мальчика на побегушках, мне уже хотели дать рекомендации и обеспечить публикации...

Но я отвлекся!

– Слушай, – сказала Софа. – Что если мы с тобой заквазим цикловую постановочную получасовую сказочную передачу. Я уже и название придумала – “Чудеса на полчаса”. Мальчик и девочка будут встречаться с героями сказок, и участвовать вместе с ними в их новых приключениях. И денежку заработаешь, и авторитет свой поднимешь ещё выше.

Ну как тут не согласиться!

Одолжил я у родной тётки Нади старинную пишущую машинку её покойного мудрого и знаменитого мужа-адвоката и зашлёпал двумя пальцами...

А так как запахло бабками, то и моя прекрасная половина тоже стала проявлять творческое участие. Она теперь числилась, благодаря моему авторитету, руководителем драматической студии в Доме пионеров Ленинского района.

Как вам это, а? Из экономистов сразу в педагоги и режиссёры! И хотя два года я пахал и за себя и за неё, а моя драгоценность сидела с сыном за уроками, но потом постепенно и она втянулась и даже закончила московский заочный актёрский факультет в каком-то Армянском переулке.

Как можно обучить актёрскому мастерству заочно – не знаю, но Баба Яга и её антипод Добрая Фея в Новый Год у неё получались экстра-класса. Да и играли дети вполне профессионально, и я иногда даже ревновал к её весьма удачным инсценировкам и постановкам.

Но ближе к “Чудесам”! На передачи, а вернее на телеспектакли Софа приглашала самых известных и талантливых актёров, и играли они на раз. Правда никто текста не учил, и отсебятину эти гении несли такую, что я только за голову хватался. Им-то это была халтурка, а я-то всё выстрадал! Даже какие-то идеи крамольные шифровал и виртуозно всобачивал в детские сценарии. Нет, был один – Народный артист СССР Померанцев, который не отходил от текста, но через три передачи он отказался играть по причине занятости в спектаклях и где-то там ещё.

И не мудрено! Наши тракты (репетиции) и съёмки шли по три-четыре часа, и хотя на телевидении было установлено новейшее компьютерное оборудование, но никто не знал, как им пользоваться. Поэтому кустари и чуть ли не сантехники за дополнительную плату делали молнии, громы и всю остальную волшебную кухню, а полёты и всякие перемещения совершались по старинке – на фоне голубенького задника.

И хотя детишки от переутомления и светового жара иногда падали в обмороки, а я и Софа психовали, но в эфир спектакли выходили точно по графику.

Но если пишущая машинка первое время стучала как бешенная и телесценарии вылетали как воздушные мишени на стрельбище, то постепенно они начали выползать, потом застревать, а через год мы с женой вытаскивали их на редакционный стол, как затонувшие корабли из пучины. Тяжкое это дело – всё время придумывать новые приключения!

Ох, и тяжкое!..

Тем более что параллельно я уже катал сценарии пионерского сатирического театра миниатюр для радио. Там хлопот и возни не было, технически всё было отличного качества, актёры почти не отходили от текста, благо, что он был перед глазами, и платили мне по высшей категории. Вообще через полгода я уже был в картотеке постоянных авторов и, несмотря на то, что к Союзу писателей не имел никакого отношения, платили мне вот так. Надо сказать, что с не членами Союза писателей или журналистов нигде даже не разговаривали, и главная заслуга в моём продвижении была, конечно же, не моя и моей жены, а Софы и её подруги – главного редактора детской редакции радио и телевидения Генриетты Кан (светлая ей память!). Они горели всем новым, и в данном случае пословица “Рука руку моет!” работала во благо!

К сожалению (а может быть и к счастью!) всё имеет своё начало и конец! Хотя в телевизионных титрах крупно и первой выползала моя фамилия и имя, по радио тоже объявляли первым меня, детишки писали письма и всё шло, в общем-то, хорошо, но это до тех пор пока телепостановку с национальным сказочным персонажем Алдаром Косе не отправили на конкурс телевизионных передач для детей в Вильнюс. Там передача получила главный зрительский приз, и мы стали ждать его.

Наконец он приехал и был всунут мне и Софе где-то на одном из пролётов лестницы телестудии. Это была льняная тряпочка с замечательным литовским орнаментом по краям..

И я обиделся!..

Нет, – не на скромность приза и форму награждения!

Я обиделся на то, что режиссёр, которая еле шевелилась, получила, как любовница там кого-то, ещё до прилёта этой тряпочки звание и стала чуть ли не главным режиссёром телевидения. Какие-то другие, не имеющие никакого отношения к передаче лица, но все казахской национальности, щедро были обсыпаны премиями и тоже какими-то званиями, и лишь мы с Софой остались только при этом замечательном литовском рушничке величиной в два носовых платочка.

Вот тут я уже не в первые, но теперь слишком остро ощутил, что кем бы я здесь ни был, но никогда не буду первым. Первыми всегда будут представители коренной национальности и блатные. А я и все остальные будут вторыми, третьими, четвёртыми и так далее.

Вон Брусиловский, – основоположник классической казахской музыки, а где ему памятник?

Или Затаевич!..

Тот по аулам пешкодраил – мелодии казахские записывал, которыми до сих пор аборигены-композиторы кормятся. Что, – конкурсы их именами регулярно устраивают или премиями награждают?

Чёрта с два!..

Беда и идиотизм, но что поделаешь!

Было бы по-другому – было бы это настоящим чудом из чудес!

И я закрыл передачу!

То есть просто перестал писать. И ни один коренной из необъятного количества членов Союза писателей Казахстана не захотел терзаться над сочинением дальнейших новых приключений ни для Алдара Косе, ни тем более для Карлсона...

РАЗВОД

Трагикомедия в двух частях

Часть первая.

БРОНЯ

Ничего хорошего в разводе нет!

Это, если была любовь.

А ещё хуже, если она осталась...

Но я не про свою избранницу. Тут я сразу же всё зацементировал всерьёз и надолго, а теперь, похоже, что и навсегда. Тут я вцепился как клещ!

И правильно сделал!

Такой ангел, как моя безнадежно романтическая благоверная – бальзам для неврастеника!

– Я тебе жизнь испорчу! Делать ничего не буду! Стирать, варить, убирать!.. – слабо защищалась она.

– Согласен! На всё согласен! – так по-рыцарски твёрдо и фанатично парировал я, что куда ей было деваться?

Я же был умный, – я же знал, что только ребёнок родится, так программа материнства работает во всех своих ипостасях. Не может не заработать у такого ангела!

Так вот развод был производственный, и привечали меня конечно в Доме пионеров Калининского района не только за красивые глазки. А я так просто восхищался талантами коллег (в этом коллективе все, за редким исключением, были как на подбор!). Но больше всего меня влюбляла в себя тёплая семейная атмосфера.

Никогда ни до, ни после я такого чуда не встречал, и, понимая всю уникальность ситуации, дорожил этим как Божьим даром. А так как сцены в “домике” не было, то я (напоминаю!) работал при школе.

В системе просвещения оплата шла по часам, а в кружковой работе ещё и по головам. А какие у меня головы, если чаще всего в сатирических сценках заняты раз, два и обчёлся? Если спектакль или капустник какой-нибудь, то бывало и пятнадцать. Но нужно-то было на те деньги, что мне выписывали – сто двадцать, а то и больше (мне ещё и школа доплачивала!). И финансовые проверки по три раза в году!

Как-то пришла одна бухгалтерша, села в актовом зале и говорит:

– Давай, показывай, – за что тебя везде хвалят!

Снял я ребятишек с уроков (у меня среди других привилегий была и такая, тоже совершенно незаконная) и ну спектакль показывать!..

Бухгалтерша хохочет, в ладоши хлопает, браво кричит, а по окончании спектакля начинает считать артистов по головам и сверять наличие с полными мёртвых душ списками в моём фиктивном журнале.

– Вам же понравилось? – спрашиваю я.

– Очень! – говорит она.

– Так в чём дело? Мне платят за результат и за эффект, а не за погонные метры!

– Я всё понимаю, но у меня приказ прищучить вас и некоего Абрамовича, – говорит она.

– КГБ? – догадываюсь я.

Она молчит и головой кивает.

Хороший человек попался!

– Нет проблем! – говорю я. – Выписывайте штраф и мы друзья навек! – А аккордеонист Абрамович уже два года как в Израиле крутится.

Как она обрадовалась – вы себе даже представить не можете.

Ну, хороший человек!

Точно!

Что-то надо было делать! Я работал наскоками и то, что надо было сделать за месяц – делал за одну репетицию. А это не в какие дисциплинарные рамки не влазило. Схватить меня за одно место – раз плюнуть, а тут ещё и КГБ уже второй раз на хвост село. Дней за десять до бухгалтерши бравый майор ходил по всем моим рабочим точкам и брал у директоров на меня

характеристики (директора мне и сообщили!). И хотя здесь тоже повезло, причём с моим, уже тогда покойным, юридическим папой, но потрянуло как следует.

Встретил меня на улице этакий седовласый красивый дяденька и говорит:

– Мы очень уважали твоего тестя (тот двадцать пять лет отрубил в КГБ и незадолго до смерти работал начальником ОБХСС города в звании полковника) и поэтому предупреждаем – в отделе пропаганды на тебя заведено дело. Не читай никому свои записки! Писать – пиши, но в стол. Когда-нибудь это может быть и будет просто забавно, а сегодня семидесятая статья в самом соку. Ты никому неизвестный, так что исчезнешь и всё!..

– Да я... – попытался что-то вякнуть я, но дяденька не дал и слова вымолвить.

– Тогда-то и тогда-то читал на Домопионеровском пикнике главы из романа?

– Да самое безобидное! Про детишек...

– Ну и всё! И не вычисляй того, кто настучал – никогда не догадаешься!

Сказать, что я испугался – ничего не сказать! Я вдруг очень чётко понял, что правда на сегодня – это опять хуже, чем уголовка навсегда. В голове теперь постоянно звучала “Притча о Правде и Лжи” Володи Высоцкого и разгромные статьи про маститых диссидентов.

Я вдруг понял, что навалил на меня Господь Всевышний груз невероятный. И до самого отъезда в Израиль падал я с сердцебиением при одном только виде милицейских машин и мотоциклов, въезжающих во двор моего дома. И хотя знал, что КГБисты ходят в штатском и этот транспорт – к прокурорам, которых в доме жило аж трое, но подсознание срабатывало помимо мозгов.

И я пошёл в Районо к заведующей.

– Надежда Акимовна, – сказал я. – Совсем замучили эти КРУ со своим идиотским подсчитыванием по головам. Да ещё и КГБисты преследовать начали за творческое свободомыслие. Если бы я был “отличником просвещения Казахстана”, то может быть поменьше бы лезли?

– А ты разве ещё не отличник? – лукаво удивилась бывшая директриса школы, при которой и у которой совсем недавно я работал, и которая теперь ещё и была председателем городской наградной комиссии.

– Фактически – да, а бюрократически – нет!

– Вот тебе наградной лист – пиши на себя характеристику!

С директорами школ и учреждениями детского творчества у меня были договорные и по результату очень тёплые отношения. Я своим “чуть-чуть!” очень весомо дополнял им имидж руководителей перед партийными функционерами, и коридорный ропот завучей, закрывающих ведомости на оплату, разбивался о скалу высших политических интересов.

Накатал я невероятную характеристику, в которой указал что я и такой и сякой, и автор радио и телепостановок и чуть ли не святой Онуфрий и понёс подписывать к тогдашнему директору и председателю месткома Дома пионеров, а по совместительству хроническому любителю сильно выпить.

– Ну, вы, евреи, даёте! – начал Колька Дураков (такая у него была фамилия, и он принципиально и гордо не хотел её менять). – Даже у меня ещё нет такого звания. А уж у работающих как волы методистов – тем более! Гони, жидяра, поллитру!

Я тут же принёс литр водки, и подпись была поставлена. Уже вручала мне значок и удостоверение другой директор. Незадолго до этого труп изувеченного до неузнаваемости бедняги Кольки нашли на близлежащей от Дома пионеров помойке. Поговаривают, что бомжи-собутельники замочили. Мол, слишком горячо он им доказывал какой он аристократ и какие они ничтожества...

– Надежда Акимовна, – обратился я месяца через три. – Хорошо бы было закрепить броню! Что-то вроде ордена “Трудового красного знамени” не помешало бы!

“Екатерина третья” (так за глаза все звали Надежду Акимовну за её волевой и решительный характер) только рассмеялась. Она поняла, что я вошёл в азарт игры.

Дело в том, что всё двигалось к развалу СССР и все его символы уже практически обесценились, а ордена давно превратились, в основном, в раздаваемую по блату бижутерию. Но это понимали далеко не все, и по инерции авторитет орденосца срабатывал.

“Екатерина третья” не только понимала ситуацию, но и знала её изнутри!

– Можно и орден, но сначала надо иметь значок “Отличник просвещения СССР”, потом орден “Знак почёта”, а уж потом и орден “Трудового красного знамени”! – сказала она, вытирая слёзы.

– Давайте – “СССР”!

– Мало времени прошло с предыдущего награждения! Надо хотя бы полгода...

– Бросьте, Надежда Акимовна! Мы же прекрасно понимаем друг друга! Давайте попробуем!

– Артист! – опять рассмеялась “Екатерина третья” и протянула мне наградной лист на “Отличника просвещения СССР”.

Придумать характеристику более восхитительную, чем предыдущую, было невозможно и, заполнив бумажку, я побежал ставить подпись председателя месткома.

Часть вторая

Карма

Головокружение от успехов чревато потерей ориентации. Я-то продолжал всех любить, а меня за мою прыть уже почти ненавидели.

– Чего это он там шепчет тебе? – раздалось из зала Республиканского Дворца детского творчества, где шёл прогон программы королевы детской хореографии – Лины Алексеевны Усковой и хоровой и вокальной программы такого же гения – Валерии Березиной.

Новый председатель месткома – девочка лет двадцати и протянула мой листочек.

– Чего-о? – ахнуло в пустом зале и я протрезвел.

Я сразу понял что “Отличник просвещения СССР” и уж тем более орден “Трудового красного знамени” накрылись медным тазом.

Стрелочник перевёл стрелку!

Потом, было заседание месткома, голосование и, конечно же, ожидаемый результат.

– Но, это же лично мне награда, а не на коллектив! Это же не только из-за личных симпатий! Если бы на коллектив, – я бы и не подумал претендовать! Я же понимаю, что есть более достойные!.. – пытался я обратиться к чисто человеческому, и с ужасом слушал уже звучащую в моей голове песню: “Прошла любовь, прошла любовь! Звонят по ней колокола!..”.

На другой день я уволился, и “Екатерина третья” сразу же вызвала меня. Видимо она восприняла случившееся как очередной плевков и вызов в её сторону.

– Что это там за гадюшник? – начала она сразу же. – Развели сопливую демократию и думают, что на них нет управы? Что это там позволяет себе эта литераторша (снова новый директор Дома пионеров)? Отдельное государство образовали!.. Разгоню их подчистую! Сейчас прямо и начну!

– Не надо, Надежда Акимовна, – робко вставил я.

– Что-о? Почему? – очень удивилась она.

– Потому что хорошо работают. Характеры не сахарные, но специалисты высшего класса! Талантливые! А Бог талантами не сорит! Вот вы тоже очень талантливая, но тоже не всегда сахар.

– Это правда, – рассмеялась она. – Ну, ты и артист! И раньше стоял за них горой, и теперь защищаешь...

Дело в том, что “Екатерина третья” давно точила зуб на этот опасный (видимо в противостоянии её авторитету) по сплочённости и успешности коллектив. А так как я был там чем-то вроде “засланца”, то мне и приходилось постоянно сдерживать своим мнением её административные цунами. Может быть, именно благодаря мне, так и не возникла тогда всеразрушающая склака и по сегодняшний день это самый талантливый и продуктивный в городе коллектив.

То, что от меня зависело, я сделал, но мог ли я предположить, что от моей слишком сильной обиды на вчерашних коллег (чуть ли не месяц я пребывал в депрессии) включится потусторонняя механика. А так как в других сферах понятия меры, видимо, не соответствуют нашим земным, то всех, кто особенно сильно возмущался, клеймил меня позором и голосовал против награждения, постигли в течении нескольких месяцев несчастья. И когда даже смерть начала косить кого-то и их родственников, я обратился прямо к небесам и их администрации:

– Что это такое? – возмутился я мысленно. – Я разве просил о воздаянии? Они же дети! С детьми работают – детской наивной верой в справедливый мир и живут! Прекратите! Немедленно!!!

И волна спала, и я возблагодарил Господа за это!

ПЕРЕСТРОЙКА

С глаз долой - из сердца вон!

Это как закон Ньютона! Работает всегда и везде! Какую бы вы эмоцию не накачивали в воспоминаниях, а раз не рядом, то по-настоящему не ощутимо.

Я про то, что если родственники умирают где-то там... то это одно, но если вы за ними ухаживали, ночи не спали и вползали бессильные, чтобы хоть как-то облегчить их страдания, то это совсем другое. Тут родственник становится вашей частью, а что может быть дороже для вас, чем вы сами?

Это кстати относится и к любимым животным и даже к предметам – ко всему, в чём или в ком часть вашей души и усилий.

Конечно, все (и я в том числе) стараются как можно шустрей уйти от неприятностей и жизнь свою сделать максимально комфортной, но хорошо ли это всегда по итоговому результату? С каждым годом я всё больше и больше убеждаюсь, что моя молитва “Благодарю тебя господи за трудности, которые я в силах преодолеть!” в конце концов, слаще любых пряников и благ.

Так вот нет у меня тоски по безвременно (мне тогда было шесть месяцев) ушедшей в мир иной мамы, а вот отец всё время рядом, несмотря на то, что уже тридцать с гаком лет как его физически не стало.

Он больше не женился (хотя женщины какие-то появлялись, время от времени) и впоследствии уже я не мог от него отойти из-за его болезней, требующих каждодневного ухода и медицинских процедур.

И хотя его агония продолжалась годы, и можно было привыкнуть к исходу, но сама смерть оказалась таким ударом, что где-то пятнадцать, или больше, лет каждую ночь мне снился мой любимый папочка, то располосованный в лужах крови, то ещё более жутко и трудно умирающий.

Безусловно, это было слишком, потому что я сам в итоге чуть копыта не отбросил, но именно благодаря этому родилась книга “Байки о вкусной и здоровой жизни”. Я думаю, что каторжная работа над ней уже в течение тех же тридцати трёх лет и спасла меня.

Конечно, можно было бы за это время и тридцать три жвачные книжки накатать, но, в последствии, сгорел бы я от стыда за использование в этом эксклюзивном случае Божьей искры для животной потребности и пустой развлекаловки. Мной (или не мной!) была поставлена задача написать только одну книгу, где были бы ответы на все мои (или не мои!) вопросы, и я сделал это! Сделал, чёрт побери! И хотя это был суший творческий и технический кошмар (чего почти никому не желаю, так как нервное напряжение и истощение слишком губительны!), но один стресс спустил на тормозах второй.

Так что ещё раз благодарю тебя Господи за трудности, которые я в силах преодолеть!

И поскольку мотив для написания был не коммерческий и тщеславный, то, как я ни старался облегчить материал и сделать его как можно более доступным для понимания и усвоения, но всё равно получилось что-то вроде набора лекций. А часто ли вы что-то подобное листаете? Вот и эти строчки смахивают на что-то похожее. Поэтому буду продолжать облегчать, чтобы был бы хоть какой-то шанс для снисхождения или воспарения к вашему опыту.

Как-то в самый разгар перестройки и полного государственного отчуждения от чаяний и воплей народа спускается со своего четвёртого этажа на мой второй член Союза писателей Поведёнок Надежда Григорьевна.

– Понимаете, какая штука, – как всегда делится она с нами. – Я как-то написала рассказ про цирковую артистку – родную тётушку знаменитого скульптора и художника Михаила Шемякина. Она ходила по проволоке и в недобрый час сверзилась с неё. Сейчас у неё рак печени в последней стадии и помощи никакой и неоткуда. Шемякин вроде какие-то доллары высылал, но так как они по дороге куда-то пропадали, то, видимо, плюнул. А живёт она с сыном, который пьёт непробудно и всё ценное из дома уже вынес. Теперь она лежит и вот уже лето, а ни фруктов, ни овощей – ничего. Одни боли и живот как воздушный шар. Я бегаю к ней и что могу, принесу, как могу, ухаживаю, но какие мои финансовые возможности! Из-за этого бардака в стране собственную квартиру еле-еле оплачиваю.

– Батюшки светы! – восклицаю я. – Да вы тот Божественный толчок, который породит ещё одну вселенную! Завтра мы с сыном выйдем на улицу, и так как моя семья состоит из четырёх человек, то пятую часть от заработка будем отдавать вам. А вы уже на эти деньги купите ей всё, что посчитаете нужным. Мы тоже в тяжелейшем финансовом положении, но на панель

мне выйти стыдно. Полгорода меня знает! Но если не только для себя, то это уже легче. Где кончаются деньги, начинается паника, но где начинаются деньги, кончается Бог, и вся ответственность ложится на нас! Сынок, вытаскивай свои дудки, я гитару и репетируем!..

Сказал я это браво и твёрдо, но на практике после первой уличной премьеры у меня был такой стресс, что я два дня отходил. Тем более что знакомых тьма мимо прошло, а никакого сочувствия и понимания. Какие-то очень неприятные усмешки и весёлые перемигивания.

Один только Вовка Иванов три рубля бросил. Он в своё время и моего отца умершего помог мне снять с кровати для обмывания и когда работал в ЦК, что-то из пайков с барского стола его жена пару раз дарила. Да и сейчас работа в мэрии в качестве старшего инспектора по делам религий даром не прошла. Что-то человеческое ещё не совсем пропало...

Теперь деньги появились и Поведёнок заметно оживилась. Фрукты овощи, мясо и всё прочее появились на столе её подшефной. Где-то через пару месяцев та позвонила нам и, плача, рассыпалась в благодарностях, на что я сказал, что это мы должны благодарить её. Если бы не она, то кто знает, до какого уровня нищеты мы бы дошли. То там, то сям появлялась информация о покончивших с собой от безденежья пенсионерах и одиноких матерях.

Поэтому я до уличной стационарной панели с отчаяния просто хватал гитару, садился на велосипед и ехал, куда глаза глядят, выискивая места, где можно было бы навязать кушающим и пьющим по ресторанам на открытом воздухе моё пение за скромную подачку. Тоже своего рода панель, но адресная.

В такие ситуации попадал, что только держись!

Как-то целый час был около нескольких сдвинутых столов в одном из ресторанчиков на Кок-Тюбе (это горка в Алма-Ате с телебашней).

– Мы будем к машинам идти, а ты иди за нами и продолжай петь! – наконец сказал очередной главный бандит и сунул очередную купюру мне в карман.

Бандитов было много, но мне хватило бы и четверти порции от одного. Эти качки, похоже, всё свободное время в спортзалах проводили. Поэтому я завыл ещё громче что-то вроде “Таганки” и двинул за гогочущей компанией к четырём огромным джипам.

– Мест свободных нет, поэтому полезай в багажник! Будешь нам петь дальше! – скомандовал главарь и, помахав стодолларовой пачкой, больно стиснул мой локоть.

– Что вы, мужики? Мы же так не договаривались! – заголосил я почти фальцетом, но если бы не люди вокруг, то не знаю, чем бы всё закончилось.

Это же ясно – используют и выбросят! Хорошо ещё, если живого. Видел я на этой горке, как подобные братки напивались и пуляли из стволов в кого попало и куда попало. Официанты рассказывали, что одного музыканта в ресторане на “Медео” на днях намертво завалили пулей в лоб за то, что он отказался играть “Семь-сорок”...

В этот же вечер четверо разноплемённых гавриков подозвали меня, и один из них ткнул пальцем, чуть ли не в глаз:

– Жид?

– Нет! ЧЕЛОВЕК! – нашёлся я.

– А-а... – озадаченно протянул гаврик. – Ну, тогда пой “Русское поле”!

– Поле! Русское по-о-оле! – по-кобзоновски (это уже знакомый вам монументальный певец чисто еврейского происхождения) завёл я, и гаврик удовлетворённо откинулся на спинку кресла.

Но на этом удовольствия не закончились. Когда я в полной темноте уже за полночь летел с этого хлебного места домой (с освещением дорог в это “счастливое” время тоже были проблемы), то прямо за мостиком через речушку на меня напали какие-то тоже обездоленные периферийные аборигены. Они, видимо, как и я охотились, но уже на большой дороге и совершенно не интеллектуально. Потом я узнал, что под этим мостиком и в прилегающих яблонево-садах периодически находили трупы...

Спасибо велосипеду и инерции, а то бы не писал я сегодня про их, не состоявшийся очередной “подвиг” ради куска хлеба, стаканчика вина и косячка дури.

На другой день я решил не ехать в ночное, а попробовать заработать хоть что-то в дневное время. Слишком сильную порцию стресса получил я накануне. Прицепил я к спине гитару сел на своего спасителя и закрутил педали по той же дороженьке, но выше.

Думал до Медео добраться, но застрял на подступах к нему около ресторана “Юрты”. Прошёл по территории – никого. И только хотел двигать дальше, как из маленькой юрты выглянул бравый молодец и приглашающее поманил меня пальцем.

– Поёшь? – спросил он, когда я подошёл.

– Ещё как! – отвечаю.

– Ну, спой что-нибудь! – говорит бравый молодец и суёт в мой кармашек на рубашке очень приличную купюру.

Я и заголосил тут же.

Пою этак радостно...

Благодарно посматриваю на благодетеля и вдруг замечаю, что из-под задравшейся от удовольствия штанины кобура с пистолетом показалась.

Я до этого никогда не видел привязанных к щиколотке пистолетов, поэтому аж захрипел с перепугу.

– Пой, пой, соловушко! У тебя это действительно неплохо получается! Сейчас друзья придут – будешь им спивати! Тюремные песни знаешь?

– Ну, кое-что... “Гоп-стоп” например... Та же “Таганка”... “Мурка”... – говорю заикаясь, а сам безнадежно на выход из юрты посматриваю и думаю: – Народу-то – никого! Попался колобок!..

И тут джипы на территорию врываются!

Один, второй, третий, четвёртый, пятый...

Дальше я не считал. Мне что-то дурновато стало. А молодец только ухмыльнулся и, поправив штанину, повёл меня на заклание.

В огромной банкетной юрте уже всё было приготовлено. По кругу стояли длинные столы, а за ними сидели приехавшие и распределённые по областям. Во время банкета по знаку маленького чернявенького человечка кто-то из-за стола поднимался и объявлял:

– Боевики Семипалатинской области поздравляют всех с удачно проведённой в Чуйской долине операцией: “Мак”! Ура-а!

– Ура-а! – ревели все и юрта колыхалась.

Так отчитались Кустанайская, Джамбульская, Карагандинская... Да все области Казахстана! И я понял, что перспектива у меня нулевая. Наркоторговцы посторонних свидетелей в живых не оставляют!

Но что делать? Не показывать же, как у меня все поджилки трясутся. Ещё быстрее прикончат...

И я сжался в комок и как ни в чём не бывало солнечно так и проникновенно запел: “Призрачно всё в этом мире бушующем!..”.

Чернявенькому понравилось и он что-то шепнул холую, стоявшему около него в полупоклоне. Тот тут же подбежал ко мне и заказал такую дремучую тюремную песню, что чтобы её знать надо отсидеть как минимум лет десять.

– Пой, падла! – ткнул меня в бок кулаком холуй.

– Не знаю, браток! – проблеял я, и холуй очень удивился.

– Как это?

– Так. Не знаю и всё!

– Ты что, с ума сошёл? Генерал заказывает! Да я тебя после банкета...

Но я уже бочком-бочком и всё быстрее двигался к генералу.

Озарение захлестнуло меня волной радости и счастья:

– Это же не бандиты! Это мильтоны!..

Генерал (натуральный, хоть и без погон и как все в штатском) тоже меня понял. Он заказал песню на мой выбор и, видя, что холуй сильно на меня осерчал (тот оказался капитаном), проследил, чтобы я после банкета спокойно уехал. Мне даже не пришлось говорить, что я являюсь зятем покойного бывшего начальника ОБХСС города – то есть почти что и ему родня...

РЕСТОРАН

Дело двигалось к осени и погода начала портиться. Поэтому играть на улице становилось всё более и более проблематично. В предпоследний раз на деньги, заработанные на панели, нашей подшефной сделали пункцию и видимо откачали слишком много жидкости, так как на другой день вся сумма пошла на цветы и остальной похоронный реквизит. И по всем классическим законам мистики это оказался наш последний выход. Больше мы в Алма-Ате на улицах не играли. По одной, внешне очень простой, причине – дождь пошёл!

И тут сынок говорит, что появилась возможность поработать в ресторане, но нужна скрипка.

– Об чём речь! – говорю я. – Вот я – Паганини!

До чего только не доведёт отчаяние! Я ведь на скрипке только мелодию мог выпилить. В остальном, напрягая все свои прошлые композиторские задатки, я импровизировал в тональности, имитируя что-то отдалённо напоминавшее виртуозность и вариации вокруг да около. Ну и вибрато, конечно, было отменное! Скрипка так и пела, и это ещё более вводило клиентов в заблуждение. Да, впрочем, после второй рюмки заблудить их и не представляло большого труда.

Взяли мы Дулата (он играл на клавишах и пел казахские песни) и сели втроём в маленький ресторанчик где-то на десять столиков.

Не знаю как в других ресторанах, но я сразу заподозрил, что этот какой-то особенный. Что-то вроде послеперестроечной конспиративной квартиры для номенклатуры. Для тех, кто ещё пока не хотел особенно светиться, а погулять был очень даже не прочь.

Кроме бандитов всех мастей, которых и в других ресторанах было тьма тьмушая, сюда регулярно шастали прокуроры в полной парадной форме, какие-то пузатые и очень ответственные бюрократы, егеря в генеральских погонах, и главный любитель порезвиться – главарь местного отделения милиции с неизменно сопровождающими его обэхеесником и заведующим уголовным отделом.

Эти два холуя со злыми и очень нечестными глазами наперегонки услуживали своему пахану и иногда кидали нам явно кровавые и криминальные доллары за любимые песни шефа.

Похоже, что этого добра у них было валом!

Пьянки проходили чуть ли не каждый день, и через неделю мы уже знали чё почём и дружно пели в конце шабаша вместе с ними его любимую: “Любо братцы, любо, любо братцы жить! С нашим атаманом не приходится тужить!..”.

Даже космонавты пару раз забегали что-то своё космическое отпраздновать и их сопровождающие тоже нам что-то всовывали за “Заправлены в планшеты космические карты!” и всё подобное.

Но я ни разу не замечал, чтобы эта братия за что-то платила хозяину и официантам. Только чаевые перепали нам. Да мы и работали только за чаевые! Где хозяин деньги брал на содержание ресторана, какая у него была прибыль – тайна за семью печатями!

Но это – свои!

А если сюда забредали случайные парочки с улицы, то песни пелись совсем другие.

Не нами, не нами!

Мы как осуществляли “святую к музыке любовь!”, так и продолжали. Это хозяин сам вместе с официантами особенно рьяно обслуживал пришлых и рассыпался перед ними мелким бисером.

Пришельцы млели, расслаблялись и, забывая, что на дворе девяностые, теряли бдительность. Да и откуда им было знать, что это за мышеловка!

Иногда всё обходилось, но если дама обращала на себя внимание хозяина, бывшего ещё в недалёком прошлом каким-то крупным, то ли партийным, то ли торговым функционером, то начиналось...

– Вызывай наряд! – говорил хозяин официанту и тот набирал нужный телефонный номер.

Пять минут – и прибывшие битюги с тупыми рылами и новенькими автоматами забирали кавалера на предмет проверки личности и документов и даже если документы были в порядке, увозили на свою милицейскую хату. И не дай бог, кто-нибудь начинал сопротивляться. Тогда просто заламывали руки и уволакивали... может быть и навсегда! Но так, чтобы дама ничего не заподозрила и не заметила.

Как только клиента выносили, так тут же другой официант запирает входную дверь ресторана на ключ, и хозяин подсаживался к даме, а мы драпали через чёрный ход, чтобы не быть свидетелями безобразнейших сцен насилия.

Вначале всё обычно шло культурно и по-джентльменски. Даме как бы скрашивали временное одиночество, а потом приглашали посмотреть охотничьи трофеи в специально оборудованной комнате в подвале. А дальше...

Сами догадывайтесь!

Что бы вы не представили – не промахнётесь!..

И если криминально-самцовые песни хозяина звучали и звучали, и, может быть, звучат и по сегодняшней день, то у нас всё закончилось довольно быстро. Как говорится – “Недолго музыка играла, недолго фраер танцевал!”.

– Эй ты, иди сюда! – опасно скрипя креслицем, позвал меня как-то огромный борец-тяжеловес.

Ему было лет девятнадцать, но выглядел он благодаря своей гигантской фактуре на все двадцать пять. Раздутый анаболиками до невозможности, он сидел в окружении приехавших с далёкой родной периферии худосочных земляков, и хотя они и так восторженно заглядывали ему в рот, но это ему показалось мало. Рекитёр решил на практике показать им, какая он важная и всевластная птица в столице.

– Говорите что надо! – как обычно отозвался я.

– Ты что, обкурился? Сюда иди – к ноге! Будешь моим корешам песни петь у столика!

– А вежливее нельзя?

– Перегрелся, точно! Ещё вякнешь, – я твою скрипоцию одной рукой в труху разотру!

Кровь бросилась мне в голову. Тем более что этот пацан был шестёркой в банде крышевавших вместе с милицией этот район бывших спортсменов. На днях они делали в нашем рестораничке слёт активистов и тоже со всего Казахстана.

Удивительно, но всё это уголовное торжество проходило точно по такому же сценарию, как и слёт главных участников операции “Мак”. Тем более что сынка и Дулата как лишних свидетелей отправили домой, а меня, видимо по старости не вызывавшего опасений, посадили с гитарой у микрофона.

Все расселись по областям и отчитывались и поздравляли друг друга с какой-то победой и, видимо, немалой контрибуцией. Их “генерал”, как и тот предыдущий, был очень доволен мной и моим репертуаром и жал мне руку и говорил, что если что, то он за меня горой. Вот, видимо, поэтому я и позволил своему терпению лопнуть.

– Сворачиваем лавочку! – приказал я, и мы убрали инструменты в футляры и вышли на кухню.

– Ну, сейчас начнётся!.. – испуганно пискнул официант и смылся от греха подальше.

И тут же в кухню ввалился двухметровый тяжеловес.

– Ты что, совсем охерел? – начал он и взметнул над моей головой свой пудовый кулак.

И хотя я стоял полумёртвый, но виду, как всегда, не подал.

– Ему же нужны песни и пляски, а не мой проломленный череп! – мелькало в голове.

И я очень смело и возбуждённо стал проводить воспитательную работу на тему уважения к старшим. Мол, у казахов, как и у кавказцев (а я родился на Кавказе – в Гаграх!) это в крови, и, мол, завтра он тоже будет в возрасте, и каково ему будет, если к нему обратятся в такой унижительной форме...

В общем, к его и всех служащих ресторана изумлению, я пошёл в атаку.

И это сработало!

Бандит вдруг опустил кулак и очень хитро улыбнулся.

– Извини, аксакал! – совсем уже дружелюбно прогудел он и осторожно похлопал меня по плечу.

И мы играли ему и его друзьям весь вечер и вели бандиты себя вполне прилично.

Очень довольные друг другом мы расстались, и на другой день такие же радостные явились – не запылились. Оказалось, лишь за тем, чтобы забрать инструменты... На нашем месте гремело и пело уже другое трио.

Я тут же вспомнил восточную коварную улыбку бандита и только присвистнул.

Официанты и хозяин стали уговаривать меня позвонить “генералу” и вернуться, но я подумал и отказался. Может быть, всё бы обошлось, и хвост битюгу накрутили бы, но где гарантия, что он или кто-нибудь другой не огреют меня кирпичом где-нибудь в тёмном переулке или подъезде? Просто так – с досады! Деньги на первое время у нас были, оформление документов на выезд в Израиль заканчивалось, покупатель на квартирку нашёлся... В общем, я решил не ждать следующего удара судьбы, а перевернул жизненную страничку сам.

И правильно сделал!

ЛЕТАЮЩИЕ ЙОГИ

Эмиграция, репатриация и любое перемещение по глобусу или куда подальше на новое постоянное место жительства всегда дело очень нервное. Особенно, если тебя никто нигде не ждёт и особой любви к тебе не испытывает.

Некоторые от стресса и неустроенности здесь, в этом измерении, даже дуба дают.

Как-то забежал я уже в Израиле с продажей картин в одну квартиру, а там два стула, стол и больше ничего. И сидит за столом бабушка с четырнадцатилетней внучкой и говорит мне:

– Пособий только на оплату съёма квартиры хватает. Наш папочка на какой-то стройке с утра до ночи вкалывал и работу по специальности так и не нашёл. Тут у этого стола и упал за смертью. Говорят – инфаркт. А до этого и мамочка от расстройства и рака умерла. Когда заманивали, то обещали и крышу бесплатную и любовь государственную, а оказалось – шиш! Но ничего! Мы вчера билет лотерейный купили. Через два дня выиграем, и продукты купим разные, и квартиру, и всё остальное...

Меня как молотком по голове ударили. Я им даже одну дорогую картину оставил. Чтобы что-нибудь выручили за неё, если вдруг не выиграют...

Мда-а...

Видел я и пожилых мужчину и женщину. Чернобыльцев! Около них сидела социальная работница и шёпотом объясняла мне:

– Облучённые! Умирают! Как в сказке – вместе и в одно время!..

Старички сидели, обнявшись на постели и, мелко трясясь от слабости, дрожащими тоненькими голосочками пели:

– Широка страна моя родная-я-я...

Жуть!

Но это было потом, а сейчас я искал – где бы здоровье укрепить для катапультирования. Потому что хроническое нервное истощение не отпускало и временами так било, что только держись!

Искал я, искал и нашёл!

Нет, не конфессию или секту какую-нибудь (их расцвело после перестройки тьма тьмушая!), а курс “Летающие йогИ”.

Конечно, называлось официально это мероприятие более скромно, но тоже не совсем пресно – Алма-атинское СУПЕР СИЯНИЕ курс ТМ (трансцендентальной медитации) – СИДХИ.

Познакомился я с руководителями: папа – гравёр с центрального кладбища и дочка – студентка четвёртого курса мединститута. Вижу, никакой религией тут пока не пахнет (я не против религий – я против любого ограничения свободы личности!).

Хорошие, добрые, здоровые во всех отношениях люди оказались. Около них просто находиться было полезно и приятно. Там в параллельной группе была другая руководительница, – сплошной комок натянутых до предела нервов и безапелляционной давящей воли. Её как увидишь, так сразу бежать хочется, куда глаза глядят. Вскоре она бросила учительствовать, потому что все её питомцы разбежались.

Ещё раз подтвердилась аксиома – неважно какое дело – важно какие люди!

Да и как было не любить этот семейный йоговский подряд, если они сразу же заявили:

– Хоть в чёрта верьте! Для дела это не помеха. Мы просто оздоравливаем. Да и проводим занятия в мединституте и по разрешению здравоохранения, что подтверждает нашу задачу.

Как вам это, а? К тому же и взяли в дальнейшем за основной курс наши руководящие йоги какую-то мизерную сумму. И то не в свой карман, а на аренду помещения и оплату приезда индусов-гуру прямо из их страны чудес.

А время-то было лихое! Не только религий, но и пирамид финансовых как грибов после дождичка повылезло. Насколько я осторожный и то долларов четыреста потерял. Больно заманчиво трещало сарафанное радио: “Кто не рискует, тот не пьёт шампанское!”. К тому же и оформлялись эти жульнические конторы очень непривычно ярко и солидно. С компьютерами, с красотками операторами, с милиционерами у входа...

Но сейчас не об этом речь.

Прошёл я предварительный курс (вместе с сыном) – вижу дело хорошее. Нервы как маслом смазываются. Тут же заташил на это мероприятие жену и дочь.

Они вроде как побаловались-побаловались и смылись. Видимо думали, что как только придут, так сразу же и запорхают как бабочки.

Но мы с сыном запали на это дело всерьёз.

Вернее, запал я, а сын сказал, что без труда не вытащишь рыбку из пруда и присоединился. Тем более что летать, – оно конечно дело заманчивое, но здоровье всё-таки важнее, а для кормильцев – просто необходимое.

Ждали месяца три. Оказывается, индусы могли приехать, а могли и не приехать. По ажиотажу, с которым их ждали, я понял, что они вообще чуть ли не первый раз собираются навестить славный город Алма-Ату.

Но, слава Богу – приехали!

Муж и жена.

Муж для мужской половины, а жена для женской. Так был поделён простынями на верёвке спортивный зал какой-то школы в каком-то микрорайоне.

Каждому был выдан матрац, и начали мы, сидя в позе “лотоса” (ноги калачиком), медитировать под их руководством. То есть сидеть с закрытыми глазами расслабленно без движения и не думать ни о чём. С восьми утра до восьми вечера. Вместе с шефом! В коллективном медитировании, сказал он, вырабатывается особо сильная и полезная энергетика.

Но вот его дочка не медитировала. Хотя, явно, тоже очень хотела. Она даже оделась во всё индусское, но была за переводчика. Индусы-то по-русски ни гугу! Только на английском чирикали.

И если вы думаете, что день тянулся и тянулся, то это не так. Удивительно, но двенадцать часов пролетали как час.

Да-а... Так вот где-то через неделю началось...

Сначала взмыл наш руководитель. Выкрикнув что-то нечленораздельное, он прямо в позе “лотоса” перемахнул через два матраца на мой и засопел так угрожающе, что моя медитация тут же и закончилась. Вылупив глаза, я напрягся и приготовился к следующему сюрпризу.

Шарах!

Подпрыгнув где-то на метр в высоту и далеко в сторону, этот добродушнейший в быту стокилограммовый кузнечик сбил простыню и плюхнулся на женскую половину.

Раздался очень закономерный, возбуждающий аппетит, визг, и что там было, я уже не видел, но через минуту он, очень довольный, пешкодралом вернулся на свой матрац в сопровождении индусов.

Я сразу закрыл глаза, но не совсем. Какое там расслабление, если на женской половине начались такие вскрикивания и прыжки, что только держись! Видимо не зря шеф побывал там. Да и у нас некоторые начали подёргиваться, а потом и тяжело, но с каждым разом всё шустрее подпрыгивать. Правда, с женщинами эти жалкие подобию полётов нельзя было даже сравнить. Что они там вытворяли и как вскрикивали – не подаётся никакому описанию. Конечно, далеко не все, но и того, что было, было достаточно, чтобы не дать остальным усомниться в верности курса.

Та, что сидела около меня (а я сидел прямо у простынной загородки) вскрикивала особенно сильно и эротично и взлетала тоже не меньше чем на метр вверх. И билась о матрац с жуткой силой, а я распахивал глаза как ворота...

В перерыве ко мне подошёл мужик в очках.

– Я кандидат наук. Химик! – сказал он. - Страдаю неврозом, а не только не подпрыгиваю, а даже отключится не могу. Как вы-то?

– Как-как! Так же! Надо идиотами стать, но не получается!

– Вот! Точно! – обрадовался химик и стал нам с сыном вроде как товарищем по несчастью.

Однако с каждым днём всё больше и больше людей стали сначала подёргиваться, а потом и подпрыгивать.

Ещё через несколько дней и сынок присоединился.

Только мы с химиком – никак!

Даже когда привели для затравки и более сильной стимуляции населения вылитого Вия – огромного накачанного мужика из прошлых курсов, нам и это было по барабану и даже наоборот. Эта гора мяса сидела на самом далёком от меня матрасе и входила в раж с полуслова индуса. Он, когда подпрыгивал, то так орал и “стрелял”... что у меня лоб испариной покрывался.

– Если этот амбал сиганёт на мой матрас, мне – крышка! Второй инфаркт обеспечен! – жаловался химик.

Он сидел около Вия, и я ему очень даже сочувствовал.

Но не всё так мрачно оказалось.

Для меня!

Где-то в конце последней недели, когда слишком сильно надоело стараться не стараться, я закрыл глаза и увидел ангела – бесполоую голую задницу с крылышками. Видение было такое чёткое и безнадёжное, что я наконец-то от души плюнул на это дело.

И тут вдруг всё тело мелко так завибрировало каждой клеточкой и стало лёгким как пушинка.

Ещё секунда и...

Нет, не воспарил я!

Слишком испугался и пришёл в себя!

Очень уж необычное видение и ощущение!

– Ты знаешь, левитация, наверное, не выдумка, – сказал я химику. – Эти их прыжки – ерунда по сравнению с тем, что почувствовал я. Ещё чуть-чуть и я бы просто плавно поднялся от пола и завис.

- Серьёзно? – не поверил страдалец.
- Клянусь памятью мамы и папы!
- Вот чёрт! А у меня нет даже намёка...

Так мы и расстались...

И хотя я больше никогда не испытывал того предполётного кайфа, но произвольные дрыжики и жуткие подпрыгивания тело освоило, и здоровье заметно улучшилось.

Перед отлётом в Израиль я особенно упорно и мощно ёрзал в набитом багажом чулане, чем сильно напугал случайно заглянувшего среди провожающих нас друзей бескорыстнейшего и добрейшего Пак Сан Вона (Санвончика!).

- Что с ним? – бросился он к жене.

– Йог! Энергию накачивает! Для полёта! – успокоила его моя красавица и, радостно улыбаясь, продолжила накрывать прощальный стол.

Письма в будущее или “Любимец Израиля”

Письмо первое

ГАБИТУС

Я понимаю, жизнь прожить – это не пустячок какой-нибудь, но вы посмотрите на эту рожу! У него как будто бы всё время пердун под носом сидит. И он уверяет, что это типичный классический еврейский габитус. То есть – внешний вид!

– Что у тебя в доме есть самое тяжёлое, чтобы сразу убить? Чтоб ты не мучился! – говорю я ему.

- Жизнь тяжёлая... – немного оживает он и сразу же возвращается к своему габитусу.

– Я понимаю, денег у тебя впритык, концы с концами еле-еле сводишь, но как у меня денег нет, так чтоб у тебя так никогда не было! И ничего! Улыбаюсь!

- У тебя габитус нееврейский.

- У меня? Да ты на мой профиль взгляни! Паспорта не надо!

– Всё равно. Ты – полукровка.

– Ну, ладно. Пусть! Но всё же я тебя не понимаю. У тебя что-нибудь болит?

– Нет.

– Крыша над головой есть?

– Да.

– Ты голодный?

– Нет.

– Срам прикрыть есть чем?

– Да.

– Что ж у тебя морда такая?

– Габитус!

– Да плюнь ты на свой габитус! Скажи чи-из!

– Чи-из...

– Господи, ещё хуже! Может, действительно это врождённое? О! Улыбается! Помер... Ах, мой милый габитус, габитус, габитус! Ах, мой милый габитус – всё прошло, прошло...

Габитус

Письмо второе

С БОЛЬШОЙ БУКВЫ

Все мы подлежим эмиграции. Не за кордон – так на тот свет. Потому как не всякое движение – жизнь, но всякая жизнь – движение! А смерть... Тут я категоричен: и в смерти – жизни есть рассвет, а в жизни – смерти нет!

Так вот, жить в Алма-Ате мне и моей семье стало не на что. Да и националистическое безумие достало до самых печёнок. Для жителей околоалмаатинского мира поясняю, что это в Казахстане, что, в свою очередь, в СНГ, что, в свою очередь, в бывшем СССР, который многие знали только по одному слову: “Россия”, хотя это – голимая (то есть сплошная) средняя Азия. Жена уже год не работала – зарплата стала такой, что не покрывала расходов на поездки на работу и набойки на обувь, а я бегал по школам, получал шесть с половиной ставок, и этого хватало семье на три недели только покушать. И это я ещё получал по почти высшей категории. Оставшуюся неделю семью кормил и оплачивал квартиру, телефон и свет сын-студент. Он брал саксофон и, играя, просил подаяние на грязных улицах, базарах и барахолочках. Рядом с ним на каждом шагу можно было увидеть и первую скрипку Госоркестра, и кандидата наук, и вообще интеллект торговой братии вырос, как минимум, наполовину.

Я тоже иногда поднимался с гитарой на Кок-Тюбе (горка с маленькими ресторанчиками) и пел. Также своего рода попрошайничество. Ну и в ресторанчике уже где-то перед отъездом пришлось поработать.

Кому только я не пел! Генералам и полковникам милиции и национальной безопасности, мафиозникам и бандитам всех рангов и, представьте себе, иногда просто хорошим людям. И такое бывало. Но всё реже и реже. Такая жизнь выдавливала. Кого – на барахолку, кого – на тот свет, кого – за кордон. Я выбрал – за кордон! В Израиль! Это было самое реальное. При нашем отсутствии присутствия денег. Тем более, что мой отец, который до самой своей смерти меня поддерживал, и тут, за гробом, подставил свою добрую, тёплую ладонь – он был ЕВРЕЕМ.

А я скрывал это! Чтобы не слышать лишний раз оскорблений в его и мою сторону и не видеть кривых усмешек. Хотя такой ЕВРЕЙ, как мой отец, с полным правом звучал синонимом слова “ЧЕЛОВЕК” с большой буквы.

И не удивительно, что к евреям у меня отношение особое. И планка для них повыше, чем для остальных. Поэтому я старался с ними... не общаться! Чтобы не разочаровываться окончательно. После отца на моём пути попадались такие евреи, что лучше бы не попадались. Теперь-то я знаю, в чём дело, а тогда чуть было антисемитам не посочувствовал. Отчаянное стремление выжить и хоть как-то утвердиться вогнало тех евреев в две, с виду очень надёжные, но ведущие в пропасть, колеи. Вглядитесь повнимательнее – и вы увидите там

почти всё человечество. “Мера всех вещей – вещь!” и “Мера всех вещей – идея!” – их кредо. А кредо моего отца было: “Мера и глубина всех вещей – ЧЕЛОВЕК!”. Вот и всё!

...Он был ЕВРЕЕМ. А я скрывал это...

Поэтому, когда чёрная дыра Казахстана отпустила нас, я не просил у Господа то, что обычно просят в таких случаях.

– Господи! – молился я. – Пошли хоть на первое время ну не бог весть что, но просто нормальных людей!

О хороших евреях я и помышлять не смел.

– Ты посмотри! – говорил я жене. – Твоя, пусть и двоюродная, но тётка, уехала за полгода до нас, и ни адреса, ни приглашения на ночь остановиться! Только и пишет своей матери, как вкусно ест, спит и в море купается. Я уже не говорю о знакомых. Тех вообще как бомбой накрыло...

Господь услышал меня – нормальные люди стали появляться. Даже с пассажиров постепенно начала сползать землистая неврастеническая судорога. Хотя их руки ещё долго испуганно дёргались, ощупывая собственные сумочки и карманы с документами и долларами.

Какой-то доктор наук даже смеялся:

– Фиг он получил! – без конца повторял он радостно. – Ни цента! Ни за компьютер, ни за диски!..

Я молчал. Из меня вытрясли сто пятьдесят долларов за “Упрощённый вариант проверки багажа”. И ведь ничего запрещённого не вёз! Только дискету со своим романом с рабочим названием “Бей жида в себе – спасай еврея!”.

Господь же продолжал вкалывать. Нормальная таможня встретила нас в Тель-Авиве. Нормально вручили багаж и нормально оформили гражданство. Нормальные люди ходили вокруг. И даже, похоже... трезвые!

Трезвые? В это трудно было поверить! Просто невозможно! Впрочем, одна ненормальность была. Но к людям она никакого отношения не имела. Небо! Июльское голубейшее небо в декабре. с лермонтовскими тучками! Как это там у Миши:

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто, как я же, изгнанники,
С милого севера в сторону южную...

Мы уже собрались ехать в гостиницу, когда я ещё раз посмотрел вокруг и достал записную книжку жены.

– Звони сестре своей подруги! Бельферам звони! Они в Тель-Авиве живут!

– Бесплезно. Все уже на работе, – отвечает моя красавица.

– Звони!

К телефону подошёл Сева – старший сын Бельферов.

– Какая радость! – заорал он в трубку. – Какое счастье, что вы меня застали, – я сейчас уезжаю в армию. Мы вас всех очень ждём! Немедленно к нам! Отбивные в холодильнике, ключ от квартиры под ковриком у двери! Кушайте и отсыпайтесь! До встречи!

Жена положила трубку.

Я молчал.

Я был в шоке...

ПУТИ ГОСПОДНИ

“На том свете”, то есть в Союзе, я не искал дружбы с евреями. Как, впрочем, и со всеми остальными. Но с евреями особенно! И если кто-то из них становился товарищем или другом, то совсем не потому, что он еврей, а потому, что – ЧЕЛОВЕК!

Марку было девяносто два года, а мне сорок восемь, но мы были на равных.

Дружба!

На скамеечке у моего подъезда всегда кто-нибудь сидел, и все были моложе Марка. Однако с ними можно было говорить только о хлебе насущном, а с Марком... С Марком можно было говорить обо всём! Когда мы с ним беседовали, скамеечка превращалась в центр жарких дискуссий и баталий, юмора и ереси, и всего, чего ещё хотите. Это был маленький Израиль. Иерусалим – открытый для всех религий и философий. Иногда в спор включался Зуфар-ага, иногда Петрович с Надеждой Георгиевной, а бывало, и Роман Соломонович с Борисом Моисеевичем. Но чаще это было “тет-а-тет”.

– Я знаю, Аркадий, что я говорю, – как сейчас слышу я голос моего дорогого Марка. – Наш еврейский Бог – злой!

– Злой? Бог? Марк, что ты говоришь? – восклицаю я. – Бог не может быть ни злым, ни добрым. Добра и Зла как самостоятельных категорий – нет! Есть поступки или явления, приносящие либо вред, либо пользу. Причём в данный отрезок времени, среди данных действующих лиц и только в данной системе координат. Даже секс в одном случае – изнасилование, а значит, зло, а в другом – добро и благо!

– Нет, наш Бог злой! – упрямо повторил Марк и сверкнул своим стеклянным глазом. – Я ведь не Марк Самуилович, а Мордехай Шмульевич. И я знаю, что я говорю. Но хотя наш Бог злой, местный ещё злее! Если бы я был моложе и диабет не вышиб мне один глаз, как теперь вышибает другой, я бы, не задумываясь, уехал в Израиль. И был бы Мордехаем Шмульевичем. А ты говоришь, Бог не может быть злым. Ещё как может!

– Не может, Марк, не может! Бог не Добро и не Зло, не старец и не молодец с золотым бубликом над верхней чакрой. Бог и то, и другое, и третье, и тридцать третье, и какое хочешь ещё! – так же упрямо стоял на своём я. – Бог – это явление! Для нас пока непостижимое! И целесообразие его поступков нам часто не видно. Фокус нашего зрения – под нашим носом! Может быть, ты и я сейчас здесь, а не в Израиле, только для того, чтобы именно об этом поговорить. И всё! Вся твоя и моя жизнь – для этого разговора.

– Ну, хорошо. А дьявол?

– Миф! В лучшем случае материализованный нами же фантом. А в худшем – сбой в системе Божьего баланса между созиданием и разрушением.

Понимаешь, Марк, смотрю я на этот мир и вижу, что нет в нём двух изначально самостоятельных и самоценных единиц. Есть одна, множась и воплощающаяся в бесконечном количестве. Каждая частичка есть и часть, и целое. Трудно нам это представить, но вот так. Так же, как трудно представить бесконечность в этом, во всех его проявлениях, конечном мире. И в каждой былинке, в каждом из нас – часть Бога, с возможностью увеличения или уменьшения. И здесь аукнется – везде откликнется. А в самом неожиданном месте проявится.

– Да-а... – слушая меня и думая о своём, протянул Марк. – В синагоге я был на самом почётном месте. Пока мог до неё добираться. Кадиш читал... Ты-то где такой путаницы понахватался? Из какого Талмуда?

Я не ответил. Марк прекрасно знал, что мой Талмуд – я сам.

– Ну ладно, поговорим о другом, – решил нарушить молчание Марк. – Посмотри, нет никого рядом?

– Нет.

– Тогда только между нами!

– Об чём речь, Марк, только своей жене – и всё!

– Ладно. Леночке можно. Понимаешь, подарила мне дочь семьдесят сантиметров копчёной колбасы. Я слепой. Ничего не вижу. Но вчера пощупал колбасу, а в ней уже только двадцать сантиметров. Не больше! Я понимаю, что у Кати семья (моя молодая соседка по лестничной площадке убирала у Марка и готовила ему кушать). Но мои дети платят же ей прилично. А она, я заметил, всё время что-то тащит. И говорит, что нужно жалованье прибавить, так как инфляция. А если я её уличу, я останусь на бобах. Кто ко мне будет ходить? Детям и внукам я не нужен... Теперь знаешь как – не чти отца и мать свою, а, в лучшем случае, плати за отца и... мать твою!..

– Плюнь! – говорю я. – Ты же сам видишь, что бесполезно уличать. Да и твои дети и внуки не такие бедные, чтобы не подарить тебе ещё что-нибудь съедобное. Да хочешь, я подарю? У меня свежие сырки плавленые есть. Кстати, колбаса твоя, видимо, не очень качественная. Катиного пацана уже третий день поносит. Живое и лучшее подтверждение моей модели мира.

– Да? Так я и те двадцать сантиметров ей отдам!

– Ну, ты и злодей, Марк! Выбрось – и всё! А может, ты ошибся? После тридцати трёх лет это бывает...

– Да нет. слишком большая разница. Семьдесят сантиметров четыре дня назад и двадцать сегодня! Сервилат не хрен, чтобы так сильно уменьшаться от лежания!.. Ну ладно! Наверное, ты прав: худой мир лучше доброй ссоры, – сказал Марк и начал подниматься. – Веди меня домой!

Уже у порога свой квартиры он добавил:

– Добро и Зло приемли равнодушно и не оспаривай глупца! Ламца дрыца гоп-ца-ца! Может быть, ты и в остальном прав... Спокойной ночи!

На другой день Марк не вышел. Чтобы не ломать дверь, его родственники решили войти в окно (Марк жил на первом этаже). Вошёл в окно я. Так получилось... Марк... Да что там говорить, если не с кем стало говорить...

Через несколько месяцев я уже был в Тель-Авиве.

Письмо четвёртое

НЕПОНЯТКА

Голос Бога звучит громко, только когда он гневается или карает. В остальное время надо прислушиваться.

– Деточка, если ты не будешь лучшим, ты будешь никем! – шепнул Бог каждому при рождении, но мало кто это услышал.

А если и услышал, то, пока рос, забыл. Да и трудно быть всё время в таком напряге. Евреи несколько тысяч с гаком лет держались, держались – и то не выдерживают. Многие в имитаторы поддаются. Правда, и раньше кое-кто только лапшу на уши вешал, но остальных обстоятельства заставляли и зубрить до крови из носа и впитывать из окружающего самое продуктивное, и себя совершенствовать. Положение было безвыходное. Коридор, в который загнала их жизнь, был слишком узкий. Государства своего не было, силы военной тоже, вот и приходилось самоутверждаться золотом, умом и талантом. И кое-что кое-кто действительно наработал и сконцентрировал. За такой срок и немудрено...

Но особенно беспрецедентные результаты многовекового прессинга и необыкновенной живучести проявились в двадцатом веке. Сжатую пружину отпустили – она и взлетела так, что куда ни глянь – видно. Эйнштейн, Шостакович, Пастернак, Ландау... Да полно! Хотел поставить рядом Ротшильда – да нет! Совсем другое качество. Хотя тоже заметное. И то не тем, что деньги имел, а тем, что на них землю для сородичей в Израиле покупал, да парк шикарный со свободным входом для всех вырастил и там и упокоился, да...

Так вот, как ни ткнёшь в талант, так вроде бы русский или чукча, а копнёшь глубже – еврей! И не скрежещите зубами, дорогие антисемиты. Не дай Бог, они затупятся. Кто бы на евреев такое пристальное внимание обратил, кто бы их так подстёгивал, если бы не вы? Будь ты хоть семи пядей во лбу, но если тебя никто за это не хвалит или не ругает – нет тебя! Так что не превышайте свой естественный природный процент от человечества и его агрессивности. И здоровья вам во веки веков! Аминь!

Остаётся добавить, что, несмотря на исторические ситуации и мутации, Бог талантами не сорит. Хотя, как я уже говорил, всем даёт шанс. Как ни крути и ни пыжься, а талант – явление

штучное. Такое же, как и Бог. И если даже где-то они вдруг скучились, чтобы посоветоваться, то всё равно каждый неповторим. И тем более, если в одном месте густо, то в другом обязательно пусто. А иногда именно там и пусто, где густо. Вот как в этом случае. Я об имитаторах. Их – пруд пруди! Не артистов – те хоть кто-то от Бога, – а остальных, которые все от желудка. Хотя, конечно, кричат громче всех, что от Божьей искры. Имитаторы! Что вы от них ещё хотите, кроме рекламы? Такие экземпляры попадаются... А среди агентов по самым различным продажам и, в частности, по продажам картин, куда меня ветром репатриации занесло, их просто тьма.

Торгаш – он, конечно, и есть торгаш, но эти – что-то особенное. Они не только голос Бога в свой срок не расслышали и не слышат, но и свой давно потеряли.

– Попробуй, – кричат в одну дуду, – всучи товар, когда им все прилавки завалены!

– Так не надо всучивать, – говорю я. – Несите картины в дома как радость, а не лишь бы сбыть с рук.

– Ты что, с ума сошёл? – смеются они. – Ты, наверное, из тех, кого на кресты да на колья нанизывали. А нам жить надо. Да ещё как!..

– Мусорить вам надо, а не жить! – думаю я и вспоминаю Непонятку.

Молоденькая бабёнка такая. На вид невзрачненькая, худенькая. Она ещё возьмёт сумку с картинами, перекосятся вся... Едва ходит! Волосы ещё взлохматит перед тем, как в дверь войти. Щёку вымажет...

Звонит.

Открывают дверь – сразу коробку увидели:

– А, картины! Нет! Картины нам не нужны!

– Да? А жалко... – бормочет Непонятка. – А корочка хлеба не найдётся?

– Корочка найдётся... – теряются люди. – Заходи!

Ну, она бросает сумку у двери и идёт на кухню. Про сумку забыла! И начинает рассказывать такую историю. Всегда одно и то же.

– Вот привёз меня сюда мужик, – говорит. – А я же русская! А мужик – еврей. Двое детишек... маленькие... одному полгода, а другому полтора. И вот он бросил меня. Ушёл к какой-то бабе... Не могу его найти... Ни алиментов... Ничего! А куда я – русская? Меня же никто не возьмёт. Да и детишки маленькие... один за другим болеют... Какой-то художник меня нашёл... Вот уже целую неделю возит с собой, а толку от меня... Я вообще не знаю, как это делается! Хороший, добрый человек одну-две картинки купит из жалости... Ну, шекелей двадцать-тридцать заработаю на этом. Он мне с каждой картинке по десять шекелей даёт. На следующий день куплю молочка ребятишкам и жду. Вечером с бабушкой оставляю... с какой-то... Вообще не знаю, что делать... За схардиру (съёмная квартира) платить скоро...

Люди накормят её, напоят. с собой дадут сумочку... И говорят:

– А ну показывай, что у тебя в корзине-то?..

Она возвращалась пустая. Одиннадцать картин из двенадцати оставляла. И там уже не торговались. Хотя эта убогая такие цены заламывала! Предел! Агенты от смеха по полу катались, когда её слушали. Она была для них кумиром. Отмоется, раскроет сумку:

– Угощайтесь!

– Та-ак... Что там у тебя? – удыхается торговая братия.

– А! опять какую-то непонятку надавали...

За это её Непоняткой и прозвали. И какие там у неё дети! Какая она русская!..

Через три месяца она машину купила и уже сама стала на этот рынок работать. Но лучше бы она действительно была не еврейка. И так грязи поналяпано сверх всякой меры... Вон и в меня куском запустили...

Спасибо тебе, Непонятка!..

Письмо пятое

ШАБАТ

Не понимаю, что имеют в виду, когда спрашивают: “Верите ли вы в Бога?”. Это всё равно, что спросить: “Верите ли вы в закон Ньютона?”. Верите или не верите, а яблоко всегда падает с дерева сверху вниз, а не снизу вверх. А по какому ведомству проходит ваш контакт с Всевышним – это ваш выбор. Это что вам больше подходит. Уверяю вас, Богу до лампочки, мусульмане вы, христиане, иудеи, буддисты, атеисты или летающие йоги. Главное, чтобы вы соответствовали его образу и подобию. ЧЕЛОВЕКАМИ чтоб были, а не скотами!

С пятницы на субботу в Израиле всё замирает. Шабат! Все отдыхают. Замечательная традиция! Я вообще очень люблю, когда люди отдыхают и по-доброму веселятся. Мне даже кажется, что только тогда они на людей и похожи. Помните, что сказал Бог, когда выгнал Адама и Еву из рая?

– “В поте лица своего будете добывать хлеб свой!”

То есть любая деятельность ради прокорма – проклятие! Оттуда же и “Кто не работает, тот не ест!”. Я так точно знаю, и даже по себе, что тому, кто не ест, ох как трудно вкалывать от зари до зари, от темна до темна. Просто сил нет! А вот тот, кто ест, вполне может обойтись без кирки и лопаты. И никакой ностальгии по переходящему красному знамени!

Сладка халява!

Ох как сладка!

Жива ещё память о рае!

Это у нормальных людей!

А есть извращенцы. Им память ещё Дарвином отшибло. И потому они получают удовольствие ну совершенно противоестественным путём. “Трудовые будни – праздники для нас!” – поют они натужно. И агрессивуют, точь-в-точь как дикие обезьяны. Я так думаю, что это от хронического переутомления. И физического, и умственного. И не от труда, а от работы, что совсем не одно и то же. От несогласия с природой. От внутреннего конфликта и неснятой напряжённости. От дисгармонии!

Но я не ругаю их. Что толку укорять безногого в том, что он хромой? Можно только пожалеть. Или через дорогу помочь перейти, что ещё лучше...

Так вот, вокруг мой любимый шабат, а я вкалываю. Именно потому, что хлеба насущного семья ждёт. Бегаю я с огромной картонной коробкой и “беды” художников переносу. Помните, как это в песне поётся? “Жил-был художник один. Много он бед перенёс!”. Вот он живёт где-то (И пусть! И хвала ему!), а я его “беды” таскаю. Того и гляди, хребет надорву. Некоторые-то картины под стеклом. Эх, думаю, до первой звезды бы вложиться, чтобы религиозных шибко не тревожить (самый разгар шабата с первой звезды начинается).

Но не вкладываюсь!

В одной квартире мне вежливо отказывают, в другой с жалостью и сочувствием улыбаются. Понимают, что не от хорошей жизни я религиозную традицию нарушаю.

А в третьей...

– Ты куда прёшься, мать твою!.. – ревет на чисто русском языке кавказоподобный в кипе (это такая маленькая религиозная наплёпочка на затылке). – Святой день, а он, падла, свою мазню тащит! Да как ты смеешь работать, сука? Да я тебя сейчас на пинках вынесу!..

– Извините, – говорю, – что побеспокоил... Я хотел вам до звезды...

– Что-о? Я тебе сейчас такой звезды присвечу! Мясо от костей отвалится!..

Скатываюсь я кубарем, гремя коробкой, на первый этаж, а сам думаю:

– Чего ради? То, что он угрожает, – туфта! Тут такие штрафы берут за рукоприкладство, что тысячу раз подумаешь, прежде чем разговеешься. Эх, была не была! Семь бед – один ответ!

Перехожу в соседний дом и звоню в первую же дверь. открывает женщина.

– Ой, как вы кстати! Я как раз о картинах думала! – говорит она.

Надо же! Чистая лотерея!

Однако замечаю, что хотя глаза у женщины искрятся, но в глубине жуткая тоска. Расставляю картины и почти машинально пытаюсь её подбодрить.

– Искусство, – говорю, – это то же, что и любовь. То есть – не картошка! И не каждому дано восприятие прекрасного. Для этого надо иметь чуткое сердце и нежную душу. Божья искра, – говорю, – не способна зажечь какого-нибудь дуболома, у которого в голове, сердце и душе только денежные знаки, жратва, выпивка и хапальный рефлекс. Есть такие! Они только выделяют и выделяют. Кишки, а не люди!..

– Ах ты падла! – раздаётся откуда-то из квартиры, и мне даже кажется на секунду, что это тот же кавказец.

Но нет, это не он. Тот был тощ и морщинист, как пересушенный финик, а этот...

В комнату вбегает фиолетовый от ярости мужчина в трусах и с огромнейшим животом.

– Что ты тут распеваешь? Ну-ка, ну-ка!.. – гремит он.

Я гляжу на женщину, а у неё в глазах торжество.

– Ага, – думаю. – Всё понятно. сейчас я тебе присвечу...

– Понимаете, – говорю, – слово “ЧЕЛОВЕК” обозначает чело, живущее век, а не живот, смердящий сто лет. А живот – не только от слова “жить”, но и от слова “животное”...

– А-а! В моём доме! Мразь! Падла! Вонючка! – визжит мужик и бросается на меня.

Я зажмуриваюсь и... ни с места!

– Пропади оно всё пропадом! – думаю. – Или пришибёт, или год безбедно проживу на штрафе от побоев...

Чувствую, ветром обдало – и всё. Мимо проскочил! Сориентировался! Тоже – слава Богу! Открываю глаза. Что такое? Жена с мужем в углу комнаты сцепились у телефона.

– Миштару... миштару сюда! – сипит мужик.

Я кидаю картины в коробку и – дёру. Миштару – это полиция, а с ней, как говорил классик, я ввек не разберусь. Впрочем, может, и разберусь, но лучше не надо...

Выбежал я на улицу и по инерции где-то квартала два отмахал, пока не успокоился.

– Шабаш! Сегодня больше не работаю, – думаю.

А сам по той же самой инерции кнопку звонка надавливаю.

– Кто там? – слышу такое трескучее-трескучее.

– Мессия! – ляпаю неожиданно.

– Кто, кто?

– Мессия, мамаша! собственной персоной!

– Не знаю такую, – скрипит старческий голос, и я слышу, как его владелица к глазку принаравливается.

Но меня уже несёт...

Затыкаю большим пальцем глазок и продолжаю:

– Ну как же так? освободителя не знать! Иисуса Христа-то хоть помните?

– Нет, – говорит. – Не помню. Вы меня с кем-то путаете.

– Не может быть! – удивляюсь я. – Это Нацерет-Элит?

– Да. А вы кого ищите?

– Да не я ищу, а меня ищут. Ждут моего прихода.

– Как так?

– Да так...

– Ты, наверное, адрес перепутал. Я никого не жду.

Разговорчивая старушка попалась.

Ну и я тоже душой отдыхаю.

– Может, всё-таки впустите, – говорю. – Поговорим. Покалякаем...

– А зачем? Мы с тобой и так говорим.

– Так я ещё картины вам покажу.

– Какие картины?

– Художественные. На натуральном масле. На вологодском!

– Не надо! А будешь ещё стоять, полицию вызову, – скрипит бабуля, и я слышу, как она уходит.

– Куда же вы? Я Машиах! Мессия я!..

Тишина...

Поворачиваюсь. Батюшки! Аж пот холодный прошиб. Стоит на площадке кто-то в белом и с ненавистью, молча, смотрит на меня. Это уже потом я разглядел на его голове кипу, а сразу подумал – Иисус Христос!

И так мне захотелось на трибуну! Прямо до сердечной боли. Да не на областную какую-нибудь или государственную, а на мировую. Да чтоб в этот момент все слушали, а не в носу или карманах ковырялись.

– Граждане! – крикнул бы я на телепатически-космическом.

Да так бы крикнул, чтобы от этой божественной вибрации все храмы и молельные дома всех видов вздрогнули бы вместе со своими служителями:

– Земляне! Верующие, сомневающиеся и оголтелые атеисты! Любая религия и идеология хороша и благословенна, если она делает человека добрее, лучше и терпимее. А если наоборот, то...

Не гневите Бога!

Аз воздам!

И неотвратимо!..

Вы слышите?

А?

Письмо шестое

МАСКИ

Израиль – страна микроскопическая, но горизонты её необозримы!

Катаемся мы с Наумом то туда, то сюда. На его машине. На моей только моё воображение рулит. Ну и не просто катаемся, конечно, а картины людям предлагаем. Масляными красками нарисованные и всякие другие. Для Наума это одна из подработок, а я пытаюсь семью прокормить. Выполняю, так сказать, главную заповедь Господа – “Не умри!”.

Так вот, едем мы как-то от пункта “А” в пункт “Б”, а Наум меня инструктирует. Учит уму-разуму. Натаскивает, так сказать... на дичь!

– Сегодня у нас в коробках новый триптих, – говорит. – “Маски” и “Две половинки Луны”. Можно говорить – сет. Это – авангард! Народ уже эти слова знает. Я тебе расскажу, под какую легенду я их продаю, а ты уже сам думай. Значит, так... Пережде всего ставлю картины на самое видное место. Справа – голова мужчины, слева – женщины. Оба в масках. Посередине – “Две половинки Луны”. Она – красивая женщина, и естественно, что её всегда, наверное, тянет к особе иного пола – то есть к мужской голове. Вот эту тягу и символизируют в какой-то степени “Две половинки Луны”. Хотя о них разговор особый. Видите, говорю, человек, выйдя из дома в хорошем настроении, хочет остаться в этом настроении до конца дня (или, лучше, чтоб было настроение). Да ведь не получается! Полно отрицательных раздражителей со всех сторон. Колют нас! Накалывают! Приходишь домой и начинаешь сам кусаться. “Да! Конечно!” – соглашаются клиенты. Вот! А сейчас экстрасенсы предлагают, чтобы мы защищались. Хотя бы условно. Вот мы надеваем на себя какой-то кожух. Какой-то колпак. Чтобы мы видели, а нас чтобы никто не мог видеть. никоим образом чтобы не смог ущипнуть, уколоть... Художник представляет такой колпак в виде маски. Это маска защиты. У художника есть в этой маске место, через которое он или она видят. Вышли на улицу в колпаке – все видят, что они в колпаке. Зачем их трогать, когда полно незащищённых! А вот это вот у мужчины – дверца. справа, на месте уха. Приоткрыта. И в неё входит информация. Нужная уходит в голову... Вот тут мысли как будто нарисованы... А ненужная уходит вот по этой полосочке вниз. В землю. Раз! Сразу где-то ненужная и юркнула... А вот это – полоска, как бы зажатая зубами, это – линия спокойствия. Человек как вышел спокоен, так и пришёл спокойным. У женщины этой полоски нет. Вот видите? Это – мужчина, это – женщина! Видите? Есть какие-то характерные моменты, подходящие или к женской голове, или к мужской. Голова мужчины даже покрупнее. Погрубее... “Да-да-да...” – соглашаются. А третья картина называется “Две половинки Луны, которые разговаривают между собой, сидя на скамеечке”. Так художник назвал. Вы можете сказать, что это две половинки Земли или солнца. Но художник решил, что это Луна. Почему Луна? Потому, что Луну мы видим, в основном, только ночью. И то если нет облаков на небе. А Луна, на самом деле, существует целые сутки и видит всё вокруг. Видит нас. Вот две половинки Луны и общаются между собой. Решают проблемы. Земные. Неземные. Какие-то глобальные. Какие-то наши. Меркантильные. Мелкие... И вот если у вас богатое воображение, то, глядя на эту картину, вы можете так же, как глядя на Луну, медитировать. Здесь заложено столько информации! Вот вы видите, что там горы какие-то нарисованы... Что-то ещё... И если вы смотрите долго и внимательно, то забываете, что это картины... “А почему вот эта полосочка под Луной?” – начинают спрашивать. “Так я же говорил – это потому, что две половинки как бы на скамеечке сидят. И разговаривают”. Вот и всё! Эти картины как продаются? Они продаются неожиданно...

А вот и пункт “Б”. Взваливаю коробку и – по-шёл! Три многоэтажки сверху донизу пропахал. Ничего! Не покупают! Звоню в коттедж. Открывает дядька. Сытый до неприличия. Ему вообще ничего не надо. Ну, не надо – и не надо! А мне картины плечо отдавили...

– Впусти в туалет, – говорю.

– Заходи, – понимающе кивает он.

Бросаю коробку в коридоре и иду в туалет. Потом в ванную. Выхожу и говорю:

– Слушай, вот как я зашёл к тебе, сразу возненавидел тебя. Но когда побывал в твоём туалете и ванной, понял, что ты настоящий мужик!

– Это почему? – недоверчиво косится дядька.

– Очень просто. Таким, какой у тебя, кремом для бритья только настоящие мужчины бреются.

– Ну присядь. отдохни, – смягчается он.

Прохожу в комнату. Что такое? Коробка – профессионально посередине, а в ней роется маленькая такая, пухленькая и вообще весьма приятная на вид дамочка.

“Маска мужчины”

– Это всё не надо, – говорит она, не оборачиваясь. – А вот эти я посмотрю...

И достаёт “Маски”.

Я сразу же весь обмяк. Стал таким беззащитным-беззащитным. Растерянным каким-то. Это мой организм автоматически Наума скопировал. У него это манёвр такой. Манера! Органика! Чтобы не он уговаривал, а его. И, главное, сам не замечаю, как чешу слово в слово то, что он в машине живописал. С его интонациями. С мимикой... Ну спиритический сеанс – и всё тут! В общем, спел я эту песню наумовским голосом, а дядька посмеивается:

– Умру, – говорит, – но эту дрянь на стенку не повешу!

Я молча, ещё не выходя из образа “жертвы”, иду за картинами, чтобы вернуть их в коробку, как вдруг (Хорошее слово “вдруг”. Люблю я его. С детства! с “Библиотеки приключений”)!..

– Хаим, ты неправ! – говорит дамочка и отводит мою безвольную руку. – Ты очень умный и талантливый, но сейчас ты неправ. Это просто не в твоей компетенции. Ты Бог в бизнесе, а здесь Бог – я! Вы (это она мне) сами не знаете, что принесли. “Чёрный квадрат”, по сравнению с этим, – дырка на ровном месте. Малевич – ткач из “Голого короля” Андерсена! Да и не только Малевич. Любят люди, чтобы их обманывали. И чем необычнее обман, тем любовь сильнее, и цифра благодарности больше. Какая цена каждой “Маски”?

– Двести пятьдесят! – ляпаю я по максимуму и тут же понимаю, что продешевил.

– Шекелей? – удивляется дамочка.

– Долларов! – реагирую я чисто по-наумовски и жалею, что фунты стерлингов здесь не в ходу.

– Ну что ж, слово не воробей. Я вас за язык не тянула. Вы бы могли взять и больше. День сегодня такой. И покупатели попались вам очень небедные и очень порядочные...

Я аж испариной покрылся. Один шанс на всё население Израиля!

– Хаим! – продолжает дамочка. – Пиши чек на весь триптих. Как там по курсу? Семьсот пятьдесят на три, это... две четыреста пятьдесят. А, ладно! Пиши чек на три тысячи шекелей и не задерживай человека.

– Танечка... – попытался заикнуться Хаим, но дамочка неожиданно жёстко и безапелляционно оборвала его.

– Кто тебя заставил купить акции, на которых мы поднялись? А сделка с этим бандитом из Москвы? На эти картины можно при случае купить виллу!..

Через минуту я получил чек и опять покрылся испариной.

– Хаим, не делай такое лицо! Бизнес любит улыбку, – уже мягче сказала дамочка и отошла от картин на некоторое расстояние.

– Во-первых, работы очень красивые, – продолжила она, любуясь. – Я думаю, что они будут вписываться в любой интерьер. А в наш тем более. Они облагородят любую, даже самую старую мебель.

Это не значит, что нашу можно не менять... Картины создают глубокий философский настрой. Атмосферу покоя в доме. Не дёргайся, Хаим! Я права! Смотри, как красиво сочетается золото, вот этот глубокий красный цвет и вот этот ровный серый! В любое время дня и ночи посмотришь на эти картины – и возникнет состояние некой возвышенности, умудрённости, расслабления и покоя. И в то же время не дают они так, чтобы совершенно, расслабиться и отключиться. Посмотри, какая в них энергетика! Определённая! Это сочетание золотого и глубокого красного, бордового тона даёт особую энергетику. Какой-то заряд душе. Ты чувствуешь?

– Да! – машинально ответил я.

Хаим молчал. Но он смотрел! смотрел на картины!

– Вот, – благодарно улыбнулась мне эта необыкновенная женщина и продолжила уже для нас обоих. – Но если вам интересно какой-то сюжет найти, то сколько угодно! Вот эта фигура женщины. Посмотрите! Она глубока, как сфинкс. В ней чувствуется время. Какая-то незыблемость. Какой-то покой. Мужчина – здесь особая энергетика идёт. Здесь – наоборот. Если здесь покой, то там заряд к какому-то действию. Посмотрите, как они уравнивают друг друга. Так и в философии заложено, что женщина несёт какой-то порядок, а мужчина – движение вперёд. Вы чувствуете, как это заложено в картинах? Правильно?

– Да, – опять сказал я.

Хаим молчал.

«Две половинки Луны»

– Вот, – опять благодарно улыбнулась женщина. – Эта уравнивает, а эта зовёт куда-то вверх. А в центре – мир. Посмотрите! Такая планета из двух половинок. Она объединяет. Это символ единения. Символ общего мира. Общей атмосферы. Мужского и женского начала, которое переходит одно в другое. Посмотрите, как много там общего, и в то же время они разные. Очень красиво!.. Но искусство живописи – это не только сюжет...

Хаим встал и вышел. Танечка и глазом не моргнула. Она продолжала. Только немного громче.

– Да! Это не только сюжет. Это не только форма, предмет, вид, пейзаж, но это ещё и цвет. Как музыка действует звуком, так живопись действует цветом на нас. Вы же прекрасно знаете, что красный нас возбуждает, зелёный успокаивает. И так далее... Так вот, сочетание цветов, гармония цвета, умение подобрать одно с другим – это всё несёт авангардная живопись. Когда художник не копирует предмет, а пытается с помощью цвета вызвать у нас какое-то эмоциональное состояние. Вот, пожалуйста, вам пример такого вида авангарда!..

Татьяна обратилась ко мне, но показала на дверь, в проёме которой стоял Хаим. В руках у него была початая бутылка бренди и бокалы.

– Мда-а... Мощные такие аккорды серого, золотистого и красного...

Хаим сел за столик и жестом предложил мне бренди. Я отрицательно мотнул головой. Тогда он налил себе и, качнув бокалом в сторону жены, выпил.

Татьяна же как ни в чём не бывало продолжала:

– Они же сами по себе красивые сочетания цвета. Эти картины звучат. Звучат! Вы чувствуете? Как музыка! Она поднимает вас! Как Бетховен! Как музыка Бетховена, мощными аккордами звучит вот это сочетание золотого, красного, серого, чёрного цветов. Вот вы присмотритесь! Вам всё время захочется получать от этих картин такой вот подъём какой-то. Он не должен быть нервным. Напротив! Глубокий философский такой настрой. Если у вас есть воображение...

– Если бы! – неожиданно совершенно искренне сокрушился Хаим. – У меня воображение больше, чем на сто пятьдесят граммов, не разворачивается.

«Маска женщины»

– Не скромничай, бегемотик! Бывает, и поллитра не предел, – ласково потрепала мужа по голове Татьяна и продолжила:

– Так вот, искусство авангарда предполагает некую тайну. Некую границу между художником и зрителем. Авангард побуждает зрителя разгадать тайну. Перейти вот эту закрытую дверь. Вот эту планку, что ли. Он требует от зрителя работы. Он требует от зрителя определённой фантазии. определённого умения прочесть. Вникнуть. Понять эту вещь в себе. Это ведь вещь в себе! Это ведь некая тайна. Это некая загадка. И поэтому она постоянно вызывает зрителя на совместное творчество. Вот ведь что важно! То, что всё время приходится

возбуждать свою фантазию. Искать какие-то новые ответы, новые решения на эту загадку, которая постоянно перед твоими глазами. Это – соавторство! Это – сотворчество! Вот в чём ещё вся прелесть авангарда!

– Вот! – прослезился Хаим. – У Тани три диплома. Ей цены нет, а по специальности даже за деньги не могу устроить. Не нужны русские! А гуманитарии тем более! Бизнесом этим вонючим со мной занимается... Туда-сюда всякую продукцию для унитазов гоняет. Да никакой миллиардер со своим суперлогарифмическим лобиком ей в подмётки не годится! Не зря короли и герцоги на скрипках играли. Рисовали... Стихи писали!.. И меценатами были не зря. Понимали, чувствовали, наевшись, что грош цена любой материи без одухотворённости. Что всё тлен, кроме Божественного! Духовного!..

Провожала меня Танечка.

– Знаете, как ещё можно назвать ваши “Маски”? – сказала она, закрывая калитку. – “Звёзды революции!”. Справа – голова Ленина, слева – Крупской. А посередине их детище – раскалывающийся мир!

– Да... Действительно... Похожи... Поразительно! Даже причёска у женщины, как у Надежды Константиновны!

И я рассмеялся.

– Но всё-таки “Чёрный квадрат” Малевича... Так категорично...

– Ерунда! Лакмусовая бумажка дурости человечества! – срезала меня эта необыкновенная женщина. – Если точку нарисовать и разрекламировать через мнение авторитетов версию, да ещё и под ней написать “Цена – миллион долларов!”. Или лучше – миллиард! – не отрываясь, будут смотреть. Толпы! И языками будут шёлкать, и глаза закатывать, и чёрте что находить в этой точке. Гипноз авторитетных имён и цифры неотразим. Особенно – цифры! За миллион или миллиард чего только не померещится.

И, очень живописно подмигнув, Татьяна кивнула вглубь коттеджа...

Письмо седьмое

ДАМЫ

Израиль – это точка, в которую воткнут циркуль истории!

Только что что-то подобное я уже говорил, но это ничего. Такое можно и повторить. Где-то свободный конец чертит свои ажурные круги и полукружья, а здесь всё сказывается. Да ещё как!..

Вчера опять шедевры израильской живописи русскоязычных художников носил. Надеюсь, что не сильно нехудожественные. Однако не берут! Да что там! Увидят коробку и – хлоп! Перед самым носом! Дверью!

Но я не обижаюсь. Я кричу в глазок:

– Дрезден! Лувр! Эрмитаж!

Не реагируют. Устали люди. Работают как проклятые. Это, конечно, те пролетарии, к которым я, в основном, попадаю. Иногда пробьёшься в квартиру, так хозяйка ещё движется, а хозяин уже – всё! В отключке! До дивана только доползти смог. Так и спит. Голова на диване, колени на полу. А тут я. С картинами...

Но хочу! Хочу, граждане, кроме продажи, людям отдушину сделать. Вселить, так сказать, здоровый оптимизм. Хотя какой тут, к чёрту, оптимизм, когда еле дышишь...

Звоню.

На пороге женщина.

Вселяю оптимизм:

“Девочка в шляпке”

– Наконец-то я вас нашёл!

– Что такое? – пугается она.

– Как? Вы меня не помните?

– Нет... Не помню...

Да что вы? У меня ваш портрет есть. По одному взгляду нарисован.

– Да вы что?

– Ей Богу! Будем смотреть?

– Ну, давайте... – оживает она. – Только не на пороге...

– Конечно, конечно! – киваю я и думаю, что показывать придётся “Девочку в шляпке”. Все остальные-то – пейзажи.

Ставлю коробку и...

– Вот! Вылитая вы!

– Я? Голая?

Слава Богу! Только это заметила!

– Ну да. Фантазия художника. Сюрреализм!

– А глаза почему косые?

– Ну, так он увидел. Прищур такой. Чувственный!

– Нет, это не я, – наконец догадывается она.

– А ведь действительно, – соглашаюсь я, и мы оба смеёмся. – Но всё-таки похоже. Не правда ли – красиво?

– Да, – соглашается хозяйка и розовеет.

В общем, картину эту я продал. И к ней в придачу пейзаж. На шёлке.

– Хорошо, – думаю, – вечер начался. Не сглазить бы. Тьфу, тьфу, тьфу!..

Если кто-то считает, что легко и просто без приглашения зайти в любой подъезд любого дома, а тем более вовнутрь любой квартиры, коттеджа и, тем более, охраняемой виллы, то пусть попробует. Тут, в Израиле, несмотря на блуждающих террористов-самоубийц с поясами взрывчатки, ещё иногда впускают, а где-нибудь в Америке просто пошлют вас ко всеми любимой русской матери или вызовут полицию. Правда, насчёт воспоминаний о ней, родимой, здесь тоже нехило. Когда коренные израильтяне хотят блеснуть своими знаниями русского языка, они сочно и восторженно матерятся. Это у них вроде как пароль к вашему сердцу. Даже если оно обременено докторской диссертацией по изящной словесности.

Но ближе к событиям!

Прошёл час. Другой...

– Ноль! сглазил-таки...

Стуча коробкой с картинами о перила очередного подъезда многоэтажки, я думал о бренности существования. Вверх до девятого этажа меня поднял лифт, и теперь я спускался вниз, звоня во все квартиры подряд. Живопись не нужна была никому. Ни под стеклом – тяжеленная, ни без стекла – тоже нелёгкая. Правда, один мужик вроде клюнул, но тут же и уплыл.

– Тс-с! – приложил он палец к губам. – Я в высшей степени один!

– Почему?

– Остальные все спят!..

Дама тоже мелькнула. Приоткрыв дверь на цепочке, она стыдливо выслушала мои соловьиные трели о живописи и её пользе для жизни и любви и, отводя глаза, неожиданно проворковала:

– Вы очень опасный человек. Очень!

– Почему?

– Вы очень красиво говорите.

– Ну и что? Вы боитесь, что я вас соблазню или что вы купите у меня весь товар?

– Боюсь... – поводя влажными, как у газели, глазами, прошептала дама.

– Чего? – начал игратья я. – И в том и в другом случае мы оба будем в выигрыше. И товар хорош, и я тоже. Разве не так?

– Так, – трусливо сказала дама и захлопнула дверь. – Извините! – послышалось уже из-за неё.

И я побежал дальше.

Наконец чуть ли не на первом этаже кто-то в глазок зыркнул, хмыкнул и широко распахнул ворота в свой рай. От неожиданности меня засосало чуть ли не до конца квартирному коридору.

Никого...

Шлёп!

Я обернулся и увидел, как могучая мадам закрывает дверь сначала на ключ, потом на три задвижки и уже в конце на цепочку.

– Замечательно... – говорит она сама с собой. – То, что надо... Пусть проходит... Наконец-то... Да что ты стоишь? В первый раз, что ли? – уже властно и по-деловому обращается она ко мне.

Я ни с места.

Тогда мадам хватается за ляжку от коробки и почти втаскивает меня вместе с ней в комнату.

Я только улыбаюсь.

Одна из причин – это то, что клиент всегда прав (а также покупатель всегда прав, читатель всегда прав, дурак всегда... ну и так далее), а другая... Нет, лучше о ней не думать...

– Бренди? Вино? Водку? – раздаётся из кухни, и я уже не улыбаюсь.

Схватив коробку, я делаю шаг назад и... опускаю её. Бесполезно!

Хотя ключ и торчит в замке, но этот гладиатор в юбке настигнет меня одним прыжком.

Убегающая жертва – кайф для хищника!

– Та-ак... Главное – не подавать виду, что испугался. Иначе съест сразу... То, что она меня напоит и изнасилует одним пальцем, вне сомнений. Ишь, как глаза блещут! Минимум год без мужика... Понаехали в Израиль одинокие на мою голову... Что делать? Что делать?..

И тут я увидел гитару. А на ней наклеенную маленькую фотографию Булата Окуджавы в чёрной рамке.

– Вот оно! Вот моё спасение!

Живо заинтересовавшись инструментом, я подстроил его и спел “Виноградную косточку”. И далее без пауз целую серию таких же антиполовых произведений...

Подействовало! Недавно почивший автор помог. Хвала ему и вечная память во веки веков! Мадам смотрела на меня не отрываясь! А где-то в середине репертуара хряпнула полстакана водки и заплакала. Да ещё как! Можно сказать, разверзлись хляби небесные. И охи, и вздохи, и вскрикивания, и стоны – всё было.

Я не знал, как успокоить её.

Вернее, знал, но очень уж не хотел...

Наконец всё стихло.

Этот тропический ливень хлестал минут пять, но принёс облегчение нам обоим. И расставались мы закадычными друзьями. Я даже устроил на прощанье вернисаж, и хотя ни

одной картины не продал, но встреча с искусством и почти небесной любовью состоялась в полном объёме.

Открывая свою мышеловку, мадам всё-таки не выдержала и, взглянув на меня, облизнула сохнувшие губы. Но, к её человеческой чести, тут же овладела собой и поспешно продекламировала: “Возьмёмся за руки, друзья, возьмёмся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке!”.

– Воистину! – вместо прощания ответил я и больше в этот день не звонил ни в одну квартиру.

Уже дома обнаружилось, что один пейзаж на шёлке остался у неё.

– Бог дал – Бог взял! – решил я. – За всё надо платить, если не хочешь расплачиваться!

Письмо восьмое

МИФЫ

Об успехах медицины кричит мир, а неуспехи скрывает земля! И Израиль не исключение. Но здесь чаще всего дело в недостаточной информации. А вернее, в дезинформации. И это не только в медицине. Так что не верьте до конца никому и не слушайте, развесив уши. Прислушайтесь и проверяйте всё, по возможности, сами. Израиль более или менее, но цивилизованное государство, и кровь младенцев оле хадаш (репатриантов) здесь в мацу не замешивают. Как и в остальном мире – кровь младенцев христиан. И поэтому дезинформация вещь, ох, какая небезопасная! Особенно когда она касается вашего здоровья или чьей-то жизни. Это я испытал на своей шкуре, но, к счастью, остался жив.

А дело-то было вначале пустячное. Таскал я огромные, тяжёлые коробки с картинами по домам. И как-то согнулся, доставая очередной весьма сомнительный шедевр, а в поясице как звезданёт россыпью. Точно сверхновая вспыхнула и погасла. Разогнулся я маленькими рывочками. Шаг... Другой... Вроде бы прошло. Но только стал я с тех пор прихрамывать. И боль в верхней части бедра появилась. Всё больше и больше. Нет, чтобы недельку дома отлежаться, так надо же семью кормить! Как картину-другую продашь, так счастье в доме. Стол продуктами завален. Тут тебе и бананы, и апельсины, и колбасы, и напитки разные. Дочь даже о туфлях новых заикается. А гости вина разные вкусные попивают и похваляют. И уж, конечно, от щедрот сердец своих советы дают хорошие. То “Ипликатор Кузнецова” надо приложить, от которого хуже, то пояс американский, от которого ещё хуже, то грелку погорячей, от которой наконец-то глаза на лоб полезли. Да так полезли, что я в купат холим, то есть в поликлинику по-нашему, побежал. Впрочем, побежал – это слишком громко сказано. Если бы вы видели, как я бежал, то больше бы ходить не захотели. С одной стороны, я бегу, а с другой – жена пытается увернуться, чтобы я её не сшиб. Потому как тело моё такие вензеля выписывает, что самому страшно.

А надо вам сказать, что в ульпане (это курсы по изучению языка по-нашему) я ни одного дня не был и на иврите ни бум-бум. Ну, там “шалом”, “кен”, “лё”, ещё пару слов – и всё. Почему? Не спрашивайте! Это особый разговор. Жена тык-мык... Что-то пытается вякать, но её не понимают. А я еле стою. Вот-вот на пол сяду. Или даже лягу...

Наконец где-то меня записали, за что-то какие-то шекели (это тутошняя денежная единица) слупили и какому-то напомаженному манекену-врачу показали. Тот, конечно, тоже ни бум-бум. Но уже по-русски. Тык-мык – ни мы, ни он ни в зуб. Пощупал он пальцы ног, икры и в левое бедро пальцем шарая! Я – “А-а!!!”. На пол-Израиля!..

Он только довольно улыбнулся. Понял, родимый, что там и болит. Хотя я с самого начала так ему это показывал, что и папуас бы догадался.

Жестами-жестами – прошли мы на этаж ниже, и меня – на кушетку. Не успел оглядеться – медсестра рядом со шприцом стоит. Я занемел от ужаса. У меня на уколы – рефлекс отрицательный. В Союзе каждый раз как кольнут, так потом часа полтора с того света вытаскивают. Но как объяснишь, что жизнь моя нестандартная? Что я слишком травмирован советской действительностью.

Рот я всё-таки открыл, но укол мне уже всадили. Всё! Чувствую, холод от ног пополз, и сестра куда-то поехала. За зарплатой, наверное... Это такая не очень дурная мысль мелькнула. Тут медикам при купат-холимах платят – слава Богу! Это, конечно, по сравнению с нашими смехотворными зарплатами. То есть тех, кто недавно прибыл на святую землю на ПМЖ (постоянное место жительства). Олимами нас зовут местные, но это отдельный и не менее весёлый разговор, чем моя история. Так что вернёмся к нашим бананам... то есть баранам! Конечно же – баранам!

Прошло какое-то время. Живой! Вот везуха! Мало того, боль вроде тише. Но теперь стресс с ног валит. Не жена бы – до дому бы не дошёл. Ах, какой она мне красивой и хорошенькой в тот момент показалась! И медсестра вдруг на русском заговорила. Вначале думал, – слуховая галлюцинация. Нет, обстоятельно так объяснила, что таблетки, которые манекен выписал, надо принимать после еды. Однако что они не просто ядовиты, а очень ядовиты, – об этом ни слова. Это, видимо, израильская стратегическая тайна для олимов. Потому что я сказал, что у меня язва, а она и ухом не повела.

Три дня попринимал я таблетки – опять глаза на лоб лезут. Но уже от гастрита. Боль в ноге они заглушают, но гастрит им не по зубам, потому как от них он и рождённый. И, похоже, запланированный ещё в секретных лабораториях разведцентра на предмет выявления чистоты еврейской крови.

Ну не выдержал я экзамен! Что теперь? Пришлось опять бежать в купат холим, но уже только к русскоговорящему врачу.

Та встретила меня, как привет с Родины.

– Ну как там? – спрашивает.

– Плохо! – говорю. – Домарковский первичный бандитизм! О-ох!..

– Это хорошо, – говорит врач.

– Что хорошо?

– То, что мы вовремя смылись.

– Ты-то вовремя, – думаю. – А я-то – убеженец!

Она как услышала.

– Бедный ты наш! – говорит.

– Не только бедный, – отвечаю. – Теперь ещё и несчастный!

– Сейчас, сейчас... Я вам оптимальнейший вариант назначу... – успокаивает она и первым делом ещё один укол всаживает...

Не буду подвергать сомнению методику соотечественницы. Думаю, она правильная. Но только в тот момент не для меня. Я, видимо, слишком большая околоеврейская аномалия. Что подтверждается дальнейшими событиями.

Назавтра я упал на четвереньки и явиться к врачу в этом состоянии не решился. Боль свалила безжалостная. А кто-то из доброхотов-мифотворцев предупредил меня, что на дом врачи не ходят. А если и ходят, то за очень большие деньги. А какие у меня деньги? (Нет чтобы позвонить и проверить. Но мифы, мифы! Как мы к ним привыкли!) Закусил я губу и говорю жене:

– Делай обезболивающий укол!

Она плачет:

– Боюсь! Ни разу не делала!

– Господи! – стону я. – Вот подушка! Тренируйся! Да не вздумай тратиться на одноразовые шприцы! У нас есть отечественный “Рекорд”!

Вскипятили шприц с иглками, а всё белое от осадка. Вода тут такая.

Кое-как промыли...

Набрал я лекарство, а в нём всё равно туман молочный колыхается.

– Эх, доля ты моя русская! – кричу жене. – Не пропадать же добру! Всаживай!

Та слезами заливается:

– Боюсь!..

– Всаживай! – ору благим матом.

– Хлоп!

Всадила!

Поршень кое-как жмёт, шприц ходуном ходит... А я вспоминаю цвет лекарства и шепчу:

– Пронеси, Господи!..

Пронесло!

Но боль всё равно через четыре часа вернулась как миленькая.

Неделю я метался. Макал в свежевыписанную мочу тряпочки и оборачивал ими больные места, медитировал с вытаращенными глазами (хотя какая тут медитация при такой острой боли?), голодал всухую сутки с половиной, остервенело массировал точки на ногах, руках, полусумасшедшем лице и ушах и молился в классической мусульманской позе истово и с ожесточением.

Не помогло!

Кричу жене:

– Давай телефон этого частника-пирата! Который вылечил от астмы знакомую твоей знакомой! Он вроде меньше берёт, чем в купат холимах (миф!). Что важнее, в конце концов, – кошелёк или жизнь?

Сразу оговорюсь – я человек нежадный. Но чего мне это стоило, отцу семейства, могут понять только олимпы, которые приехали, как и я, практически без копейки. И которые ринулись вкалывать где попало и за любую, даже самую издевательскую, оплату. Лишь бы не оказаться через полгода без крыши и куска хлеба. Полгода здесь выплачивают кое-что. Так называемую “корзину абсорбции”. Чтобы олимпы ноги не протянули и было кого, при случае, в армию брать, и чтоб покупали что-то, дабы оборот товаров, а значит бизнес, был. В общем, позвонил.

– Доктор, – стону в трубку. – Больно! В пору верёвку мылить!

– Мужайтесь! – отвечает мне бодрый мужской баритон. – Я выхожу!

Ах, какой это оказался врач! Сказка! Умница! Настоящий санкт-петербургский интеллигент! И вообще человек во всех отношениях мне симпатичный. Первое, что он мне сказал:

– Не волнуйтесь! Я много с вас не возьму!

– Я, конечно же понял, что это психотерапевтический приём, но всё равно стало вроде как легче.

Отменил он тут же, ввиду моего гастрита и тонкого склада души, все обезболивающие таблетки и уколы, вытащил из кейса ультразвуковые и лазерные коробочки, ещё какие-то электростимуляторы и здоровенный американский электромассажёр, который я сразу же интуитивно переименовал в “Ледоруб Троцкого”. Потом перекрестился... Нет, это мне от боли показалось. “Ледоруб” он спрятал обратно, а решил предварительно промассажировать меня ручным дедовским способом. Поплевал он на руки... Да нет! Опять видения... Посыпал он руки тальком – вот что! Посыпал он, значит, руки и меня этой белой землицей и начал...

Плакал я после его процедур всю ночь. Причём уполз в зал на матрац, чтобы дети и жена этого не видели и не слышали.

На другой день то же самое, но по восходящей. То есть если в прошлый раз Бог мягко намекнул на кое-что, не дав использовать “ледоруб” (переходника какого-то в кейсе не оказалось), то теперь уже тот заплясал по моей спине и ноге, как цыган на свадьбе.

– О, бедный я! О, несчастный! – завыл я уже каким-то совершенно утробным голосом.

– Бывает... Это реакция на физиопроцедуры... – попробовал успокоить меня мой милый доктор, но видя, что эффекта нет, добавил: – Ваш папа был бы доволен...

Удалось! Последняя фраза вернула мне часть мужества. Дело в том, что мой покойный, но на всю мою жизнь горячо любимый и почитаемый мною родитель был врачом-физиотерапевтом.

И я терпел! Во имя здорового и светлого будущего. Как все мы семьдесят лет при псевдосоциализме. А куда было деваться? Что толку орать? Впрочем, толк какой-то иногда есть. Дитя не плачет – мать не понимает! Когда из меня, несмотря на стиснутые зубы, начали вырываться совсем уже какие-то потусторонние звуки, целитель остановился.

– Что-то не то... – начал он недоумённо и добавил: – Назначу-ка я вам антибиотики...

Гений!

Мало того. Безусловно, ещё и герой. Потому как сомневающийся частнопрактикующий врач – банкрот. У них у всех здесь (да и там с некоторого времени) такой вид, как будто они ещё с мединститута как Бога за бороду схватили, так теперь чёрта с два отпустят.

Ну ладно! От боли какую только правду не скажешь. А если учесть, что я, как-никак, ещё и большая околоеврейская аномалия, то вообще – какие могут быть претензии?

Однако боль начала очень медленно уменьшаться. Тем более что я по своей обострённой от неё интуиции, стал ещё и аспирин принимать. И хотя этими жуткими ночами я всё так же колыхался в полузабытьи, стоя на четвереньках, но о верёвке с петлёй уже не помышлял. И ни хроническое недосыпание, ни аккумуляция боли, ни действительность, похожая на бред, меня не трогали. Потому как надежда забрехала. И голос Бога зазвучал всё громче и настойчивее.

Во-первых, луна пошла на ущерб. И врач куда-то пропал. Правда, через четыре дня он, сильно извиняясь, явился, но было уже поздно. Я почувствовал, что без его целительного

пыточного набора мне лучше. И чтобы окончательно убедиться в этом, а также в присутствии Всевышнего, всё таки разрешил доступ к своему телу. В последний раз! А как иначе приобрести истинную веру? Только через собственный опыт и знания!

И я не ошибся. Уже через час после ухода “благодетеля” Божественное присутствие подтвердилось. Да ещё как! Скрежеща зубами и подвывая, я набрал номер телефона и вдруг неожиданно рассмеялся. Вы бы слышали этот смех!

– Доктор! – прогромыхал я, плача уже от счастья. – Чек мы вам выпишем на ту сумму, какую скажете. Но у меня есть одна просьба. Только одна! Пожалуйста, не откажите мне в ней!

– Да! Конечно! – очень приятно и интеллигентно прозвучало в трубке.

– Не приходите больше, доктор! Пожалуйста!..

Он не обиделся.

Гений!

P. S. Я ещё с трудом хожу. Но уже довольно уверенно стою. Правда, пока не сижу. Поэтому эти строчки пишу всё в той же звериной позе Маугли. Но я пишу, а не плачу. И даже – наоборот! Незадолго до этого я вызвал своего очаровательного семейного врача из купат холима, заплатил за вызов вполне приемлемую сумму и... свершилось чудо! Она поглядела на меня, бегающего по полу, как таракан, с тапочками на ногах и руках, и очень удивилась.

– Никогда ещё, – сказала она, – я не видела, чтобы при выпавших дисках так шустро скакали. А ну встань и иди!

И я встал и... пошёл! Как Лазарь! Тихо посмеиваясь от счастья и со слезами умиления вспоминая Христа, я, как безногий Мересьев, делал первые свои шаги и, словно молитву, шептал любимый каламбур моего незабвенного родителя: “Несмотря на лечение, больные выздоравливали... как мухи!”.

Правда, теперь сказали, что печатать меня не будут до тех пор, пока я не сниму штаны и не покажу свой обрезанный “документ”.

Посмотрим!

Если напечатают, то, значит, и это миф!

ДЕРЖИТЕ УРОВЕНЬ, ГОСПОДА!

Никакой ностальгии по прошлому не должно быть, если жизнь всё интересней и интересней. А впереди самое интересное – смерть! Что там дальше? Это же жуть как интересно! Главное, чтобы процесс шёл естественно и по Божьему расписанию. И мучений чтоб в меру. Чтоб не до петли и животного озлобления, а лишь для контраста и стимула.

И, судя по всему, я пока в графике. Пытаюсь, по крайней мере, не выпадать из него. И в море накупался, и от боли настрадался, и в людях не до конца разуверился. Последнее – самый большой подарок! Да ещё здесь – в Израиле! Здесь ведь и эфиоп, и марокканец, и русский, и кореец, и француз, и англичанин, и Бог знает кто ещё – все евреи. И никто никакой пакости мне не сделал (ну, за исключением этого... или того...). Хотя, судя по рассказам и моим наблюдениям, это совсем не правило, и мой вариант скорее временный и случайный, чем постоянный и стабильный.

Может быть!

Но я не бьюсь головой об стенку. И тем более стараюсь нюни не распускать. Просто – без толку! Как говорил поэт: “Плачешь ты или смеёшься – всё равно один конец!”. Так пусть будет и у вас больше так, как у меня сейчас, а не иначе. Глядишь, и поменяются местами правило и исключение.

И вообще, если море кишит акулами, так теперь что – и золотой рыбке не радоваться?

Ну, уж нет!

Дудки!

Надорвал я позвоночник, и надо было просветить его на СИТИ (рентген со всех сторон) в Тель-Авиве. Так одни знакомые подруги моей жены везли меня за тридцать километров лежащего в своей машине в ночь и передавали с рук на руки другим, таким же не близким и совершенно не родственникам. И те практически эту ночь не спали (просвечивание было назначено на четыре утра). Они погрузили меня уже в свою машину и сопровождали везде и всюду. Это же какой ценности подарок от Бога! Это же не евреи, а ангелы! И страна, и даже мир должны знать своих героев – вот они! Говорят, есть ещё одна такая в большем своём проценте качественная нация – американцы! И хотя я думаю, что россияне и вообще все жители бывшего Советского Союза будут всё-таки позабористее, но всё равно – если это так, то рай на земле действительно не за горами. Это я точно вам говорю. Так что держите уровень, господа! Не опускайте планку! И тем более не гадыте сами себе. А то зашёл я недавно в “Сохнут” (это организация, которая призвана опекать первое время репатриантов) и слышу “Песнь песней” века двадцатого:

– Не-на-ви-жу! Ох, как я вас ненавижу! Я таких, как вы, ещё в Советском Союзе ненавидел! Вы не будете работать на этом месте! Не-ет! Я сделаю всё, чтобы вы здесь не сидели! Я организую кампанию!..

– Ну всё! – думаю. – Опять кому-то что-то не заплатили или недодали.

Все вокруг тоже насторожились.

Красивая по форме, но совершенно безобразная по скучному и равнодушному выражению лица девица лишь отодвинулась.

– И из-за чего крик? – зевнула она. – Не понимаю...

– Слава Богу, чепуха какая-то! – опять подумал я и облегчённо вздохнул.

И хотя действительно была чепуха, но многие войны из-за неё-то и начинались.

– Как из-за чего? – давась и брызгая слюной, возопил ещё громче явный академай, то есть мужчина с высшим образованием. – Вы хотели продать мне этот билет? Хотели?

– Ну и что?

– Вы же сказали: купите билет, а потом я вам скажу, кто будет выступать. Это что? Издевательство? Как вы работаете? Где программа? Надо, чтобы люди знали, какие артисты приезжают. Я прав или неправ? – обратился он к публике.

Все сочувственно закивали.

– Да мы и сами не знаем, кто приедет... – зевнула девица.

– Так почему вы продаёте билеты? – захлебнулся от возмущения мужчина. – Почему?

– Хотим и продаём. Не хотите – не покупайте. И что за народ эти евреи – вечно все им чем-то обязаны... – ещё раз зевнула “гипсовая красавица” и отвернулась.

– А ты-то кто? Не еврейка? – закричали репатрианты. – Пригрелась, бездельница! Вы не евреев собираете, а дешёвую рабсилу! Пушечное мясо!..

– Пошла канитель! – подумал я и выбежал на улицу.

Солнышко светило, птички пели, цветики благоухали, где-то неподалёку шумел прибой. Я вспомнил знакомых знакомых моей жены и улыбнулся.

– Говорят, евреи любят деньги. Лучше бы они друг друга любили! Как, впрочем, и все остальные люди... – подумал я и, продолжая следовать Божьему расписанию, пошёл окунуться в бурные, но одновременно и ласковые волны Средиземного моря.

РОМАНС СВИРИДОВА

Если человек несчастный, то это совсем не значит, что он хороший. И не всегда его нужно жалеть.

Знаю я таких!

Да и вы знаете.

То они от обжорства страдают, то от диеты при полных холодильниках, а то от того, что якобы все деньги в дело вложили и теперь на бобах сидят. И труженики все... Ну, просто зашибись! Это про их страдания писал Алексей Константинович Толстой: “В нашей Думе вчера мы с трудом осетра съели!..”.

Недели две назад стою на улице, играю на скрипке, а передо мной две дамы встречаются. Лет сорока-сорока пяти. Обе сытые, цветущие. При лимузинах и бриллиантах.

Расцеловались.

Прослезились.

Видно, что давно не виделись.

– Как дела? – спрашивает одна.

– Ну что тебе сказать... – отвечает другая. – Очень тяжело работаю. Вчера сказала своим детям: “Дети, если я умру – не плачьте! Знайте, что мама пошла отдыхать!”.

– Вот-вот! – говорит первая. – Я своим примерно то же самое говорю...

Да что там далеко ходить!

Есть у меня знакомые. И вчера и до сих пор они жалуются, что им плохо.

Стоим мы как-то с сыном на панели у центрального универмага, что в Алма-Ате на Казахстанщине. Он в саксофон дует, а я на гитаре наяриваю. Денег подадут с каждым днём всё меньше и меньше. Те, кто их имеет, пешком не ходят. А если и ходят, то от них не дождёшься. А тем, кто ходит, самим впору подавать. Вдруг:

– Привет! Как жизнь?

Смотрим – наши знакомые.

– Да вот, – отвечаем. – Нищенствуем!

– У нас тоже дела неважные, – говорят. – Вон в тапочках стоптанных ходим уже третий год. Да и на бензин не хватает. Машина старая. Жрёт, как слон!..

Так и пошли эти бедняги. Сын удивился: как не побрезговали подойти-то.

Я говорю:

– Видимо, тапочки маскировочные, а вернее, просто удобные, позволили снизойти.

И как в воду глядел! Потому как через полгода они свой, далеко не самый худший, “Мерседес” продали и “с трудом” “БМВ” купили. Новенький и уже самой большой модели. С бензоколонкой!..

А у нас как вчера всё было “о’кей!”, так и сегодня. Я стою по утрам на улице Смелянски в городе Нетания, что на Израильщине. А сын – напротив ирии (мэрии). Он как дул, так и дует, а я уже не на гитаре, а на скрипке наярываю. Выпиливаю смычком, как лобзиком, романс Свиридова. И подают тут всё меньше и меньше. Хотя я играю всё громче и громче...

*...А у нас как вчера всё было О’кей,
так и сегодня...*

Письмо одиннадцатое

ИСКУШЕНИЕ

Уронил мужик огромный бумажник. Тот упал, раскрылся, а в нём доллары до упора спрессованы. Мужик садится в машину и дверцу закрывает...

– Господи! Неужели уедет? Неужели успеет до того, как я к нему подбегу? – думаю я.

И это потому, что мировоззрение у меня почти религиозное. И убеждения крепкие – у каждого свой счёт в занебесном банке. И всё, что ты урвёшь здесь, мелочь по сравнению с доходами там, если не урвёшь. Но также я точно знаю, что если что-то найдёшь и рядом нет владельца, то не бегай в поисках. Не гневи Бога! Принимай с благодарностью Его подарок. А вот если рядом хозяин – верни! Иначе – воровство!

– Что-то тяжело бежать... Вроде недалеко, а ноги заплетаются... Но нет – мужик уже мотор завёл... Надо успеть... Это твой шанс! Давай, давай!..

Счётчик поднебесный стучит как бешеный. Во всех частях тела...

Успел!!!

Поднял бумажник и машину чуть ли не за колесо остановил.

Мужик бумажник швырнул на сидение и по газам...

Даже спасибо не сказал...

Вот такие вот жуткости... До сих пор сомневаюсь – правильно ли я поступил? И никто меня не утешит. Разве что только смерть...

Письмо двенадцатое

САМЕЦ!

Когда не о чем говорить, всегда можно поговорить о деньгах, любви и погоде. Центральная тема мне особенно близка. Но и первая не лишняя. Поэтому, придерживаясь бытовой формулы, гласящей, что счастье – это избавление от всякого несчастья, я всё время жду от жизни пакостей. И они не задерживаются...

А раз так, то лучше снизу вверх, чем сверху вниз. То есть – от худшего к лучшему, чем наоборот. Тем более что недавно и сын пришёл к выводу, что в этом мире или вначале муки и

ломки, а потом удовольствие, или вначале удовольствие, а потом муки и ломки. Нет, он не наркоман и не садомазохист. И даже не алкоголик. А просто нормальный человек. Вот я и повторяю время от времени для допинга:

– Расчитывай на худшее, а надейся на лучшее!

Вчера пошёл наниматься в дворники и... не взяли! Мест свободных полно, а для меня – нет. Рожа моя не вызывает доверия. С очками – тем более! Шибко выгляжу умным для такой деятельности, а потому опасным. Надсмотрщики-то все по большому благу и родственно-этническим связям подобраны! Работа у них непыльная (в основном по домам сидят да по своим делам шастают), а зарплата обильная. Раз в шесть больше, чем у нас. Да и рекомендательного письма нет. А кто мне его даст? Некоторые знакомые меня уже давным-давно за сумасшедшего держат. Это не те, которые со мной нянчились, а те, кто на словах, как на гусях, а на деле, как на балалайке. Когда с позвоночником проблемы были, они своей болтологичностью ещё проявляли какое-то участие и, маскируясь этим под настоящих людей, очень меня умиляли, но как только я объявил, что буду продолжать писать, да ещё и на русском, а не учить иврит и искать работу более денежную, – всё! Улыбаться ещё улыбаются, но это уже улыбка психиатров. Оказывается, в действительности их никто не интересует сам по себе. Только если стоит вкладывать в тебя своё внимание, гостеприимство и участие. Тогда – пожалуйста! Тогда – мы твои друзья и благодетели! На то время, конечно, пока стоит, и, в основном, опять же, на словах. И это – самый лучший вариант. Это вершина их нравственной и духовной красоты!

Плюнул я смачно, взял свою скрипочку – и на панель. Мимо меня счастливые и, в противоположность мифам о плотном профессорском контингенте в этой среде, не очень интеллектуальные дворники с колясками, ведрами и метлами идут. Улыбаются! Один остановился, послушал-послушал, палец большой поднял и, как медаль, мне пришлёпнул: – самец!

Я ещё шустрее заиграл. Высокая оценка требует высокой отдачи!

Пилю и думаю:

– Эх, Аркаша, нам ли быть в печали! Не везёт в карьере – повезёт в Божьей любви! Да если на то пошло, то есть только два статуса – счастливый и несчастный! А разве я несчастный? Хоть и малая копейка, но всегда есть. И то, что смысл жизни не в деньгах и побрякушках, а в общении, тоже не каждому дано чувствовать. Только когда кто-то близкий умирает, что-то у некоторых в мозгах по-настоящему просветляется. А уж что качество общения – счёт перед собой и Богом, – это вообще известно немногим. Как и то, что это качество определяется по тому, чему ты служишь – мёртвому или живому, разрушению или созиданию. Удивляют меня люди: мертвечине поклоняются (тем же деньгам, например!), а жалуются на жизнь...

Думаю я так, думаю и не замечаю, как напротив полицейский на мотороллере останавливается.

– Аллэ! – кричит он мне, и я опускаю смычок.

Сейчас с панели гнать будет. Такое хоть и редко, но бывает.

Полицейский вежливо, но твёрдо говорит что-то на иврите, и я делаю вид, что понимаю его. Впрочем, я действительно его понимаю. Но не по словам, а по интонации, жестике и предыдущему опыту. Кому-то из соседних домов уже дурно от моих музыцирований, и он вызвал полицию.

– Беседер! О'кей! – киваю я и ухожу, хотя и с досадой, но и не с тяжёлым чувством.

Хуже было бы, если бы человек мучался и молчал. На его-то небесный счёт – плюс, а на мой-то – минус (это из области моих представлений о мире!).

Теперь вопрос: куда пойти? Там, где народ течёт рекою полноводной, через каждые двадцать метров седые орлы с гармошками сидят. Если встать между ними – заклюют. А где нет людей, там нет и смысла.

Походил я, походил и встал напротив магазина с живописью. Всё как-то ближе по духу. Сначала тихонько заиграл, чтобы впечатление было, что я здесь всегда был, но, когда пять шекелей бросили, не выдержал. Как грянул “Кумпарситу”, так вся улица как будто вздрогнула.

– Э-э! Алло!..

Чёрт меня дёрнул! Опять гонят!

Сунул я скрипку в футляр, футляр под мышку и зашагал.

Только встал опять на каком-то перекрёстке, как ко мне зрелый такой мужичок подкатывает. С револьвером за поясом. (Тут многие с огромнейшими револьверами ходят. Ситуация такая!) Ему поговорить захотелось. И с талантливым-то он подонком и КГБешным провокатором Жириновским пил, и с нынешним президентом России тусовался, и вот такой дурак, что не в Америку поехал, а в Израиль. Ну, типичная подстраховочная еврейская песня “У разбитого корыта”. Потому что этот заслуженный жириновец, как офицер безопасности, очень и очень не без средств к существованию.

Полчаса терзал он меня, а я делал вид, что жутко ему сочувствую. Когда этот осколок империи и свидетель и участник её падения ушёл, я чуть не заплакал от счастья, так мне легко стало. Общение общением, но когда и оно навязанное, то это жуть!

Поиграл я минут десять – ни копейки! И тут подходит ко мне знакомый нищий. Он мой тёзка, но уже пенсионного возраста. Тёзка не ждёт, как я, милостей от природы, а прямо подходит к людям и просит у них.

– Сынок! – обращается он ко мне. – Мне тебя жалко! Твою скрипку слышно по всему Израилю и дальше, а в футляре пусто. Эти мерзавцы сами только калекам дают, и то потому, что в синагогах им за это рай гарантируют.

– Так у меня тоже со спиной проблемы, – пытаюсь отшутиться я, но мой тёзка сегодня очень серьёзен и также очень небрит.

– А кто это видит? – говорит он. – Надо написать! Или трясись на “вibrато” всем телом.

– Помехи будут, – продолжаю шутить я.

– Главное, чтоб деньги были! Мне очень нужно, чтоб не только этим... было хорошо, но и тебе. Тогда я буду спать спокойно. Не так будет обидно за себя и за остальных людей.

– Спасибо, старик! – говорю я, и глаза мои влажнеют. – Я постараюсь. Но только ради тебя. Для меня всё-таки сознание первично, а материя вторична!

Ах, как я заиграл после его ухода! Денег, правда, не прибавилось, но настроение улучшилось.

– Самец! – снова ударило, как хлыстом.

Смотрю, а это тот же, что и утром, дворник-перс большим пальцем трясёт, и рот у него, как радуга, – от уха до уха.

– Сыграй “Полонез» Огинского, – говорит. – Я его с детства люблю.

– Пожалуйста!..

– Самец! – ещё раз ударяет по эфиру перс и, послушав, идёт дальше.

Некоторое время настроение держится, но опять полицейский гонит. Уже непонятно почему, однако я тут же ухожу. С властью спорить, а тем более на русском, не только бесполезно, но и опасно. Однажды, в Казахстане, мой сын попробовал по молодости и неопытности. Слава Богу, жив остался! Поэтому я не возникаю. Хотя домой идти рано, а играть совсем не хочется. Когда денег нет и заработать не дают – жуткое состояние! Последнему никайонщику позавидуешь (это тот, кто полы моет и убирает). У него верный кусок хлеба, а я даже эту подработку найти не могу. Прямо судьба какая-то. Будто кто-то коридор ставит, чтобы я шёл, куда ему надо. Чтобы опыта определённого набирался...

А! Была не была! Пойду играть напротив мэрии. Там обычно сын стоит, но сейчас он уже ушёл. С обеда мой наследник готовится к экзамену в Иерусалимский университет. Не стоять же и ему всю жизнь с протянутой рукой! Но и не быть таким, с кем меня на днях познакомили. Этаким молоденький метроном-бизнесмен. Прагматик до тоски зелёной. В сущности труп, но подвижный и деятельный, как сперматозоид. С одной лишь разницей – тот стремится слиться, чтобы дать новую жизнь, а этот – чтобы разложить и сожрать.

Дошёл я до мэрии, подстроил скрипку, рванул “Чардаш» Монти, а сам думаю:

– Хрен ему! Я давно уже больше человек, чем скотина. И трижды биофил! Со всеми первично-вторичными половыми признаками и созидательной страстью. То есть хочу, хочу и ещё раз хочу... но уже спать! И этот кайф я не променяю ни на какие коврижки. Чего и вам желаю. При условии, что “Дай!” – это животное, а “На!” – ЧЕЛОВЕК.

(Звучит быстрая часть “Чардаша» Монти.)

ПРЕТЕНЗИИ НИЩЕГО

ПОПРОШАЙКИ

Много говорят неудачники. Удачники молчат в тряпочку. Вот и я хочу поговорить. Тем более, что сегодня никто ещё и шекеля не бросил в мой старенький футляр из-под скрипки. И это плохо! И совсем не потому, о чём вы подумали. Это и так ясно! А потому, что опять жена поднимет скандал о моём статусе. А как же! Даже её подруги краснеют, когда узнают, на что наша семья сейчас существует.

Статус действительно... Следующий – только на том свете!

– Или ты уйдёшь с панели и будешь учить иврит, или я уйду! – слышу я каждый раз, когда выручки нет.

Да и когда есть, тоже. Но особенно всё-таки, когда нет.

Ей – стыдно!

А мне?

Это пустой трёп, что уличным музыкантом быть так же почётно, как адвокатом. Чёрта с два! Не знаю, как кому, а для меня это Голгофа. С техникой у меня не ахти как. Ну не профессионал я скрипичный, не профессионал! Всего год учился игре на скрипке в далёкой юности – и вот на тебе! Пригодилось! Выкручивая смычком что-нибудь вроде “Сентиментального вальса” Чайковского, я стараюсь забыть, где я и что я. Но – бряк! – монета упала. И я кланяюсь и спасибо на иврите выговариваю.

Кстати, о иврите. Учил. Пробовал. Много раз. В основном, ещё там. В Казахстане. Без толку! Никакой язык мне недоступен. Поэтому, чтобы зря время и силы не тратить, я его уже и не пытаюсь учить. Можете считать меня идиотом, но вот так. Правда, я здесь встречал самых что ни на есть заслуженных клинических идиотов, и они на трёх и даже пяти языках изъяснялись. Пускали слюни, мямлили, но их понимали. И не такие же, как они, а гораздо более умные... А у меня с языком – глухо! С любим! Кроме русского. Да и тот всё время приходится подучивать. Например, в современный сленг, пришедший из русских тюряг, я тоже не врубаюсь совершенно. Вроде каждое отдельное слово понятно и образно до удивления, а вместе – чистый ребус. Ну и с работой благодаря таким моим неспособностям выбор практически нулевой. Вот и стою. Кормить себя и семью-то надо!

Конечно, временные подработки какие-то перепадают. Но это редко. На днях, например, толкал тачку с камнями. На археологических раскопках. До тех пор, пока столларовые штиблеты вдребезги не разбил и такую же сумму не заработал. Но об этом кайфе в другом рассказе. А в этом...

В толстенной русскоязычной газете “Время” статью про мою и моего сына деятельность один лауреат премии “Золотое перо” накатал. “Два-Лапидус-два, Чучундра (это наша собачка) и другие” называется. Вы бы её прочли – ещё больше бы прессу зауважали:

“...Тем временем старшая Лена нашла работёнку. Младшая грызёт школьный гранит. Победивший иврит Олег с саксофоном вышел на просторы нетанийских улиц. А вскоре к уличному музыцированию на полусогнутых коленках приступил и сам Лапидус-старший...”

Как вам это нравится? Мне – очень! Типичный шедевр свободомыслящей журналистики. Никакую работу, и тем более работёнку, старшая пока не нашла. Младшая – семнадцатилетняя – грызёт, в основном, сигареты с такими же, как она, архаровцами и приходит домой под утро. А насчёт смертельной схватки с ивритом я от сына вообще ничего не слышал. И тем более об исторической и достойной победе над ним. Он и с английским-то как-то не особенно конфликтует...

Вот насчёт моих полусогнутых – это правда. Тогда они от боли в позвоночнике и в ноге были, а теперь от состояния души. А что малюсенькая, обшарпанная, блохастая и трёхлапая собачка Чучундра только “педигрипал” лопает – это вообще чушь. Она прибилудилась к нам перед самым отъездом в Израиль, и на всякие собачьи консервы у неё аллергия. Ей, как и Гекльберри Финну, по душе только помои или что-то в этом роде, естественное и смачное.

Однако ещё одну монету бросили!

Спасибо! Большое спасибо! Здоровья вам и счастья! Ничего, что это самая мелкая монета. Главное, что от сердца... Ведь кто подаёт? В основном пенсионеры, инвалиды и дети. От тех, кто побогаче, – не жди! Разве что только процедят сквозь зубы:

– Иди, работай! Молодой, здоровый, а побираешься. Как не стыдно! Позоришь нас!..

Вот! Им плевать на меня. Главное, что я их позорю!..

– Стыдно! Мне стыдно! Ещё как! – говорю я. – Может, у вас есть приемлемые для меня предложения?

Нет предложений! Никаких! Только добрые пожелания...

Какой-то мужик долго мне втолковывал, что он наркоманам ни за что не подаст. Я говорю:

– Если человек просит и ты в состоянии дать – дай, а не рассуждай. Наркоман тоже не от хорошей жизни руку протягивает. Он попался в капкан. Он гибнет! Так если ты не можешь вытащить его, то хотя бы прояви человеческое участие монетой. И потом, откуда ты знаешь, что это наркоман, а не современный, но несвоевременный Королёв, Эйнштейн или Никола Тесла, которых и жёны и все родные бросили за их дурацкие и бесполезные для сиюминутного семейного бюджета идеи?

– Нет, – говорит мужик. – Я сразу вижу, кто наркоман, а кто нет.

И в карман вроде полез, да раздумал. Видимо, и меня вычислил...

Кстати, очень многие в карман руку засовывают, а вытащить никак не могут. Им помочь надо, да некому. Так и идут по жизни. Понурия голову...

Я их понимаю. И очень сочувствую. Они ещё людьми не стали, но процесс уже пошёл. Трудный и мучительный...

Ну и, конечно, очень трогательно наблюдать, как многие в футляр заглядывают и беззвучно то, что там есть, подсчитывают. Как бы к себе примеряют. На всякий случай... Некоторые увидят, что мало, и бросают что-то. Вроде как бы себе в будущее. Спасибо и им! Потому что есть и падальщики. Эти смотрят очень целеустремлённо! Им наплевать на то, что если кто-то и насоберёт за весь день и вечер что-то, то это же какой ценой! Часто лёжа голяком на картонке. Посреди тротуара. В грязи, соплях и собачьем дерьме... Недавно два здоровенных лба нагнулись якобы за тем, чтобы бросить что-то, и один украл монету в пять шекелей. Единственную!

Я им говорю:

– Может, ещё надо, так берите! Ещё шекелей на пять есть...

Никакой реакции. Только посмеиваются. Мелкие им не нужны. У них статус – ого-го!

Подобного даже в теперешнем нищенском вчерашнем Советском Союзе не случилось. Там бомж или бандит скорее сам бросит, чем вытащит. Тем более за “Аве Мария” Шуберта...

И вообще плохо подают. Особенно музыкантам. Очень плохо! Может быть, в других зарубежных странах по-другому, а в Израиле – плохо. Но самое унижительное и тяжёлое – это когда совсем не подают. Играешь, играешь... До судороги в руках... И ни гроша...

Вот и сейчас один посмотрел в мой почти пустой футляр, послушал-послушал и говорит:

– Ну и скучная страна! Не-ет! Здесь делать нечего!

И пошёл...

Потом опомнился, вернулся и, бросив десять шекелей, добавил:

– Спасибо! А то тут можно сдохнуть от тоски...

(Звучат первые такты “Кампанеллы” Паганини.)

Письмо четырнадцатое

ГОЛОС

Сижу я как-то у моря, люблюсь на закат, и вдруг как шарахнет неизвестно откуда:

– Прекрасная страна Израиль! Здесь почти каждый становится тем, кем он есть на самом деле. И если вы вдруг стали только с утра до вечера вкалывающим и жующим быдлом, то вы им всегда и были. При всех ваших дипломах и степенях!..

– Господи, где же ручка? Ага, вот она...

Записал! Успел! Ничего вроде в организме не наушилось...

Любуюсь дальше...

Полнеба в золоте и в малиновом соке.

Ну, благодать! Ну, восторг!..

И вдруг:

– Живите сегодня! Завтра может не быть! Но только живите, а не мусорьте!

– Ручку! Ручку!..

Записал. В ногах слабость и дрожь. В глазах... Ничего нет в глазах! Лупают на закат – и всё!

– Не верьте никому! И мне тоже! Ни в коем случае! Верьте только себе! – снова прогремело над морем, и снова услышал только я.

– Господи, ты ли это?

– Да! Это ты!

– Кто – ты? Я или ты?

Молчание...

– Навязанное добро – зло! – кричит в возмущении уже мой внутренний голос, и тут же точно такой же, но откуда-то снаружи, отвечает:

– Правильно! Потому что нет худа без добра!..

Чистой воды психиатрия! Для нормальных людей. А для меня – норма! Потому и твержу я ежедневно, и особенно после каждого такого контакта, свою собственную, уже знакомую вам, молитву:

– Спасибо тебе, Господи, что послал мне трудности, которые я в силах преодолеть!..

Письмо пятнадцатое

В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО

Если вы приедете в Израиль, то вряд ли встретите сразу же и везде таких идиотов, как я. Есть у меня даже подозрение, что я здесь вообще один как перст.

– В начале было Слово. И Слово было у Бога. И Слово было Бог, – говорю я, а мне отвечают:

– Можешь засунуть свои умные мысли себе в задницу. В начале были деньги!

Вот они – герои-потомки Ветхого и Нового Заветов! На лимузинах и в золоте. И хоть бы один из них сказал, что у него есть деньги. Ни у кого нет! Бедные люди...

Впрочем, и на моей неисторической Родине, то есть не в Израиле, таких – валом. Особенно теперь... Где-то с полгода назад там одного моего знакомого – владельца “заводов, газет, пароходов” – угрохали. Тремя выстрелами. В упор! Среди бела дня, в его служебных апартаментах, на глазах у посетителей и с контрольным выстрелом в голову.

Убийца сел на мотоцикл и – вжик! А тот дохлый лежит и на своё богатство пялится. До этого у него сначала дочь угрохали, потом мать, и уже после этого – жену. И ему не наука! Тем более, что он часто со мной спорил (Со мной всегда есть о чём поспорить. Я какой угодно, но скучный – никогда!). И я ему не раз говорил в своей юродивости, что богатым, в принципе, может стать каждый (можно, в конце концов, убить или ограбить), а талантливым – никто. Да и тут разное качество. Например, талант делания и добывания денег всегда желудочно-кишечного корня, а не сердечно-духовного.

Без толку!

Он был из тех умников, которые всегда считали, считают и будут считать, что всех и всё можно купить. Даже вечную память и признание. Дело, якобы, только в цене...

Ну что ж, коль скоро этот рассказ будет читаться из века в век, то в вечность мой знакомый попал. Правда, задарма. Не брать же деньги с покойника! А поскольку я идиот, ещё не увековеченный даже таким скромным памятником, как собор Василия Блаженного, то продолжаю талдычить, гутарить и медаберить, что в начале было слово (оно же – Мысль!). И слово было у Бога. И слово было Бог. С чем вас и поздравляю!

Потому что это – хо-ро-шо!

Письмо шестнадцатое

ТРИ ВЕДРА ДЕРЬМА

(письмо на неисторическую Родину)

Здравствуй, дорогой и многострадальный земляк! Русский, казах, украинец, турок, уйгур, дунганин, кореец, евреец и кто угодно ещё.

– Израиль – не та страна, куда надо ехать и где надо жить! – говорили мне не очень умные, но очень практичные люди.

И они, конечно, правы. По-настоящему тут хорошо только паломникам. Так было во времена Марка Твена, так – сегодня, и не дай Бог, чтобы было завтра. Даже местные миллионеры предпочитают большую часть года жить не здесь, а остальные только мечтают об этом.

И я бы никогда не поехал, если бы это было возможно. И не только в Израиль, а вообще никуда. То есть съездил бы на заработки, попутешествовал бы и вернулся. На Родину! Не мифическо-историческую, а фактическую. То есть даже не туда, где родился, а где вырос и где мой бесконечно любимый отец закончил свой земной путь.

Но нет у меня Родины. Лишили! Ни за что, ни про что. В тот день, когда объявили коренную национальность титульной нацией.

С этого момента что бы я ни делал, кем бы ни был, но раз появились титульные от рождения с титульно-государственным национальным языком, то я всегда второй, третий и чёрт-те какой ещё изначально ущербный. И уж тем более не хозяин на этой земле, а в лучшем случае гость. И даже если бы я загримировался под казаха, меня бы всё равно в два счёта вычислили.

– Говоришь на казахском?

Нет.

– Пошёл вон, выродок!..

Впрочем, и раньше очень ощутимо и противно делили людей по национальному признаку и языку. Но так откровенно, нагло и на государственном уровне стали только теперь. В период так называемой демократизации, а в действительности – монархизации и фашизации.

– Крутитесь! – объявило государство.

И покатались люди и людишки. И ещё раз убедились, что земля круглая, а они – ничтожные шарики и винтики, которыми власть предержажие и имущие манипулируют, как хотят.

Но это теперь там, а я, слава Богу, здесь. Где мне тоже обещали ведро дерьма в меню. Я даже шутил по этому поводу. Мол, сойду с трапа самолёта и потребую его немедленно. Для экономии времени. Чтобы не растягивать это кулинарное удовольствие на годы.

Чёрта с два!

Всякий естественный процесс нужно очень осторожно ускорять или замедлять, а лучше совсем не трогать. Во-первых, инфляция увеличила это ведро, как минимум, втрое, а во-вторых, нельзя вылечиться, приняв всё лекарство сразу. И главное – где этот товар? Тут даже похоронных процессий не увидишь. Сгоряча можно подумать – страна бессмертных. Это уже где-то через месяц я узнал, что мрут так же бодро, как и везде, только на это торжество надо успеть. Хоронят в тот же день, в который умер, и никаких оркестров и фанфар. Правда, листовки в чёрной рамке развешивают, но чтение – дело муторное. Наверное поэтому в этом ортодоксально-еврейском штате как бы Америки принято всё время улыбаться, громко, как кони, ржать и к месту и ни к месту повторять слово “беседер!”, что то же, что и “о’кей!”.

– Как живёшь?

– Беседер

– Родители здоровы?

– Беседер! Умерли!..

Трудно сориентироваться с непривычки. Только-только разрезинишь рот в улыбке, а деньги у тебя уже и вытянули. И в основном за жильё. Что ж вы хотите! Израиль – государство-ростовщик! Традиционно специализированное. Поэтому при всём этническом многообразии – мононациональное. И эта национальность – деньги!

Приехавших из СССР (СНГ) выручает русский оптимизм. Он будет посильнее американского. А что делать остальным? Как объяснишь им, что самое надёжное и полезное – не выть от отчаяния, а приплясывать и повторять после “беседера”:

– Это горюшко не горе! Горе будет впереди!..

Но и это заклинание не всегда помогает. Уж как я старался видеть только хорошее и чувствовать только положительное! Бог тому свидетель! Даже заголовок для сборника первых рассказов, написанных тут, придумал фантастический: “В Израиле всё спокойно...”. Что-то вроде пожелания на завтра...

Не получилось!

Жизнь не обманешь. Она пестра и, пока пестра и контрастна, интересна (за исключением моментов, когда убивают друг друга или гнобят). И всё, что я писал и пишу радостное, –

правда, а не радостное – тем более. И, наперекор бескомпромиссным реформаторам, очень часто из одного получается другое, а из другого – первое.

Зная это, я не выбирал место жительства в Израиле. Вернее, думал поехать в Хайфу.

– Хайфа – для кайфа! – выпевалось очень заманчиво. Но когда переезд стал не литературной конструкцией, а реальным ужасом, мои нервы не выдержали, и я во всём положился на Всевышнего. По-русски – на авось!

Сработало!!!

Оказалось, что из того, что здесь есть, Нетания – самое лучшее. Для меня! Кому-то и Иерусалим – не груда камней и хлама, а рай. А некоторым даже Тель-Авив – роскошество, хотя на сегодня, безолабернее города я не видел. Впрочем, какие мои годы! Да и критерии оценок у меня скорее биологические, чем прагматические. Об арабских поселениях я вообще молчу. Их уровень экологического и архитектурного комфорта для меня непостижим. Вот и живу теперь, как Буратино (он же Пиноккио), в городке на берегу Средиземного моря. Со своим длинным носом. Поскольку ко всем своим заблуждениям прибавил ещё одно – всякий гость от Бога. Даже если это враг! А к тёплому морю кто же не поедет? Тем более ко мне. На полный халявный пансион... Так что... Милости просим!..

Вот и Петрович с Алкой Ивановой с Родины, кстати пожаловали. Слава Богу, – Алка только на двадцать дней. Потому что Петрович – на шесть месяцев! Он разумно решил капитально обосноваться у меня. Ну, чтобы сэкономить и подзаработать как следует на житие на своей украинской фазенде...

– Здравствуйте, дорогие! Да нет, не просто дорогие, а самые дорогие! Во всех отношениях! Что смотрите так удивлённо? Херувимчик я, херувимчик! От слова “хер”! С рожками и усами. Где там моя гитарочка?..

А у меня сегодня творческий застой,

Ко мне приехали знакомцы на постой.

Они коньяк киряют, шоколад едят,

Но всё равно я им (ох!) чрезвычайно рад.

И дальше на чистейшем иврите:

Хевейну шалом алейхем!

(Мы принесли вам мир!)

Хевейну шалом алейхем!

Хевейну шалом алейхем!

Хевейну шалом, шалом,

Шалом алейхем!..

*(Песни, музыка и пьянка от зари до зари,
от темна до темна.)*

Херувимчик я, херувимчик! От слова “хер”!

Письмо семнадцатое

КАТОРГА

Уже второй час Давид любовно обмахивал щёткой показавшийся из земли огромный дикий валун. Я и Марина смотрели на него с удивлением. Растерзанная экскаватором очень пересечённая горная местность удручала своей противоестественностью. Да и моя охрениологически-археологическая эпопея мало была похожа на жизнь. Эмоциональная Марина (библиотекарь из Брянска) ещё радовалась, когда находила осколок керамики шеститысячелетней давности, а я уже на всё это плюнул. Романтика соприкосновения с веками быстро разбилась о тачку, кайло, вёдра с землёй и камнями и солнце. Тем более, что накануне я прочёл в газете, что раньше на этих работах использовали только заключённых, и то по их

желанию. Теперь же это было одно из государственных средств борьбы с безработицей. с соответствующей минимальной оплатой и, наверняка, рентабельным наваром для посреднической конторы.

В километре от нас рвануло, и столб пыли обозначил место взрыва.

– Бомбят! – вскрикнула Марина и на всякий случай присела.

– Да нет. Дорогу прокладывают, – успокоил Давид.

От старания он даже высунул язык. Похоже было, что бывший владелец всех платных туалетов города Евпатории любил чистоту, порядок и завершенность во всём, так как прямо на наших глазах камень превращался в ювелирное украшение.

И это было оценено и одобрено. Ещё не сильно искушённые студентки-археологички, приставленные надсмотрщицами, похвалили нас не за малозаметное, но трудное рытьё вглубь, вбок и вверх, а именно за этот впечатляющий “бриллиант”.

Тут же бодрые три щётки Затрещали, как трещотки!..

И не зря! Поверхность матушки-земли повеселела и быстро стала приобретать праздничный вид.

В перерыве все трое расположились в тени дерева, одиноко растущего именно на нашем участке. Тут я окончательно расслабился и, жуя бутерброд, произнёс свою “Нагорную проповедь”.

– Израильтяне! Евреи – тоже! – сказал я. – До центра земли нам сегодня не дорыться. Да и завтра вряд ли успеем. А в ширину и длину вся поверхность до самого горизонта такая же неухоженная. Так что спешить смысла никакого. Ну, найдёшь черепок глиняный, и что? Этих черепков у них тонны, и хотя и пытаются они склеить из них что-то, но это дохлый номер. А главное, к нам никакого отношения не имеющих. Даже если мы откопаем золотой клад, то нам как платят по минимуму, так и будут платить. Значит, что?

– Нашёл золото – беги! – усмехнулся Давид.

– Ну, это само собой. Но если мы хотим продержаться до этого, то надо изо всех наших мощных интеллектуальных сил стараться ничего не делать, но чтобы впечатление было обратное. Даже в этом случае из нас всё равно выжмут все соки. Но попозже. А пока разум нас не покинул – будем людьми!

– Да! – с интонацией Капицы – ведущего передачи “Очевидное – невероятное” – сказал Давид.

– Вот, – продолжил я. – Тут без творчества и актёрской игры не обойтись. Вы видели когда-нибудь, как работают уголовники или рабы?

– Нет, – в один голос ответили Давид и Марина.

– А я видел. Только надзиратель отвернётся – они застывают как вкопанные. Повернулся – медленно пошло движение. Если этого не делать – смерть! Загонят и похоронят! Нормы-то никакой! Утром выгнали – вечером загнали. Нам ещё повезло, что мы на периферии раскопок и просматриваемся только с востока. Да ещё и с почасовой оплатой. Так что – за дело! Время – наш друг! Всё остальное – враг!

Ах, какой это был спектакль! Мы даже умудрились задействовать в него рычащий экскаватор с водителем-израильтянином. Тот мало что понял, но очень вовремя вставал между нами и наблюдательным пунктом археологов.

И все были довольны. Земля же вокруг приобрела такое качество, что можно было ожидать посадки НЛО. Видимо, поэтому я перешёл на космическую терминологию. Периодически глядя на часы, я выкрикивал:

– Пять минут прошло – полёт нормальный! До перехода на орбиту схардиры (съёмного дома родного) осталось три часа тридцать минут!

– О-ох! – облегчённо вздыхали все.

На четвёртый день Марина начала говорить о том, что на природе всё-таки лучше работать, чем у предыдущего конвейера в вонючем цехе, а Давид не убил очередного скорпиона, а эвакуировал его за пределы раскопок.

Но, увы! Долго это не могло продолжаться. Жизнь не кино, где можно остановить кадр и прокручивать понравившееся место до бесконечности. И хотя и говорили древние, что “С Востока – свет!”, но нам он принёс тьму. На пятый день оттуда выпрыгнула и быстро побежала к нам мадам лет тридцати пяти. За ней, жалобно чирикавая, семенили наши юные надзирательницы. Замерев на секунду перед ослепительно отполированным ландшафтом, мадам сунулась в ведро с черепками и, не удовлетворившись, начала повышать голос и тыкать в землю, небо и нас. А поскольку ни она, ни студентки не знали по-русски ничего, кроме мата, которому их научили мстительные русскоязычные репатрианты, то я на фоне их чувственных криков опять толкнул речь. Причём, как и должно было быть на Святой земле, пророческую.

– Финита ля комедия! – сказал я. – Ни слова не петрю на их птичьём, но интонация выше смысла. А всё из-за меня. Ещё вчера хотел стырить каменный кувшин из-под навеса и отрыть его здесь, да поленился. Русский характер! Но я не сдамся! Пусть меня распнут и лишат этих жалких шекелей, но ритм и погоду буду задавать я, а не они. А то русские такие, русские сякие! Знай наших! Мы не рабы – рабы не мы!..

И нас расформировали.

Мало того! Мадам приказала экскаваторщику вывернуть дерево с корнем на предмет обнаружения под ним чего-нибудь искусственного.

Дерево сбросили в овраг, и... Давид заплакал... Мадам прямо взвилась. Биофильная сентиментальность крымского владельца туалетов была ей как кость в горле. Тем более, что как самый мощный среди нас знаток иврита, Давид, нежная и наивная душа, тут же, не

вытирая слёз, попытался сохранить наше трио. Уже в дальнейшем, когда мы сталкивались тачками, он только сплёвывал, если была слюна, и матерился...

Одна Марина устроилась терпимо. И, слава Богу! Ей удалось застрять на таскании вёдер с камнями под тентом. Меня же поставили в самый центр (на солнце!). Прямо у стола, который и был командным пунктом мадам и её юных архедам и, естественно, находился в тени.

Очаровательно улыбаясь и нахально-восторженно оглядывая бугристо-гофрированную фигуру мадам, я несколько раз очень вовремя ввернул “Бьютефул вумен!”, что в переводе с английского кажется означает “обалденная бабеч!”, и под прикрытием этой стратегической лести начал обработку нагружающих мои вёдра и тачку:

– Реже! Реже!

– Что реже? – удивился широкоплечий Ефим.

– Реже ударяй киркой! Да и заступом гребни не особенно... Земля не баба! От того, что ты её всё сильнее и яростнее долбишь, она тебе благодарностью не ответит. Смотри на эфиопа! У него в крови, как надо работать в каменоломнях!

– Вери гуд, камарад! – показал я большой палец чёрно-синему юноше, и тот очень хитро и умно подмигнул мне.

Ефим и эфиоп работали в вырубленных в земле больших прямоугольниках глубиной метра в полтора. А дальше был ещё один пустующий квадрат, в котором зияла дыра с установленной над ней лебёдкой.

Прямо напротив, уже в другом, гораздо более глубоком квадрате, рылась симпатичная стройная девушка. Ей бы на подиум или конкурс красоты, а она – тут!.. Безденежье – вещь жестокая и глупая! Её не было видно из-под земли, и лишь иногда показывались полные вёдра, и другая девчужка поднимала их наверх. Тут две толстые тётки просеивали содержимое вёдер на предмет обнаружения чего-нибудь неприродного. Накануне здесь нашли что-то и теперь ждали следующих сюрпризов.

Но особенно надеялась на это, конечно, мадам. Алчный, ненасытный огонь археологизма и гробокопательства пожирал её, а она всех. Мёртвое стало важнее живого, и этот стержень любого фанатизма рушил последние остатки разума и смысла. Благодаря ей теперь вместо трёх перерывов был один получасовой и ещё жалкие пятнадцать минут, чтобы справиться большую и малую нужду. Остальное время шла всё ускоряющаяся гонка вгрызания в грунт, а возмущавшихся тут же увольняли и назавтра набирали других.

Те, кто работали под тентом и под Святой землёй, как-то ещё терпели, но на солнце был ад. Физическая нагрузка в сочетании со зноем обезживали в считанные минуты. После каждого броска с тачкой я пил как лошадь, и всё равно вместо языка был рашпиль.

К счастью, вскоре кто-то упал вместе с тачкой в пропасть, и, пока его и инструмент доставали и возвращали на этот свет, возникла возможность отдышаться.

Потом (наконец-то!) мой эфиоп, не торопясь, отрыл огромное каменное блюдо (я только хотел что-то подобное стырить и закопать, а он, бестия, видимо, это сделал!), и дикая толчея и пляски “профи” вокруг него опять отвлекли внимание от нас. Тем более, что приехало какое-то археологическое светило.

– Фима! – взмолился я. – Медленнее и плавнее! И по полведра, милай! Руки отваливаются!..

– Вы с ума сошли! – раздалось над скалой на чистом русском, и мы вздрогнули. – Под скалу не рыть! Неделю назад тут под лебёдкой уже завалило одну!

– Я всегда знал, что Бог сегодня говорит на русском, – благодарно отозвался я. – Хвала Всевышнему! Но фронт работ нам определяет вон та мадам...

– Вот пусть она и лезет, – хмыкнуло светило (а это было оно!) и врезало мадам по первое число, но уже на иврите.

Последствия сказались самым неожиданным образом. Видимо, приняв переведённую кем-то из наших на иврит шутку профессора за разрешение, мадам после его отъезда взяла фонарик и, счастливо напевая, полезла именно в эту дыру в третьем квадрате. Теперь Ефим спускал ей с помощью пресловутой лебёдки вёдра, и они тут же взлетали назад полные с верхом.

Десяти минут не прошло, как территория квадрата затоварилась. Мне дали в помощники Давида, но мы всё равно не успевали. Тем более, что хоть как-то экономить силы стало совсем невозможно и они таяли катастрофически. После подозрительной находки эфиопа эта фанатка так жаждала найти что-нибудь собственноручно, что рылась, не в пример ему, как крот.

Наконец случилось то, что и должно было случиться: мадам завалило. Её откопали и привели в чувство, но рабочий день кончился.

– Как смерть косит: справа налево или слева направо? – спросил я Ефима, и он, радостно улыбаясь, тут же ответил:

– Прямо и под себя!

– Правильно! – подхватил Давид, освобождая тачку от заступов, кирок и лома. – Труд делает из человека обезьяну и умервщляет её!

– Нетворческий труд! Нетворческий! Бедная обезьяна... – прошептал я и... потерял сознание.

ЛЕСТНИЦА В НЕБО

Каждое утро выхожу один я на дорогу и кого ни увижу с котомкой, в которой бутерброды, к тому и пристаю с просьбой замолвить за меня словечко на предмет хоть какой-нибудь работёнки.

Запуганные безработицей вчерашние евреи Советского Союза ещё больше пугаются и дружно мычат что-то отрицательное. Такое впечатление, что каждый панически боится, что я его могу подсидеть.

И работают-то кем? Дворниками, полумойками, подсобными рабочими и чёрт его знает чем ещё подобным.

Казалось бы, какой тут может быть шовинизм? Ан нет! Они элита, а я шваль подзаборная...

Ну, Бог им судья, а я разворачиваюсь и иду домой. Там беру на руки облезлую приبلудную “Особую московскую” болонку Чучу и напрямик к набережной. Сажусь на скамейку и, поскольку кругом ни души, то или беседую с ней, или перехожу на внутренний монолог.

– ЧЕЛОВЕКАМИ не рождаются. ЧЕЛОВЕКАМИ становятся! – говорю я. – Я, Чуча, видел собаку, которая была ЧЕЛОВЕКОМ, а вот ЧЕЛОВЕКОВ среди людей вижу нечасто. Вот бежит один трусцой. Кто он?..

Смотрю я на спортсмена-пенсионера и немного успокаиваюсь.

– Чем больше узнаю людей, тем больше я люблю зверей! – горестно шутил мой родитель, и теперь я начинаю понимать почему.

Не случайно в благополучных странах так начали почитать животных. Наелись, напились, наигрались в машинки и барахло и вдруг обнаружили, что вокруг пусто и одиноко. Потому что всю жизнь было пусто внутри. А ЧЕЛОВЕКАМИ-то быть хочется. Вон как бодро бежит этот. Ему так хочется, что хоть волком вой. По образу и подобию Божьему и непременно с большей частью Его в себе.

Знаю я его! Бывший ювелир из Киева. Родился-то вроде бы как человекообразным, а ЧЕЛОВЕКОМ так и не стал. И немудрено! Ещё городничий из “Ревизора” Гоголя удивился, когда вместо лиц увидел одни свиные рыла.

А женщины? они так эмансипируют, что уже и женщинами перестают быть. Ни семьи, ни детей им не надо. Для них это – рабство!

Но если отчаянная борьба за личную независимость переросла в обособленность и отчуждённость, где же и как ЧЕЛОВЕКАМИ становиться? ЧЕЛОВЕКАМИ-то можно стать только общаясь. А общение – это всегда зависимость и взаимоотдача.

– Да Чуча, эгоцентристам, жадным и скаредным, как вон тот ювелир, ловить нечего. Родились человекообразными, а умрут амёбами. И после смерти ими и будут.

Я прижал собачку, и она лизнула меня в щёку и твякнула.

– Ну-ну – не пугайся! Тебе это не грозит. Ты существо невинное, и путь у тебя, пока не стала ЧЕЛОВЕКОМ, только вверх. Да и этому ювелиру особого горя не будет. У амёбы тоже есть органы чувств, а значит, и удовольствие получать можно. По первой сигнальной системе. А может, и по второй тоже. Никто точно не знает этого. Память отшибает начисто, когда в новую жизнь перемещаешься...

– Вот и я ничего не помню, – продолжаю я мысленно. – Хотя кое-что странное и малоэстетичное в сны прорывается. Иногда проснёшься и не понимаешь, на каком ты свете и в каком воплощении. Простое ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ участие воспринимается, как чудо, а нежелание показаться перед знакомыми в невыгодном виде – как подвижничество.

Ну, это ясно! Эйфория вырвавшегося из ада естественна. На абсолютно бескорыстные жертвы способны очень немногие. И я не среди них. Каждый раз, сварганив доброе, я думаю:

– Ага, доброе дело сделал! Молодец!

Но всё-таки это хорошо. А хорошо потому, что перспективно. А перспективно потому, что созидательно. А созидательно – значит, по Божьему предначертанию. В общем, оправданий своему несовершенству масса...

А как я некоторых знакомых идеализирую! Особенно на бумаге:

– Ангелы! Серафимы!..

В действительности, когда эмоции стихают, я очень чётко вижу трудности принятия ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ решений, слышу споры – “помочь-не помочь...” и точно знаю, где из последних сил терпели меня и как облегчённо вздохнули, когда я ушёл.

– Эх, суча Чуча, посеешь поступок – пожнёшь привычку, посеешь привычку – пожнёшь характер, посеешь характер – пожнёшь судьбу, а пожнёшь судьбу – пожнёшь или рай, или ад, и, в основном, здесь. И у тебя то же самое! Эволюция и деградация души несомненны, и, когда учёные подтвердят это экспериментально, ничего нового не произойдёт. Со временем всё встанет на свои места, и каждый остаётся перед собой и Богом при своём свершившемся истинном качестве – бальзам оно или яд.

Собачка завиляла хвостиком, и я даже на секунду подумал, что до неё что-то дошло из моей сущёной зауми.

Но – нет! Чудеса потому и чудеса, что случаются редко. Прямо по газону к нам спускались два добермана с хозяином. И не успел я сообразить, что может произойти, как Чуча вырвалась из рук и, радостно повизгивая, поскакала на трёх лапах общаться (задняя правая лапка у неё была сломана ещё до нас и, видимо, в детстве, так как так и не выросла до нужного размера, а ветеринары, желая ей жизни, отказались от операции).

Хозяин доберманов что-то закричал на своём нерусском языке, но было уже поздно. Элитарные псы набросились на мою бывшую бомжиху, и её радостный визг перешёл в такое качество, что даже ювелир остановился и шатнулся в нашу сторону в предвкушении кровавого зрелища.

Но очень везуча собаченька Чуча! И из-под колёс-то она на моих глазах раза два неведимой выскакивала, и тут каким-то образом осталась без единой царапины.

Ювелир разочарованно вздохнул и потрусил дальше. А я вспомнил Бельфера-папашу (напоминаю – это один из тех, кто принял нас в первый день приезда в Израиль).

– Вот ты уже и трезветь начал, – сказал он на днях. – Израиль и израильтяне – далеко не везде сахарной пудрой посыпаны!

Мужественный человек! он знает истинную цену себе и тем, с кем общается, и мои благодарственно дипломатические панегирики не замутили его разум.

Но, увы, увы – и я трезвый бываю всё чаще и чаще. И это ужасно! Иногда так хочется чисто по-лермонтовски забыться и заснуть, но тут подъём в четыре утра и бегом на поиски заработка. Иначе семья с голоду окочурится или распадётся. А могут и на улицу вышвырнуть за неоплату съёмной квартиры (такой вариант видел своими глазами!). Поэтому я и пьянею от радости и дурею от счастья, когда мне протягивают руку и улыбаются. Хотя и тут знаю, что в лучшем случае это делается для собственного психологического комфорта, а не для меня.

Чуча уткнулась носом в мою ладонь и замерла. Это было, конечно, приятно. И всё-таки я подумал, что получать удовольствие оттого, что кто-то от тебя получает удовольствие, – ещё не верх достижений. Это, конечно, лучше, чем блаженствовать за счёт чьего-то неудовольствия, но и это ещё корысть животная.

– Да, собака, – сказал я вслух. – Настоящий ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ уровень – это когда может быть удовольствие себе, а может и не быть, а часто и наоборот – одни муки, но всегда, по возможности, удовольствие другим. Да ещё и когда это уже естественное состояние, а не волевое решение. Без досады, самоедства и колебаний. Дай-то Бог нам с тобой хотя бы приблизиться. Да и подработку хорошо бы. Деньги надо иметь (в двух смыслах!), чтобы о них не думать!..

Я погладил Чучу и, взяв её, поднялся.

– Э-эх, Чучундра! – с наслаждением потянул ся я. – Можно, конечно, плюнуть, но тогда незачем обижаться, если после смерти каким-нибудь пнём или тараканом будешь. Я лично не хочу. Я и человекообразным-то не хочу больше рождаться. Надоело!.. Как там у Володи Высоцкого:

Стремилась ввысь душа твоя,
Родишься вновь с мечто-о-ю!
Но если жил ты, как свинья, –
Останешься свиньё-о-ю!..

Но очень везуча собаченька Чуча!..

Письмо девятнадцатое

СЧАСТЬЕ МОЁ

Степень свободы – это степень манёвра. И деньги, безусловно, его (манёвр!) дают. В какой-то степени... Так что я ничего не имею против них как средства для манёвра. Да и кто что имеет против средств как средства? Особенно если он их имеет. Но, с другой стороны, можно оставаться и в тюрьме свободным и быть рабом на свободе. В данном случае – рабом денег и всего, что на них приобретается. Очень часто очень обеспеченные не замечают, как становятся счастливыми из знаменитой притчи:

– Ура! Я поймал медведя!

– Так тащи его сюда!

– Да он меня не пускает!..

Я это к тому, что мне такая охотничья ситуация не грозит. И назвать меня сегодня даже малообеспеченным – это взять на душу лютый грех. А свободы хочется. Без неё – хреново! Как и без средств к ней. Иначе зачем бы я при моём здоровье и возрасте пошёл работать на мусорную машину рабочим на подножке. Это такая железная пластина по бокам задней части кузова-контейнера мусоровозки.

Мне бы, конечно, в дворники, но не прошёл по конкурсу. Алкаши, бомжи, еле ползающие старцы проходят, а я не прошёл. Видимо, есть во мне что-то особенно ущербное... А как мечталось о вольном воздухе, метле и совке!..

Но я не терял надежды, которая, как известно, умирает последней, а ждал звонка из мусороцентра. Не того, что дворниками командует, а одного из тех, что мусоровозками заправляет.

Надо сказать, что я ярко выраженная сова. То есть всю жизнь просыпаюсь не раньше девяти утра. Если на час раньше, то весь день болею. А тут работа начинается с пяти. Вот и встал я в четыре и сижу, покачиваюсь. Напрягаюсь что есть силы, чтобы не рухнуть обратно на диван.

Пять! Звонка нет. Шесть! Нет! Я как на иголках. Семь! Плюнул, упал, заснул!..

На другой день сплю без задних ног – стук в дверь. Сам хозяин за мной пожаловал. Я, как чумной, за ним... Прямо с постели. Не попивши, не поевши, не пос... Ну, ясно! Всё забыл от волнения. Работа есть!!!

Едем в машине. Хозяин – молодой русскоязычный атлет с двумя синими жилками у левого виска – что-то втолковывает мне о динамике предстоящей деятельности, но я почти ничего не слышу. Тем более, что улавливаю, что работать надо всего четыре часа (в действительности, оказалось полных семь!).

Назад пути нет! Мужчина, не притащивший к семейному очагу мамонта, – потенциальный импотент!..

А вот и мусоровоз. Здоровенный, как автобус. А около него человек крутится. Как оказалось вблизи, ещё более крепкий и накачанный, чем хозяин. Он одним махом выдёргивает контейнеры из дворов, нацепляет их сзади машины на зубья, потом нажимает одну из трёх ручек, и гидравлика поднимает их и вываливает мусор в чрево кузова. Другой рычаг – и мусор зажёвывается вовнутрь.

Я сразу понял что к чему и темп взял спринтерский. Впрочем, другой был и невозможен. Хозяин, увидев, что я справляюсь, понаблюдал немного и уехал.

– Работа! Работа! – тут же услышал я и вздрогнул. Напарник оказался коренным израильтянином с запасом русских слов в количестве – три! Шофёр – тоже!

– Работа! Работа! – нетерпеливо и жёстко повторил израильтянин и ткнул пальцем в очередные контейнеры.

И поехало... Вернее, ехала машина, а мы за ней бежали. В основном, конечно, я. Только контейнеры опорожнишь и назад на место откатишь, а машина уже тронулась. Если успел на ходу на подножку вскочить – твоё счастье. До следующих контейнеров доедешь. А нет, то ноги в руки и догоняй. Догнал и налево. Или направо. Схватил контейнеры, разгрузил, поставил на место и бегом за отъезжающей мусоркой. Вскочил на подножку, уцепился за то, что под руку подвернулось, о железки шарахнулся всеми частями тела и едешь, отдыхаясь. Если с правой стороны уцепился, то только вонизм и смрад из помойного чрева, а если с левой, то ещё и выхлопная труба дизельным зноем обкатывает.

Голова кругом!..

Где-то через час до меня начало доходить, что я влип. Да ещё как! И дело было не в том, что контейнеры попадались неподъёмные (для меня!), и даже не в темпе, беге и прыжках, каждый из которых мог закончиться под колёсами. То, чего я боялся и что ненавидел всю жизнь, явилось мне во всём своём великолепии: манёвра не было! Никакого! Как привязанный к хвосту обезумевшей кобылы, я бежал и бежал, а молодой пролетарий Эрец Исраэль (Земли Израильской) только подбадривал:

– Быстро-быстро! Давай-давай! Работа!..

В одну телегу впрячь не можно осла и трепетную лань! – машинально огрызнулся я после очередного его допинга.

– Йя! Йя! – ничего не поняв, на немецком согласился туземец и оттолкнул меня, чтобы поправить контейнер.

– О соли мио! – ещё через какое-то время прохрипел я уже на плохом итальянском, поскольку впопыхах не взял никакого головного убора.

Теперь то одной ладонью, то другой я пытался прикрыть макушку. И улыбался. На все четыре стороны. Всё время. Как иностранец в гостях. Улыбкой мертвеца...

На моё счастье, израильтянин тоже к этому времени поджарился. Он остановил машину и, подбежав к какой-то вилле, начал пить из уличного крана. Я тупо уставился на белое пятно кипы, но, как только она отпала, ринулся к воде и облился с ног до головы.

Однако остудиться и напиться как следует туземец не дал.

– Работа-работа! – прокричал он опять, и дизель тронулся.

Следующий же контейнер оказался со строительной пылью. Когда машина опорожнила его, облако цемента и чёрт его знает чего ещё окутало нас и осталось на мне. Теперь любой

житель мусорного бачка или отстойника сгорел бы от зависти, глядя на мой дизайн. Даже суровое лицо туземца смягчилось. Правда, не от чёрного чувства, но и не от сочувствия тоже. Какое-то подобие довольной улыбки мелькнуло и сразу же ушло обратно в подполье.

Эта неадекватная реакция меня и озадачила. Неожиданно я увидел то, что не хотел бы увидеть никогда. Меня “прописывали”. И как новичка, и как репатрианта, не знающего местного языка. Причём ничего не делая для этого специально. Да и не нужно было ничего делать! Чуть меньше пауза, чуть больше скорость – и всё. То, что я мог запросто сдохнуть, никого не волновало. Так же, как и в тюрьме никого не волнуют ощущения и претензии того, кого насилуют по кругу...

И я обозлился! Не озлобился, а именно обозлился. Как когда-то в далёкой юности перед соревнованиями.

И произошло то, что должно было произойти: усталость исчезла! Сразу! В один миг! Как будто кто-то выключил или включил что-то в организме.

– Если тебя ударили по одной щеке, подставь другую! – тут же прозвучало в голове как приказ, и я, обычно не согласный с таким способом пробуждения совести у толстокожих, благодарно подчинился. В данной ситуации это был единственный вариант, ведущий к победе. Поэтому я выполнил его так, что у истязателей глаза заметно расширились.

Нет, я не бросился под колёса и не нырнул в помойное чрево, хотя там уже плескалось непередаваемое по привлекательности белёсое озерцо жидкого ядовитого вонизма. Я снова стремительно растянул рот до оптимистической бесконечности и начал то, что и не кончал.

Но как!

Контейнеры летели, как пустые коробки из под обуви!

Мало того!

Успевая обслуживать свою сторону, я начал перехватывать ёмкости израильянина...

Но главное – это лёгкость, с которой я бежал. Такое было только в далёкой юности, когда я марафонил по 20–40 километров перед соревнованиями. Напоминаю: “Лёгкие сжимались и разжимались автоматически, и я был не я, и всё происходящее виделось как будто бы со стороны!”.

Пресловутая подножка была мне теперь до фонаря. Даже когда машина сделала длинный перегон, я только махнул рукой на приглашение туземца занять своё почётное стоячее место.

Теперь я летел над землёй, как ангел, и хотя и обливался водой ещё раза три и налипло на меня, соответственно, в три раза больше всякой дряни, но туземцы (шофёр и мой напарник) уже не хихикали. Они поняли, что я не окочурюсь от разрыва сердца, как предыдущий репатриант. Он умер именно у этой машины. Об этом я узнал недели через две и покрылся гусиной кожей, так как неожиданно до конца осознал, как был близок к этому.

Ох, как близок!..

Вот и всё!

По инерции, а вернее, от невозможности остановиться, я делал в этот день ещё что-то по дому, но когда мне позвонил хозяин с двумя синими жилками у виска и стал уговаривать выйти на работу завтра, я отказался. Как раз в это время энергетический реактор выключился, и я сказал ему, что нельзя зарабатывать деньги ценой жизни. Неважно – своей или чужой...

Он меня не понял. Как и не понял, что у меня за дама дома, по имени Тахикардия, и которая до сих пор не уходит. Моя невероятная для новичка стойкость и предполагаемая сексуальность произвели такое впечатление, что шеф по очистке даже предложил мне работу в русском мусорном экипаже. Это было значительное повышение и исключительная привилегия, но я и от этого отказался. Наотрез!..

И, как и раньше многое, правильно сделал. Интуиция и прошлая спортивная память не подвели. Только на пятый день я перестал пить валокордин и смог ходить, не вскрикивая на каждом шагу от боли в мышцах ног и рук.

Для тех же, кто, к своему счастью, не знает, что это за препарат, поясняю: валокордин – сердечное лекарство, а не особый вид алкоголя или наркотика.

Нет, надо всё-таки пробиваться в дворники, а не хвататься за что попало. Савланут! Что означает по-местному, туземному, – терпенье и труд всё перетрут! О, звонок! Неужели оттуда! Вот счастье-то! Бегу, бегу!..

Лихо лётает метла

Над дерьмовой кучей.

Я бы в дворники пошёл –

Пусть меня научат!..

(Звучит танго Оскара Строка
«счастье моё».)

ЗВЕРОСКОТИНИЗМ

Скорость эскадры определяется не по самому мощному эсминцу или крейсеру, а по самому слабому. Так что смело можете ориентироваться на меня и тех, кому ещё хуже. И не надо называть нас неблагодарными. Оттого, что мы недохнем молча, а кричим благим матом, Израилю, да и всему миру, только польза. Дольше просуществуют! Хотя, если быть до конца честным, то я считаю, что любое учреждение и государство – враг человека. Образуясь для нас, они в конце концов всё больше работают на себя, а значит, против нас. И не надо рассказывать басни про хорошего бюрократа. Как человек он может быть и хорошим, а как бюрократ – никогда!

Однако одновременно с этим я верю и в торжество бюрократии. – То есть если тебе положено, то будет всегда, а если нет, то можно найти какую-нибудь закорючку, по которой всё равно – есть! Но это, конечно, с адвокатом или другим таким же “бескорыстным” ангелоподобным братом.

Эти служители закона и безжалостные выжиматели “бабок” мне и объяснили, что по государственному эталону Израиля я оказался в самой паршивой возрастной группе. Ещё не пенсионер, но уже и не молодой жеребец.

А раз так, то и на работу не берут и никаких пособий не платят. Даже пособия по моему травмированному позвоночнику не положено, хотя нога болит и иногда, как и раньше, даже сидеть трудно. Говорят, если бы я был одиночка, то платили бы, а так как у меня семья, и жена работает, то не полагается. Как будто бы на её жалкий минимум можно прожить мне, ей, семнадцатилетней ученице-дочери и хроменькой собачке Чуче.

Такую еврейскую, а вернее, бюрократическую логику мне – простому человеку с коктейлем наций и жизней в душе и крови – не понять. Хотя “чистокровные” евреи что-то разнюхивают и меры предпринимают. Многие, например, перед приездом в Израиль разводятся и, если есть дети, делят их, чтобы получать пособия как матери и отцы-одиночки. Этот народ быстро ориентируется во всём, что касается денег, хотя в этом не только его счастье, но и большая беда, так как, если не опомнятся, то в будущем – вырождение и гибель.

Но это – когда ещё!.. А пока колесо Божьей коррекции не повернулось, гибну я. Но не до конца! Днём я судорожно хватаюсь за скрипку, а по утрам ищу работу.

На днях повезло несказанно. Ходил я, ходил в полупридушенном дёрганном состоянии вдоль трассы Нетания – Тель-Авив, клячил, клячил, и наконец один русскоязычный работодатель сжалился. Он взял меня никайонщиком (Напоминаю – уборщиком!) в супермаркет. Это в тридцати километрах от Нетании – в северной части Тель-Авива. Щётка, совок, тряпка, ведро с водой – и вперёд! Одним махом выбился на передовую ступень аристократически-профессиональной лестницы репатрианта из СНГ.

О зарплате и не спрашивал. Дай Бог, если минимум, а то и меньше. Тут все работы подобной квалификации, как правило, оплачиваются одинаково. Причём неважно, лёгкая работа или граничащая с инфарктом и инсультом.

Эта была – в самый раз! И хотя здесь тоже ни на секунду не давали присесть и остановиться и через восемь часов ноги деревенели, но это же никакого сравнения с бегом за мусорной машиной. Рай, да и только! Тем более, что общения прорва. Почти все продавцы и остальные никайонщики – русские. То есть с теми же совершенно местными фигурными носами и хитрожопыми глазами, но оттуда – из СССР.

Казалось бы, мочи полы и радуйся!

Но, – нет!

Не такой я, чтобы почивать на лаврах!

Это обо мне поётся в романсе: “А он, мятежный, просит бури, как будто в бурях есть покой!”.

Правда, в народе проще про то же самое говорят: “Свинья всегда лужу найдёт!”.

И я нашёл!..

Тут не было наблюдательных телекамер, и их функцию выполняли люди.

Окружающие привыкли к такому порядку, как к вони, и вряд ли могли понять, почему естественное для них недоверие и слежка обрушились на меня так сильно.

– Обворовать! Да не как-нибудь, а начисто! – прозвучало в голове уже после первого часа работы.

И никаких угрызений совести! Наоборот, я вдруг всей кожей почувствовал великую справедливость лозунга “Грабь награбленное!”. И раньше я сильно подозревал, что иногда “бомбануть” ближнего не грех, а подвиг, но теперь как будто бы кто-то поставил под этой криминальной мыслью печать.

Напрягая все свои режиссёрские и актёрские навыки, я стибрил для начала пару конфеток и одну растворил во рту.

Жевать было опасно!

За каждым углом мог быть соглядатай!

Не успел я об этом подумать, как главная из них уставилась на мой распухший от блокнота карман. Плотноядно шевеля пальцами и губами, эта ворона в чёрном пиджаке, чёрной юбке и с чёрной сумочкой начала приближаться. Хищный и алчный взгляд падальщика выдавал её с головой – торговая полиция!

Представляете?

И я не стал ждать, когда она схватит меня за вещественное доказательство, да ещё, не дай Бог, не за то. Я вынул блокнот и, распушив, встряхнул. Из него тут же, к моему ужасу, выпало что-то коричневое...

– Конфета! Нет! слава Богу, таракан!..

Мадам криво осклабилась и, не прекращая движения, тут же пристроилась к какой-то рассеянной гражданке, забывшей свой чек у кассы...

В тот же день я ещё раз чуть было не вляпался. Уходя с работы, я почти что вынес свои недоеденные бутерброды и виноград. Персонал ахнул, когда узнал об этом. Пришлось выбросить всё в мусор. Как бы я доказал, что виноград из дома, а не из магазина?

На другой день я не взял никакой еды. А по инерции забыл и деньги. Уже в супермаркете я вспомнил, что сегодня придётся ехать на общественном транспорте (обычно была подвозка). Это подогрело мою психику ещё больше. Тем более, что “ворона” появлялась в самый неподходящий момент и в самых неожиданных местах. Своё поганное дело она знала, а я своё не знал.

В обед, когда голова закружилась от напряжения и голода, я всё-таки стянул питу (маленькая лепёшка) и поднялся в раздевалку, где стояли два стола, стулья, кипятильник, а у умывальника лежали сахар, кофе, заварка и молоко (до сих пор не знаю: ворованные или кем-то купленные для всех). Только я сел и поднёс лепёшку ко рту, как сидящая за другим столом молоденькая кассирша спросила:

– А почему пита без начинки? Вы её через кассу пронесли?

Кровь ударила мне в голову.

И эта туда же!..

Получает такие же гроши, что и я, а патриотка. И чего? Собственности, хозяйин которой живёт и жирует в Америке и чихал на Израиль и на неё лично. Это же надо – её грабят и за человека не считают, а она готова им зад лизать!.. Стоп! Надо взять себя в руки...

– Что вы! – говорю я вкрадчиво и даже ласково. – Я эту питу украл...

Кассирша только рот раскрыла, а потом заморгала часто-часто и пробормотала:

– Вас же могут поймать...

– Если вы не донесёте, то вряд ли, а если донесёте, то я вас зарежу...

Видели бы вы, что с бедняжкой случилось! Девочка была ярко выраженной кавказской принадлежности и шутки не поняла. Тем более, что рожа у меня тоже смахивает на

кавказскую, и предупредил я её очень зло и мрачно. Она не промолвила ни слова и, бледная как смерть, едва доработала до конца смены.

Я не ожидал и тем более не хотел такой реакции, но сейчас мне было не до неё. Шёл второй день, а что я сделал? Ничего!

Невезуха была полная. Только-только я выяснил, куда можно кое-что вынести, как туда и начали выбрасывать груды совершенно пригодных, на мой взгляд, продуктов и товаров. Мимо меня проносились абсолютно свежие печенья, пирожные, слоёные пирожки с различными начинками, шоколадные конфеты и всякие другие сладости, а также куры, мясное филе, орехи... Господи, да разве я мог проследить, сколько всего беспрепятственно выносилось в мусорный отвал за магазином. Завтра супермаркет не работал, и поэтому шёл такой шмон. И это при том, что всё это кушать в течении дня, да и сейчас тоже, персоналу было запрещено строго-настрого. Покупатели могли пробовать от пуза, а мы – ни-ни! Кстати, ту питу, что я стащил, я так и не съел, и сейчас меня уже довольно сильно потрясывало от голода. Но особенно – от возмущения. А так как в магазине было только два несильно занятых шомера (люди, проверяющие у входа и выхода сумки и чеки), то я, имитируя совком и щёткой уборку около одного из них, начал потихоньку выпускать пар. И тут, высказав пару мыслей о мерзости и бездуховности так называемого капитализма и трижды преступной формы того дискредитирующего самого себя обманного социализма, среди которого мы выросли, я неожиданно встретил страстную защиту принципа “Человек человеку – никто!”.

– Это тебе не мёртворождённый социализм! Это, слава Богу, живой и правильный капитализм! – сказал шомер и характерно, как Муссолини, повёл бородатым подбородком снизу вверх и выпятил его.

– Да нет в конце концов ни здесь, ни в каком другом месте ни социализма, ни капитализма! – удивился я. – Да и какая между ними для нас разница? В одном случае – “Давай-давай, шуруй-шуруй – начальству слава, а нам художественный образ из трёх букв”, а в другом – “Давай-давай, шуруй-шуруй – хозяину деньги, а нам всё тот же самый фаллический символ”. Термины всё это! Для партийных попов и политологов. Нет, не было и никогда не будет ни фашизма, ни социализма, ни капитализма. Есть, были и будут только ЧЕЛОВИЗМ и звероскотинизм.

– А когда все хапают и обжирают друг друга, то – коммунизм, – ухмыльнулся шомер.

– Не хапают, а доверяют друг другу. И не коммунизм это, а опять же – ЧЕЛОВИЗМ, что друг на друга, конечно, теоретически похоже, а практически – не всегда! Вот у тебя дома наверняка у каждого свой счёт, и это строго моё, а это строго твоё.

– А как же! – с очень большим достоинством сказал шомер и тряхнул претенциозной профессорской бородкой. – У меня дома не твой ЧЕЛОВИЗМ. У меня дома порядок!

– Скука у тебя и бессмыслица, а не порядок! – хотел сказать я, но промолчал.

Таким нельзя говорить больше, чем они могут понять. В своей скорлупе они думают, что счастливы, и никогда не поверят, что за ней есть что-то другое и гораздо большее. Да им и не надо другого. Они достигли своего предела. Они – мертвы!..

Попозже, увидев, с какой помпой этот орёл-бородач садится в своё сверкающее транспортное средство, я рассмеялся. С кем я спорил? У него же вместо мозгов и души только вот этот лимузин и сытое благополучие...

Но что-то надо было предпринимать. Пар-то я немного выпустил, но ограбление века не клеилось. Поэтому в следующий раз я уже принципиально ничего не взял из дома. При обилии выбрасываемой еды платить за неё, пусть даже гроши, я посчитал супериздевательством и унижением. Ни к прибыли, ни к сверхприбыли это не имело никакого отношения. Это было зомбирование и дрессура торгашеского монстра “купи-продай”. Поэтому теперь я воровал еду внаглую. И довольно неплохо насобачился. Тем более, что мне надо было проверить, не от банального ли голода и пролетарской зависти моя ярость.

Проверил!

Наелся!..

Мозги действительно просветлели. Ну, сколько я вынесу один? Чепуху! Никто и не заметит. А если и заметит, то не оценит как следует. А вот если поджечь...

Я вздрогнул. С совершенно мистической точностью именно в этот миг где-то у касс раздался душераздирающий вопль звериной мощи и торжества. Покупатели, словно дети, замерли и повернули головы на север.

Катаклизм не заставил себя ждать. Не прошло и десяти секунд, как все увидели несущееся к нам моё несостоявшееся будущее. Два здоровенных работника магазина (а может быть, и агенты) сдавливали с двух сторон растерянно улыбающегося изрядно подпитого славянина. Его руки были намертво припаяны руками “вороны” к ручке тележки, доверху набитой всякой всячиной. Победная судорога сыскного оргазма, начинаясь где-то от предплечья, искажала её лицо, как агония.

Я посторонился, и... тут меня позвали мясники.

У них залило подсобку.

– Ну, я вам покажу, сволочи!..- заскрежетал я зубами, уже мало понимая, к кому обращаюсь.

Мясники не расслышали моей угрозы, но интонацию уловили и приняли на свой счёт. Слово за слово, и я такое им выдал! В двух-трёх фразах я обрисовал всю непривлекательность их скотской жизни, заключавшейся в знаменитой триаде: выделять, выделять и трахаться. И когда эти оскорблённые бычки стали напрягать свои говяжьё мозги, чтобы вспомнить, для чего же ещё родились, то не смогли ничего другого придумать, как “для того, чтобы дожить до смерти!”.

Неизвестно, чем бы закончилось моё интеллектуальное фехтование, если бы не покупатели. Ворча и остывая, оппоненты вернулись к прилавку, а я закончил уборку и пошёл очищать корзины от мусора.

– Я вам, падлы, устрою... – вертелось в голове по кругу. – Какое-то горячее я в складе видел... Надо попроситься в вечернюю смену...

У одной из корзинок плакала продавщица. Полчаса назад она обслуживала одну покупательницу, а другая, игнорируя это, потребовала немедленно обслужить её.

– Минуточку! – сказала продавщица и была уволена.

Добродетельная покупательница по накатанной дорожке тут же пошла к директору, где не поленилась и написала донос.

Ужас!..

Я заметался...

Это было невыносимо! За три дня я наглотался отрицательных эмоций на год.

– Чего дрыгаешься? – сказал кто-то.

Я оглянулся.

Никого!

То есть люди есть, но каждый занят своим делом.

– Ну, чё оглядываешься? Все люди как люди, а ты какой-то дёрганый. Философ задрипанный! Божий человек!.. Иди домой и ложись спать. И чтоб ноги твоей здесь больше не было!

– А ну п-шёл! – вступил другой голос. – П-шёл, я говорю!

– Это вы мне? – сказал я, и никто вокруг не среагировал.

– Нет, – ему! П-шёл, скотина! – повторил второй голос. – А ты, действительно, иди спать и не возвращайся. Тут он прав! Иначе нас будет не двое, а целый кнессет (парламент).

Три дня и три ночи я отсыпался с таблетками! А на четвёртый взял скрипку и – на панель. Провёл смычком по струнам – весна! Лет двадцать как не было. А какая мелодия из-под смычка полилась! Какие слова в голове зазвучали:

Что так сердце, что так сердце растревожено?

Словно ветром тронуло струну.

О любви немало песен сложено,

Я спою тебе, спою ещё одну...

(Звучит мелодия романса Лапина из к.ф.

“Верные друзья”)

Письмо двадцать первое

КТО-ТО ПАШЕТ, КТО-ТО ЕСТ!

Не надо иметь семь пядей во лбу и быть Шерлоком Холмсом, чтобы смотреть и видеть простые и очевидные вещи. Когда в очередной раз начали перемывать кости Кобе, я прямо и, по-моему, понятно говорил старичкам моего двора:

– Драгоценные! Он таки и довёл дело Ленина до конца. Правда, тот в конце жизни, похоже, начал понимать, что не туда заехал, но было уже поздно. Структура, им же созданная, в полном соответствии с законом “Что посеешь, – то и пожнёшь!” его же и накрыла. И то, что получился пшик, так это для науки тоже результат. А для вас, конечно, радости мало. Что ж вы хотите, сталинцы вы мои вчерашние? Нельзя никого загонять в стандартное счастье, как баранов в стойло, вырезая несогласных!

Когда же костерили Сахарова и те же старички потрясали кулачками перед транзисторными приёмниками, я чуть не заплакал. От жалости к ним у меня даже горло перехватило.

– Это же совесть народа! Ваша совесть! – просипел я в сердцах и услышал в ответ:

– Он еврей! Он не Сахаров, а Цукерман! Ты на его рожу посмотри! Вылитый Иуда Искарот!

– Да пусть хоть негр преклонных годов! – сипел я натужно. – Совесть – не национальная принадлежность! И потом, почти все настоящие интеллигенты к старости становятся похожими на классических картинных евреев. У академика Лихачёва тоже лицо было к старости почти библейское, а уж он-то по паспортным данным и генеалогии – русский из русских...

Но особенно меня расстроила близорукость старичков и первого и последнего президента СССР, когда он, отвергая экономическую программу Явлинского и благославляя программу Гайдара, похерил и Советский Союз, и себя, а старички с тем же жаром обхвалили и обсмеяли и “500 дней”, и её автора. В своё время они так же проклинали Солженицина и его произведения, не видя в глаза ни того ни другого. Слава Богу, почти все пока ещё живы, и

разрешите мне, дорогие мои старички, ещё раз сказать, что я думаю по поводу всей этой дурацкой кутерьмы в России и вокруг неё – на территории бывшего СССР.

В послевоенной западной Германии был скромный такой канцлер-учёный – Конрад Аденауэр. Но только благодаря выбранной им экономической программе Людвиг Эрхарда ФРГ рванулась за каких-то десять-пятнадцать лет из развалин в богатейшую страну мира. Никакие денежные вливания американцев не дали бы такой эффект, если бы не их талант. Так что мотайте на ус, россияне, израильяне и инопланетяне: большая политика – не только эстрадное шоу с парадом фюреров, а или деньги в ваш карман, или – из вашего. А поскольку у меня нет ни времени, ни здоровья, ни средств, чтобы продолжать впустую доказывать, что дважды два – четыре, то я и слинял. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло, и сбылась мечта беспризорника жить у моря и есть мандарины.

А что, в общем-то, мечта правильная. А главное, выстраданная. Что ни говори, как ни мучайся, а жизнь здесь, в Израиле, и там, в СНГ, – земля и небо.

Правда, есть люди, которым плевать, что вокруг крайняя нищета и социальное горе. У них деньги есть, и вокруг хоть трава не расти!

А у меня сердце кровью обливается и кусок в горло не идёт, если рядом голодают. По мне, так лучше быть бедным среди богатых, чем богатым среди бедных. Вот и ем теперь мандарины от пуза и в море купаюсь чуть ли не через день и круглый год.

Сейчас конец декабря, а погода – класс! Нырнёшь в хрустальной чистоты волны (летом не очень хрустальные!), вздрогнешь от прохлады, согреешься, прыгая с гребня на гребень, и бегом по песочку к турнику и всяким там перекладинам. Отожмёшься раз пять, на солнышко ласковое взглянешь – жить хочется! А телевизор дома включишь, российские программы посмотришь (их здесь сейчас три) – хоть плачь! Впрочем, вольно или невольно, но то, что творится сегодня, я видел вчера, и сладкого в этом тоже было мало.

Очень хочется верить, что когда вы будете читать эти строчки, над нашей Родиной, а заодно и над всей Землёй, развеется (хотя бы частично!) этот исторический смог и для всех, а не только для хапальников и таких, удравших от гибели, как я, засияет ласковое солнышко!

Года за два до отъезда в Израиль ставил я с маленькими детишками миниатюру в стихах к двадцать третьему февраля – бывшему дню Советской Армии, а тогда уже просто мужскому дню. Когда писал, то думал – повеселю народ, а когда поставил...

– Ученики второго “Б” сейчас покажут вам сатирическую сценку “Кто-то пашет, кто-то ест!” – объявила ведущая, и на сцену с радостными криками “Ура-а! Перемена-а!” прямо из зала выбежали малыши. Один мальчик начал толкаться и что-то кричать, и все тут же сгруппировались и очень дружно продекламировали:

На одной из перемен

Раскричался Вовка:

Вовка.

Мой папаня – супермен!
Он дерётся ловко.
Как-то раз на нас напали –
Вот уж мы тогда им дали!
Папа вмиг всех раскидал.
Всем по шее надавал...

Катя.

Э-э, подумаешь, – геройство!
Мой отец – учёный.
Он герой другого свойства –
Семь раз облучённый.
У него медаль и орден.
Спас страну он от беды.
Говорит: “Не зря путь пройден!”.
Напечатал он труды.

Игорь.

А мой папа – врач в больнице.
Его каждый знает.
Как мне папой не гордиться –
Он людей спасает!

Вера.

Ну, а мой зато – учитель.

Этот подвиг – высший класс!

Он прогресса ускоритель.

Повоспитывай-ка нас!

Марат.

Мой – художник!

Ира.

Мой – пилот!

Алёна.

А мой – просто папа. Вот!

Мальчики.

Все кричали, все хвалились.

Девочки.

Так, что даже утомились.

Алик.

Лишь один стоял, молчал,

Бутерброд с икрой жевал.
Дожевал – и в тот же час
“Сникерсом” закушал.
И сказал: “Я долго вас
Здесь сегодня слушал.
Папы разные нужны,
Папы всякие важны!
Кто-то пашет, кто-то ест!..

Все.

И пошёл из школы...

Надя.

Хлопнул дверцей и залез
В “Мерседес” свой новый!

Виталий.

И вздохнул тогда Виталий:
“А мой папа – пролетарий.
Он работает до пота,
Но не кормит нас работа.
И на день рожденья мне
Торта не купили,
Потому что в январе

Цены подскочили.»

Игорь.

Ну и что? А мой хоть врач,

Денег тоже нет.

Хоть плачь!

Катя.

Прошептала Катя тут:

“Папа бросил институт.

Плюнул он на лекции –

Занялся коммерцией...”

Андрей.

“Ничего!” – сказал Андрей

Погрустневшим детям.

“А мой папочка – ев-рей!

Скоро мы уедем.

Приглашаю вас с собой

Я в Израиль, ребята.

Самый лучший папа – мой!

Будем жить – богато!

Говорят, что страны есть,

Где кто пашет, тот и ест!»

Все.

Если вам не по себе,
Если стало жутко,
Не пугайтесь: это всё –
Праздничная шутка!

– Хи-хи!.. – сказал кто-то в полной тишине и умолк.

Настоящее приоткрыло завесу будущего, и оттуда повеяло таким холодом и безысходностью, что именно жутко и стало...

Письмо двадцать второе

ДИССЕРТАЦИЯ

*(на степень доктора всея Земли,
галактики, вселенной и всего остального...)*

Тема:

“БОГ И ЕГО ПОРОГ”

Подложные академики, доктора, священники и всякая другая кандидатская мелочь и сволочь, я – человек поперечный. То есть всегда не ваш! К тому же ещё и очень необразованный. В смысле наукообразной зауми и обилия украденных и просто чужих мыслей. А это уже совсем нонсенс для вашего круга. Я даже не очень уверен, что Куликовская битва состоялась именно 8 сентября 1380 года. Сам не присутствовал – вот и сомневаюсь... Есть, правда, у меня значок “Отличник народного просвещения КазССР” и удостоверение к нему, но и его я получил, не ожидая вашего умиления и благословения. Я просто пошёл и взял, что заслужил. Как Юлий Цезарь! И самый мой мучительный и постыдный труд – это фантастически положительная характеристика в наградном листе на самого себя.

Но я ещё не самый худший вариант. Ещё больший невежда и неуч был Бог, когда создавал этот мир. Я ещё хоть телевизор смотрю, а он в Начале делал всё наобум, ни с чем не сравнивая и ни на что и ни на кого не ориентируясь. И когда видел, что “Это – хорошо!”, радовался как ребёнок. Судя по цифре, его догадка “Век живи – век учись!” – вариант номер два для таких, как я. Номер один – для него самого. Там уже не век и не два, а Бог его знает сколько... Этот

шлемец всегда был не прочь поучиться на наших ошибках. Что не значит, что он – дурак, а мы – не очень. Тем более, что знания и информация без ума – хлам!

Это он меня надоумил так точно сказать! Сам бы я никогда не додумался! А жирующие на чужих диссертациях скрывают такие вещи. Как Кашей Бессмертный – своё яйцо.

Зато другое увидел я сам. Это точно! Путь от скотины до Бога лежит через ЧЕЛОВЕКА, но и от Бога до скотины тоже – через него. Где-то, наверняка, это уже записано, и кто-то пустил идею в оборот и почивает на лаврах, но тут-то я сам увидел, сам сообразил, что скотиной быть вроде бы проще и легче, но невыгодно, так как, в конце концов, скучно. А Богом хоть и хлопотно, зато гораздо веселей...

Но что я вам сейчас скажу – упадёте! Оказывается, мы с ним – партнёры. А может быть, и что ещё родней. То есть одну лямку тянем. Тут совсем просто. Помните: “По образу и подобию, по образу и подобию...”. Это же потенциал творческий! Он природу творил, мы – культуру. Вы посмотрите только: одна заповедь Гиппократов “Не навреди!” равна всем десяти заповедям вместе взятым и тысячам других таких же полезных. Вот уж действительно – всё познаётся в сравнении. Но не в противопоставлении! То есть с целью унижить, чтобы почувствовать себя значимее. Нет в природе этого проклятия человечества – незрелого шовинизма и его разрушительных форм (расизма, национализма и т. д.). “Богу – Богово, а слесарю – слесарево!” – это про единство противоположностей, а не “Хайль!” – избранному.

Дико думать, что слон чувствует себя значимее шмеля. Или наоборот... Каждый на своём месте – незаменим! И глупо сталкивать лбами (да и сравнивать) Пушкина с Маяковским, Бетховена с Рахманиновым, русского или китайца с евреем, а меня с петухом из басни дедушки Крылова “Осёл и соловей”. У каждого своя вершина, и никто ни с кем не конкурирует. Так что нечего копыта ломать и выяснять, у кого больше и кто дольше. Не зря же сказано всё в той же умной книге для идиотов (потому что читают, читают – и как горох об стенку!): “Не пожелай (или не завидуй!) иметь то, что имеют другие!”.

Конечно, целесообразие и масштаб целесообразия у всех разные. Ну и что? Именно поэтому и существует великая и сколько угодно делимая, но всегда единая гармония. Каждый видит столько, сколько необходимо для его реализации. И, слава Богу! Было бы по-другому, так ничего бы и не было!

А для особо жадных, корыстных и тщеславных, кому всё нужно самое-самое и самое полное, есть сообщение прямо из небесной канцелярии. Выгодно, когда не шибко осыпанный в чём-то милостями небесными восхищается (но не унижается, преклоняясь!) одарённым в этой области, одарённый – талантливым, талантливый – гениальным, и все вместе и по отдельности – Им, и тем, кто над Ним, и всеми, кто над всеми Ними, до бесконечности. Что в конце концов опять-таки Он и только Он. А когда ненавидят по всей цепочке – это конец! И даже без ненависти и гений, и талант, и сам Господь Бог деградируют и превращаются в монстров, если не тянут вверх нижнего, а топчут и унижают его. Вот такая вот ересь... Мне вообще кажется, что Бог очень похож на ЧЕЛОВЕКА. По характеру! И ничто ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ Ему не чуждо. То есть я имею в виду слабости и ошибки. Очень тёплое существо... очень тёплое и родное... Для меня! А для кого-то, конечно... Хотя он же сам и сказал:

– Не сотвори себе кумиров и не поклоняйся им, не служи им!

И это не затем, чтобы только его славили, а чтобы не отвлекались по мелочам и зрили в корень. Но вот чего нет у Него, не было и не приведи, Господи, чтобы когда-нибудь было, так это – ненависти. Где Бог, там только любовь! Ну, это ясно... Созидательная сила! И что только ею, только любовью движется мир, тоже знает каждый, кто хоть что-нибудь да знает. И что не было и нет никакого дьявола, а есть только бессознательный всё время разрушающий хаос и сознательный и всегда созидающий (даже иногда через то же самое разрушение!) Бог.

Мда-а... Что ж я хотел ещё сказать?.. Вот память!.. Пока об одном писал – другое забыл... Потому, что уже третье, и ещё Бог знает какое, на уме...

А, вспомнил! Всё, что я вам говорю, – дело пустое. Всё равно вы будете плыть своим ходом. И правильно сделаете! Богу интересен процесс и элементы непредсказуемости, а не просто результат. Путь каждого к совершенству, а не постные рожи и безгреховные помыслы. Он и мир-то этот создал как средство от скуки от однообразия. Так что если вам неинтересно и скучно, то значит, что-то идёт неправильно. Значит, где-то вы пошли или свернули не туда.

Впрочем, может быть и так, что вы попали в Божью нулевую зону накопления энергии, мыслей и планов для дальнейшего броска в сотворении своей собственной вселенной... И такое бывает... Но кушать всё равно желательно ртом, а не... а не не ртом. Так что – приятного аппетита!..

Недавно я встретил одного доктора наук. Тут, в Израиле, они, как дредноуты на корабельном кладбище, ржавеют.

Разговорились...

Про созидание и разрушение...

Вроде ничего нового и свежего, но как мы схлестнулись!

Я ему говорю:

– Ну ладно – я тупой! Я смотрю и всё время удивляюсь очевидному и тому, что это очевидное никому не очевидно. Например, тому, что всё движется. В разные стороны, но, в конце концов, только туда и обратно. И проблема у каждого чепуховая: выбрать, – вперёд или назад!

– Да нет, – говорит. – Есть ещё и третий путь.

– Третий?.. Ну ладно. Пусть! Пусть будет десять путей или сто (Хотя я уверен, что их два. Третий – ноль, но это если убрать движение жизни!).

Я не против, чтобы в природе было всё, что есть. Но пусть вор знает, что он вор, а не экспроприатор и приватизатор, убийца – что он убийца, а не санитар природы или кормилец, а мерзавец – что он тоже дрянь, а не эталон и образец. Пусть даже только они это знают, и больше никто! одного этого достаточно, чтобы жизнь стала более или менее сносной. А если

до большинства наконец-то дойдёт, что разрушение и “каждому по заслугам!” в конце концов исключительное и профессиональное право Бога, и никого другого и не через кого другого, то фирма гарантирует на земле рай.

– Ничего подобного, – говорит доктор. – На земле всё в руках людей. Ты же сам всё время повторяешь – по образу и подобию, по образу и подобию!..

– Правильно! – говорю я. – Но я про разграничение функций. Про табу! Про то, что ЧЕЛОВЕК не имеет права разрушать ради разрушения видимую и, тем более, невидимую жизнь. А созидать – пожалуйста! Сколько угодно! Как Бог!

– Нет! – не соглашается учёный.

Казалось бы, мелочь, а как трудно ему согласиться с этим. Потому что из-за этой и подобных мелочей нужно менять всё своё мировоззрение. Такие мелочи – те самые точки отсчёта, из которых или рождаются миры, или начинается их гибель.

Но особенно мы схлестнулись на священнослужителях. Я говорю, что ни пророки, ни священнослужители, ни кто-либо другой из смертных не имеют права на смерть ближнего и его среды, а он мычит и головой мотает. Мне даже как-то странно это. Что за кровожадность такая? Какой толк с неё, если мы и так погрём в свой срок? Только тот, у кого на оборотной стороне любви тоже любовь, а не ненависть, и кто может просчитывать любое будущее из любой точки настоящего и прошлого и их творческих вариаций, имеет право... нет, даже не на смерть, а на коррекцию и обновление через неё. А спекулирующие любым из Его имён всегда обречены на поражение. Всегда!

– Нет! – говорит доктор.

– Значит, если кто-то здесь оторвал кусочек, отрывая голову ближнему или посылая кого-нибудь отрывать её именем Аллаха, Христа, Богини Калли или президента, то ему гарантирован рай?

– Да! – говорит этот оголтелый атеист. – Око за око, зуб за зуб!

– Господи! Да не о том я! Не о том! Разве я отрицаю зеркальность этого мира и насилие как таковое? А тем более как защиту. Я против разрушения как способа существования. Да без насилия как толчка – природы нет. Но её же и нет, если это не средство от инерции, а давилня. Да если на то пошло, то вся вселенная возникла в результате толчка. Это он – Божественный толчок – породил движение, а движение – жизнь. И дом свой и свою семью я буду защищать и зубами и лазерами, как каждый нормальный ЧЕЛОВЕК. Но только на уровне необходимой защиты. То есть чтобы сохраниться как биологический вид. А как ЧЕЛЮ, живущее ВЕК, я всё время буду цивилизовывать насилие. То есть находить постоянно меняющуюся меру, при которой и оно, и агрессия – созидание, а не разрушение. В этом одна из ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ функций на земле! В этом основной творческий смысл существования по так любимому мною образу и подобию Божьему!..

Несогласен учёный! Несогласен – и всё! То ли потому, что у меня нет учёной степени и я ему не ровня и не авторитет, то ли ещё почему-то. Кивает головой, а говорит всё то же: “Нет!”

Так мы и расстались – каждый при своём. И вы тоже можете не принимать всё, что я говорю, к сведению. Тем более, что у меня есть ещё одна неординарность – раздвоение личности. Иногда мне кажется, что я – Бог, а Богу – что он – это я!

Но это ничего! Это, говорят, излечимо. Особенно здесь, в Израиле. Две тысячи лет назад уже был прецедент. Да и до этого и после этого – тоже! А вот то, что я наполовину русский, а наполовину еврей, – это беда! А может быть, и мой путь... Потому что, когда моя русская половина разворачивается и выкрикивает цыганское “Э-эх!”, еврейская сжимается и стонет на всех языках мира: “о-ох!..”

Адовы муки!

Адовы!..

Письмо двадцать третье

ИЗБРАННЫЕ

*Я признаю только две нации
и две расы – ЧЕЛОВЕК
и дерьмо!*

В каждом сидит антисемит, антирусит, антиамериканит, антиазиатит, антиафриканит, антиевропит – АНТИЧЕЛОВЕКОВИД!

На эту тему я могу говорить с утра до вечера. Натерпелся!..

Помню, поехали мы с отцом в Алма-Ату за физиоаппаратурой для его кабинета (мне было лет 7– 8, и оставить меня было не с кем). Только собрались обратно, как откуда ни возьмись – главврач. Здоровенный такой мужик! Он по каким-то своим делам был в городе и, зная, что назад будет грузовик, решил им воспользоваться. Всё-таки это лучше, чем ехать в перегруженном общественном транспорте. Для него всякие там солюксы и УВЧ детской забавой были. Он не только в жизни, но и в медицине особенно не задумывался и знал одно – резать! Хирург ещё тот... Из породы коновалов...

Но это я узнал лет через семь. А тогда мне было непонятно, почему этот невесёлый дяденька сам сел в кабину, а мне с отцом предложил или открытый кузов, или на все четыре стороны...

Естественно, что отец выбрал первое. Главврач вполне мог свалить хрупкие аппараты куда попало. Но и это я тоже узнал нескоро. А тогда минут в пять прямо окоченел. Мороз был под тридцать, и до места, где мы жили, тоже примерно столько же, но уже километров. Вы, конечно, поняли, что дело было зимой, и ветер прибавлял к тридцати ещё градусов десять, если не больше. В общем, замолотил мой смуглый папочка по кабине и стал просить, а после требовать, чтобы дяденька взял меня в кабину.

– Машина больничная, а я главврач! – сказал дяденька. – Не нравится – голосуйте! Ловите попутку!

А тогда – в 1953–54 году – не как сейчас: час можно было простоять, пока какая-нибудь машина или забитый до рекордов Гиннеса маршрутный автобус проедет. К тому же аппаратуру отец выбивал с большой кровью. В самой Алма-Ате того не было, что он выписал для больных бывшей казачьей станицы Талгар.

Что ни говорил мой родитель, как ни возмущался и удивлялся – дяденька главврач был непреклонен. Наконец шофёр не выдержал и снял с себя огромный бараний тулуп, а отцовское демисезонное пальто набросил себе на плечи.

Главврач даже не поёжился в своей купеческой шубе...

Так мы и доехали с отцом в обнимку, растирая нос и щёки...

Конечно, после этого мой принципиальный папочка не здоровался с этим светочем здравоохранения, и, на его счастье, того скоро сняли то ли за какой-то внеплановый и рукотворный трупяк, то ли за безграничное хамство. Но если бы он услышал то, что услышал я, когда стал свидетелем перепалки шофёра с хирургом, то не знаю, чем бы всё закончилось. Отец мой был хоть и худенький, но в вопросах чести и совести заводной до смертоубийства. На счастье хирурга, да и моего родителя тоже, он в это время полез в кузов поправить какой-то ящик с аппаратом.

– Я с жидом срать рядом не сяду, а не то, что на колени брать! Мало их Гитлер покоцал!.. Говно на говне! – спокойно и с достоинством сказал дяденька хирург и поплотнее подоткнул под себя шубу.

А не так уж и много лет назад у нас в Нетании, что на Израильщине, тоже очень характерный для нашей немилосердной эры инцидент приключился. Американцы в очередной раз собрались бомбить Ирак, потому что от его руководителя можно было в любой момент ждать ракетных подарков с отравляющими веществами или с боевой сибирской язвой (Бедные народы! Кто ими правит!). Говорят один кубик этой, ни в чём не повинной, заразы миллион двуногих гарантированно успокаивает на век. Вот и взволновались подданные звезды Давида, так как в первую очередь это могло постигнуть их. И толпы за противогазами выстроились такие же, как ещё недавно в Союзе за колбасой. Я бы тоже встал, да не могу. Любая очередь мне уже не по зубам. Стоит увидеть человек десять, тупо и трусливо смотрящих друг другу в затылок, и у меня сразу же начинается нервное истощение и дистония.

Так и дождался я со всей своей семьёй без противогазов и запасов воды и пищи разрешение ситуации...

Но в этом эпизоде речь не обо мне. Люди стояли по восемь-десять часов, и одна русскоязычная гражданка отлучилась на некоторое время в туалет. А когда вернулась, её не пустили. Другая, тоже, на её беду, русскоязычная, дама из очереди вступилась за неё (остальные русскоязычные позорно притворялись ивритянами). Так вот, эта гражданка заступилась – и была избита полицейскими и охранниками. Говорят, что четыре первых и шесть вторых свалили её с ног на бетонный пол и пинали ногами.

Но это не главное!

Главное то, что некоторые коренные израильтяне из очереди и почти все израильтяне полицейские, которые приехали или были привезены в Израиль тоже совсем недавно, в течение всего этого премилого события иступлённо брызгали слюной и пожеланиями проваливать “грязным русским” в свою дурацкую Россию и, получив там противогазы, подавиться своим купленным за тридцать сребренников еврейством (знание своей истории похвально!).

Ненависть к евреям из СССР хлестала такая, что ещё кому-то из очереди стало плохо. Говорят, что он тоже был русский, но, опять же, с большим, классически еврейским носом...

Конечно, чтобы стать и быть ЧЕЛОВЕКОМ, надо всё время держать ухо востро. Чуть-чуть расслабился – и скотское мурло из тебя так и полезло... Тем более, что все рождаются с установкой, что Я – это Я, и уже только поэтому Я всегда лучше, чем ТЫ. Но этот необходимый для самоидентификации и развития младенцев и малых деток самообман и гонор просто смешон, когда ты уже созрел и способен осознать, что в действительности Я – это ТЫ, а ТЫ – это Я, и МЫ – это и Я и ТЫ, и те, кто жил вчера и будет жить завтра. И невозможно на таком уровне чувствовать себя выше, унижая кого-то. А такие крайние формы шовинизма, как расизм и национализм, вообще ни в какие ворота не лезут...

Был у меня приятель (мир его праху!). Да вы с ним уже знакомы – Гринкевич Николай Николаевич! Дожил он до почтенных седин, а как был зелёным с одного боку, так и остался. Талантливый и интересный, он был ярким антисемитом, а вернее – юдофобом. При его душевных качествах, великолепном разностороннем образовании и природных задатках это было такое несчастье, что не дай вам Бог! Только он позволял просыпаться в себе этому недокормленному уму и опытом зверю, как превращался в ничто. А вернее – в звероскотину! То есть – ничего человеческого в нём не оставалось! Поэтому я признаю только две нации и две расы: ЧЕЛОВЕК и дерьмо! Причём, в данном конкретном случае. Остальное – политика! То есть борьба за власть и сферы влияния. И, пожалуйста, без улыбок! Разговор довольно серьёзный. Особенно для тех, у кого без определения, какой он нации, обмен веществ в организме нарушается. Политики приходят и уходят, а люди веками захлабываются в крови, слезах и изначально ни на чём не основанной обоюдной ненависти. Так что реверансы и поклоны ни перед кем я выписывать не собираюсь. Меня в далёком псевдосоциалистическом прошлом, сначала в течение суток пытались зарезать только за то, что я русский, а потом застрелить за то, что я еврей (да вы и с этим моим удовольствием уже познакомились в рассказе “Тьматаракань!”). Так вот – сначала хотели зарезать, а потом застрелить... А уж сколько раз били морду, оскорбляли и дискриминировали – не счесть. И кое-какие мысли, естественно, появились. Для тех, кому ещё мало досталось...

Я не против того, чтобы немцы назывались немцами, американцы – американцами, евреи – евреями, а папуасы – папуасами. Наоборот, я готов голову положить, чтобы они и все остальные были тем, чем есть, а не сплошной серой или бурой массой. Но если спор о качестве, то я вижу только две нации и две расы: ЧЕЛОВЕК и дерьмо. Опять же, – в каждом конкретном случае. Остальных для меня – нет!

Нация – это культура! И больше ничего. Никакой крови! Ни красной, ни жёлтой, ни голубой, ни серо-буро-малиновой в полосочку. И если ты личность со своей культурой, ты тоже – нация!

– Пяти миллиардам, а в будущем бесконечным биллионам и триллионам избранных наций мой привет и любовь!

Вот что сказал Бог.

Все – избранные!

Каждый в свой срок!

Божественный лучик прыгает и озаряет ответственностью то того, то другого, то святое семейство, а то целый народ и всё человечество. Но он никогда не высвечивает межнациональные претензии на исключительность. Вы посмотрите, что творится! Евреи! Евреи что творят! Пусть не все и пусть их не так и много, но им быть шовинистами – чудовищно! Тысячи лет их гоняли, как шайбу, по всей земле! А Гитлер? Этот такой урок преподал, что дальше просто некуда. И что? Что происходит? Чуть-чуть очухались – и туда же. Прессинг исчез, и сразу же началась деградация. Никакого иммунитета! Мы – избранные! И мученики и победители, и богатые и бедные, и дерьмо и человеки – все! И только потому, что мы – евреи. Бог, мол, так определил. Гитлер тоже всё на Бога сваливал. Даже на пряжках у солдат было написано: “С нами Бог!”. У них Бог в каждой бочке затычка! Поэтому, когда я слышу от людей слово “избранный”, я тут же слышу и слово “война!”. Где первое, там и второе!

Оно, конечно, соблазнительно считать, что ты что-то особенное. Уже от рождения ни за что ни про что более качественное, чем всё вокруг. Хотя, если объективно взглянуть, – протоплазма и протоплазма. Да ещё и деградирующая...

Впрочем, был я недавно свидетелем разговора:

– Что делать? – спрашивал пожилой мужчина такую же пожилую женщину. – Нас нигде не любят!

– Ну что ж, – спокойно ответила та. – Значит, надо становиться лучше...

Мудрая женщина! Гордость Израиля и всего человечества!..

Так что если спор, то я продолжаю признавать только две нации: ЧЕЛОВЕК и дерьмо! И снова – в каждом конкретном случае! И вчерашний ЧЕЛОВЕК может по сегодняшнему поступку оказаться – дерьмом, а вчерашнее дерьмо может оказаться по сегодняшнему поступку – ЧЕЛОВЕКОМ!

Можно было бы на этом и закончить. Но куда девать одного знакомого моих друзей? Тем более что он вертится всё время рядом. Как чует, что я его увековечу. У него и по матери и по отцу чистота еврейства прослеживается в документах чуть ли не до самого Авраама и Сарры.

Так вот, приезжает к нему товарищ из Америки.

– Кошмар! – кричит он. – Как вы тут живёте? У нас это дешевле в три раза. А это в четыре!..

– Ты что? – краснеет и давится от возмущения прямой потомок праотца и праматери всех евреев. – Мне – истинному и потомственному израильтянину – такое говорить! Да это моя Родина! Родина моих предков! Крохобор! Америкашка безродный!..

И чуть ли не за грудки товарища хватает. И чуть ли не в лицо плюёт...

И всё бы ничего, если бы накануне ему на работе зарплату не прибавили на сто шекелей. Потому что, когда эту же сотню за что-то вычли, вы бы его видели! Мат! сплошной мат! И одно и то же, как заклинание:

– Печки! Печки надо ставить! По всему Израилю! Я и тебе работу дам! Я тебе лопату дам! Будешь жидов переворачивать!..

Письмо двадцать четвёртое

ПЕСНЬ АБАЯ

(соло ученика с моим аккомпанементом)

– Кто такой Монте-Кристо?

– Граф.

– А что он делал?

– В тюрьме сидел.

– А кто такой Абай?

– Великий просветитель Казахстана.

– А он что делал?

– Пушкина переводил.

– А кто такой Пушкин?

– Великий потомок эфиопов.

– Это хорошо!

– Ещё бы! Тоже еврей, однако...

(Ерундиты Израиля)

Не там хорошо, где нас нет, а там хорошо, где нам хорошо!

Мне в Израиле сейчас хорошо. Недавно было не очень, а сейчас просто отлично. Всё, как в замечательной песенке: “Тучи уплывают, ветер утихает, и опять синеют небеса!”. Что будет завтра – не знаю, а сейчас – аколь беседер и барух а Шем! Что означает – полный порядок и слава Богу!

Ну, есть настроение, и всё тут! Неважно, что сегодня за три часа мне накидали в футляр из-под скрипки всего двенадцать шекелей с мелочью, и я поехал в Тель-Авив в надежде напилить ещё шекелей двадцать-тридцать. А поскольку билет туда и обратно стоит сегодня двадцать шекелей, то еду я, естественно, не на автобусе или маршрутном такси, а на таком же, как я, эмигранте из Союза – спортивном велосипеде “старт-шоссе” с тяжёлыми колёсами от “Туриста”.

И всё-таки тридцать километров до Тель-Авива, пять по нему и столько же обратно – не так уж и много при моей бедности. Могло быть и похуже. Тем более, что я часто проделываю такие прогулки и уже не всегда дохну в конце пути от обезвоживания и мышечной тоски. Нетания – городок маленький, и после двух часов дня тут на улицах – ни души. А в Тель-Авиве кое-где, кое-кто и в это время прохаживается...

Потрясающая страна!..

Потрясающая страна! Никто тебя здесь не пырнёт ножом ни с того ни с сего, не стукнет по голове, чтобы стащить с тела что-нибудь ещё не ветхое, и не нафарширует свинцом по ошибке. Гуляй себе днём и ночью. Особенно если ты безработный! И никакого страха! Это такой кайф, какой я получал только в детстве, и то от наивности и по неведению. Такого быть не должно на территории, стонущей от террористических актов и постоянно находящейся в состоянии войны, но это есть. Конечно, и преступность имеется, и венерические “радости”, но шансов нарваться на них столько же, как на выигрыш в лотерее. Да и солнышко тут светит и днём и... чуть было не сказал – ночью, потому что и ночью всё освещено, как днём. А люди... Вот тут, как и везде, – на кого, опять же, нарвёшься. Хотя в основной своей массе народ неагрессивный и доброжелательный. Впрочем, это, скорее, от сытого желудка, а не от какой-то особой природы или убеждений. Накорми людоеда – и он улыбаться будет, а потом всё равно сожрёт вас. При первом удобном случае...

Господи, да что ж это я говорю! Ну совершенно не то, что чувствую! Это ещё от вчерашнего пессимизма осталось...

Море! Вот благо, которое неоспоримо (опять же, чёрт возьми, если не буря и вы не тонете!). Это же какой сволочью надо быть, чтобы и тут возмущаться тому, что оно мокрое и не всегда горячее, как чай, и чистое, как слеза. Я, когда вхожу в море, смеюсь от счастья. Не каждый раз, но почти всегда. Этот контакт с природой, а через неё и с Богом, – где-то на трансцендентальном уровне. То есть – абсолютный! Это такое удовольствие, как... как... Нет, секс будет намного мельче и локальней... Хотя тоже – здорово и полезно!..

У-ух! Три автопоезда один за другим промчались. Чуть было руль воздушной волной не вырвало и под колёса не засосало. Скорость тут у грузовиков такая же, как у легковушек, а масса и объём – жуть! Хорошо, что жёлтая полоса оставляет место на асфальте, а там, где её нет или она у самой кромки, на велосипеде появляться – верная смерть.

Интересно, кто бы из моих знакомых в Союзе устраивал такие унижительные и изнурительные вояжи? Про местных я вообще молчу. Эти все на машинах, и гонора у них по самую макушку. Только что мизинцев, брезгливо оттопыренных, нет, а в остальном избранность, то бишь шовинизм, налицо. Выбились! Не в люди, конечно, но они-то думают, что именно туда...

Один мой ученик тоже пробивался.

И тоже – в люди!..

Когда я вёл драматические кружки в Домах пионеров и школах, был у меня участник – Юра Микельбанд. Кое в чём он был похож на меня в юности, но это было именно кое в чём. С четвёртого по выпускной класс он был локомотивом и звездой любой постановочной программы. Энергии – прорва. Таланта – тоже. Беда одна: родственное окружение – прагматики до мозга костей, с циничнейшей торгашеской философией! В определённом процентном сочетании это давало положительно-созидательный результат – такой же, как процент запаха гнили в аромате розы (что не меняет истинного качества!). Но при взрослении,

а особенно после женитьбы, эти, хапально-животные качества подчинили себе все остальные, и свет померк, попав в ловушку денежного мешка. Но это теперь, а тогда...

Незаурядность Юры и острейшая потребность в самоутверждении творили чудеса. Переведясь после восьмого класса в другую школу, он к выпускному классу стал знаменитостью всего района.

В отличие от меня, Юра всегда гордо объявлял всем, что он еврей, и, очарованные и сражённые его искромётностью, самодостаточностью и напором, почти все хулиганы школы и района носили на шее самодельные звёзды Давида на цепочке и, радостно картавя, называли себя евреями в высшем смысле этого слова. То есть – ЧЕЛОВЕКАМИ! Казахи, уйгуры, русские, корейцы – все с удовольствием и добровольно проходили Юрин гиюр (обращение в иудаизм). Израиль был для них страной света, разума, изобилия и любви. Что-то вроде материализации коммунистических миражей. Впрочем, это была скорее игра, чем что-то серьёзное. Дети – есть дети, даже если они в возрасте или уже на пороге новой жизни. Да и сам Юра, как вы понимаете, был не такой наивный и безглазый, чтобы верить в сказки. Несколько историй из его отроческой жизни вы обнаружите в третьем цикле книги “Байки о вкусной и здоровой жизни”, а сейчас я вспоминаю о другом периоде его жизни.

Когда едешь на велосипеде по трассе или бежишь марафон, голова отдыхает на всю катушку. Не зря профессиональный спорт не очень насчёт мозгов... Поэтому те, у кого их с избытком, как бешеные бегают и прыгают по утрам и вечерам с перекошенными от пользы лицами...

И Владимир Ильич Ленин тоже мотался по своему кабинету взад и вперёд, чтобы хоть немного отдохнуть от своей гениальности. Вот и я, почти как Ленин, борюсь за выживание. Правда, по причинам совсем не революционным, а позорно крохоборным.

Еду шакалить!..

Но как бы то ни было, а голова отдыхает. И выражается это у меня не в трансцендентальном отключении, а в воспоминаниях.

Сегодня о Юрыче...

Не прошло и полгода после событий, описанных в “Байках”, как прибегают он как-то ко мне весь сияющий и нервный.

– Аркадий Наумович, это – труба! Театральный институт у нас в кармане! – кричит прямо с порога мой почти что второй сынок.

Решение Юры о поступлении именно в этот институт (само собой, имени Абая!) на актёрский факультет было далеко не спонтанным. И уж, конечно, не безумное желание бескорыстно служить беспощадной Мельпомене толкало на такой опрометчивый шаг. Просто аттестат вундеркинда сверкал птицами-тройками, как Брежнев медалями (главный политический и не кровожадный деятель времён застоя СССР), и знания копились больше по жизни, чем по литературной классике и учебникам. Поступить же хоть куда-нибудь надо было

позарез. Институт давал отсрочку от армии, а жить под команду “Ать, два – левой!” было для Юры хуже расстрела.

– Прихожу я в первый день на подготовительные курсы, – говорит Юра, захлёбываясь от возбуждения. – Я один и Тима. То ли Родословский, то ли Богословский. Шестнадцать человек наша группа. Из них двое нас, пацанов. остальные все – бабы. Каждая из себя – актриса. Это – убиться веником! Например, Марина некая:

– Ой, девчонки, да ладно!.. Да бросьте вы, пожалуйста!..

У неё всё время рука этак театрально отставлена, и пальчики так капризно оттопырены...

– Я вот уже третий год поступаю и никак не могу поступить... Там я плохо была подготовлена... Там я тоже... Тут он меня неправильно понял...

Ну ладно!..

В группе одна женщина – двадцатипятилетняя, вторая – двадцать три года. Остальные все по восемнадцать, по девятнадцать лет и две десятиклассницы.

Пришло не шестнадцать, а четырнадцать или тринадцать. Педагог рассадила всех по дефектам дикции. спрашивает:

– Ну, кто пойдёт к доске первый?

Тима кричит:

– Микельбанд! Микельбанд!

Все балдеют. Хихикают напряжённо. Я веду себя тише воды, ниже травы. Это потому, что все показывают свою эрудицию, гениально разговаривают, и меня это убило наповал. Покоробило сразу! Галка из Дома пионеров тоже хотела влезть в эти театральные дебаты, а я ей говорю:

– Галка, если ты рядом со мной сидишь, то слушай меня внимательно. Сиди спокойно. Уверенно! Самое главное – уверенно! Не надо принуждённого натянутого балдежа. Смешно будет – засмейся, не смешно – не смейся. Не надо искусственно ничего делать. Искусственно – не надо! Всё должно быть естественно.

Она говорит:

– Я так не привыкла. В Доме пионеров в комсомольском штабе что ни слово, то нужно смеяться. Иначе – не свой!

– Сиди спокойно, – говорю. – Надо приучаться к нормальной здоровой непартийной жизни.

– Ну, хорошо, – говорит. – Я буду только тебя, Микельбанд, слушаться.

– Ну вот! слушай меня – всё будет хорошо!

Сидим.

Педагог говорит:

– Упражнение “Давайте познакомимся!” начали! Ну, давайте:

– Юра Микельбанд! семьдесят первого года рождения!..

И так далее...

Поахали над теми, кому двадцать пять и двадцать три, и тут заходит девушка. Это вообще – финиш! Я сейчас показывать буду! Худая-худая. Рост метр девяносто или выше. Всё на ней висит... По профессии – педагог по русскому и литературе. Страшненькая, в угорьках, волосы в комочек стянуты, рёбра во все стороны, вся какая-то – одни кости... Движения все угловатые и неожиданные. Резкие и несуразные. Ну, полное отсутствие пластики! И хромает-то она на одну ножку, и приятно косит...

– Я, – говорит, – уже восемь лет поступаю. И мне говорят: “Тут вы немножко не так сделали, тут вы немножко не то сделали... Вы, пожалуйста, может, вот здесь вот по-другому сделаете...”. И меня выгоняют... Ну, не выгоняют, но говорят: “Пройдите... На следующий год поступайте... Может быть... Вдруг...”.

Я сразу смекнул, что на эту можно не обращать внимания: это не мой конкурент. Тем более что она сразу к доске вышла и нежным таким, застенчивым голосом говорит:

– Я буду стихи читать!

Педагог ей:

– Ну, пожалуйста, читайте!

Педагог терпеливый – дослушивает всех до конца, указывает на ошибки и не показывает вида, что это безнадежно. Вот она и начала читать. Тоненько так, отчаянно и с таким чувством, что мне даже стыдно стало:

– “Били копыта, пели будто – гриб, граб, гроб...” И всё в том же духе. Всего Маяковского. И потом отчаянно так и безнадежно:

– Ну как я? А я что – хорошо? А где у меня ошибки?..

Я – ноль эмоций. Нарисовал на бумажечке шестнадцать цифр и одну вычеркнул сразу.

Вторая девочка – Марина. Которая всех заводит сразу начала. Резко так. Взахлёб. Лихорадочно как-то и с боязнью, что её прервут:

– А давайте нашу группу назовём так-то... А давайте, чтоб она была это самое...

И главное, когда руководительницы подкурсов нету, то она молчит и этак свысока поглядывает. Но стоит только той появиться, так она сразу же начинает организационный свой фонтан разбрызгивать. Научил, видимо, кто-то...

– Ну, давай! – говорит руководительница. – Пойди к доске и стих прочитай!

Она такая неказистая девочка... Тут ни с того ни с сего нос откуда-то растёт... страшненькая такая – в угорьках. Волосики паклей. Но ведёт себя... Вся такая... Этакий шпендик метр тридцать с кепкой, а на полёте!

Вылетела к доске...

Правая рука к сердцу, левая вперёд. Вся чуть дышит. Бровки немножко подняла с задыхом, лобик наморщила, глазки засияли и мягко так, вкрадчиво:

– “Я вас любил...”.

И дальше неожиданно отчаянно:

– “Любовь ещё быть может!..”.

И тут же перешла почти в песню. Петь стала:

– “В душе моей угасла не совсем...”.

Опять отчаянно:

– “Но пусть она вас больше не тревожит!”.

Рука пошла ко лбу... пот вытирает... И совсем отчаянно:

– “Я не хочу печалить вас ничем!”.

Тут она уже плакать стала:

– “Я вас любил безмолвно, безнадежно. То робостью, то ревностью томим...”.

Тут уже хрипота затрясла голос. Видно, что уже нет сил сдержать свои чувства. И вот она сама вот так вот дрожит, как не знаю кто... она уже плачет... у неё уже лицо покраснело, как помидор... тут уже всё!.. И вот, наконец, звучат последние строки с концовкой, посланной интонационно в бесконечность:

– “Как дай вам Бог любимой быть другим...”.

Ну как? Хорошо? Правда? – застенчиво говорит она.

– А хотите, я ещё вам прочитаю?..

– Нет-нет! спасибо большое! Не надо, не надо!..

Я сразу зачеркнул второй номер.

Потом были три казашки, которые плохо по русски говорили. Одна вышла и начала рассказывать с сильнейшим акцентом:

– Пэсня а вещим Алеги! Как ныня сбираится в сторону гор... отмстить неразумным казарам... Ой!... Казахам!.. Ой-й!..

Вторая:

– Я путу читать Паустовского!

– А что ты знаешь Паустовского?

– Я очень много знаю, но один стихотворение знаю наизусть.

– Пожалуйста!

Ну, прочла кое-как...

Третья казашка – здоровая баба. Морда... такая!.. Пятая точка висит... там она её как-то прячет...

– А я ничего сегодня не знаю!.. Я волнуюсь сегодня!.. А вот завтра я к вам приду... на досуге... И что-нибудь я вам прочую... п... п...

Педагог:

– Так вы что, заикаетесь?

– Д-д... а... да... немножко...

Я три номера сразу отбросил. Не конкуренты!

И так осталось десять человек.

Выходят ещё две девчонки. Ну, одна вообще ничего особенного, а вторая, лет семнадцати, намалевалась, разоделась! С таким попенгагеном, я извиняюсь! Кобыла здоровая! И читает “Ленинградцы, дети мои!”. Мощно так. Трубно. Завывая:

– “Ленинградцы, дети мои-и!..”.

Педагог говорит:

– Ну, я не могу уже больше вам замечания делать. У вас у всех одни и те же ошибки...

– Все на одно лицо! – перевёл я для себя и ещё две фамилии зачеркнул.

А я вам говорил, что не сразу все пришли. Раз! – дверь открылась, и влетает такая лапочка – Сашенька. И сразу, с порога, так озабоченно и испуганно:

– Я с КВНа! Я капитан команды!..

Симпатичная такая девочка... И я сразу же ей:

– Да что ты, лапочка! садись! Успокойся! Что ты, деточка моя!..

Она потом меня спросила: “Почему ты меня “лапочка” называешь? Мне так приятно...”. Ну ладно... Высокомерная слишком!.. Я сразу же по лицу руководителя увидел, что эта тоже не вызывает восхищения, и вычеркнул и её.

Потом вышел Тима. Восемнадцатилетний пацан. Копия – баба! Манеры все... плавные движения... голос такой мягко-расслабленный, с растягиванием слов на “а”, “о”. Маленький шпенд такой... с отставленным таким задом. На вопрос, что он будет читать, начал:

– Да ну... Да бросьте вы... Ну, ладно... Я прочитаю... Ну так уж и быть...

Что-то прочитал...

Руководительница говорит:

– Ну что ж, ты неплохой мальчик, но мы ещё на тебя посмотрим...

Я и этого вычеркнул.

Предпоследней вышла Галка Деникина. Та, что из Дома пионеров. Она хорошо поёт русские романсы, но слегка сутулится...

В общем, всё было в меру, и я её не стал вычёркивать, а тоже пошёл к доске и прочитал:

Для нас – для юных пионеров –

Стеклянные дворцы создают.

Клумбы, цветы и скверы

Разбиты и там-м, и ту-ут.

Наши братья, сёстры, отцы

Кирпич на кирпич кладут.

Какие они молодцы!

Ведь это всё нам отдадут.

Да здравствует коммунистический труд!

Героям труда – салют! салют! салют!

Это была – труба! Это был – финиш! Там умерли все! Я для чего эту пародию прочёл? Мне нужно было выделиться из массы и раскрутить руководительницу на беседу, а то она всех отшивает и отшивает. Всё обычно!

– Ты знаешь, – начала она, – такой хороший стих... А почему ты задел такую тему?

– Ну, – отвечаю, – перестройка же сейчас! Сколько раньше вешали значков этих...

Я-то знаю – у них там решается, у педагогов, вопрос – переходить на хозрасчёт или не переходить. А по правде, у меня, кроме этого стихотворения, ничего в запасе и не было. Помните, сценку в классе пятом играл – вот и использовал...

– А кто это написал? – спрашивает она.

– Да я и не помню, – отвечаю. – Это только отрывочек... Но не все же просто так ордена получали... – завожу её, и она тут же включается:

– Конечно! Я с тобой не спорю! Но большая часть... А зачем, когда ты говоришь “кирпич на кирпич кладут”, – зачем ты это показываешь?

– Ну как же! – отвечаю. – Чтобы ясно всем было. Чтоб видно было...

– А зачем ты тянешь буквы, когда говоришь “клумбы и там-м-м и ту-ут!”?

Я говорю:

– Ну, надо же было как-то выделить!

– Я поняла, что ты сатирически подаёшь... – говорит она задумчиво. – Что ты сатирически к этому стихотворению подошёл. Ты это умышленно сделал?

...Он был локомотивом и звездой любой программы...

– Так точно! – говорю я на полном серьёзе и тут же начинаю её раскручивать, чтобы она сама прочитала пару стихов.

Когда я прослушал, что она читает, я понял, что она любит. Смекнул, на что давить, если надо будет. Она, оказывается, любит детские дела. Что-то вроде “Мама купит мне козу – я тебе не показу!”. Я это заметил себе...

На другой день были танцы. И все приходят уже готовые балерины. Мать моя женщина! Мама родная! Коровы вот с такими задницами! Разоделись в колготки!..

Меня проверили, погнули в разные стороны и спрашивают:

– Ты танцами занимался?

– Нет, – говорю, – не занимался! Ничем не занимался, ничего не знаю!..

Вообще дубом прикинулся-я! С таким... С уличным талантом! Сделал я наклоны туда-сюда, поклонился и в своём блокнотике сразу же пятнадцать человек вычеркнул... Ну, и всякие другие ещё были... Интересно, например, один парень записывался на подкурсы. Олег некий. В понедельник пришёл, фамилию свою увидел в списках, записал что-то у себя в блокноте, отметил и ушёл. Сегодня пришёл, со всеми поздоровался, познакомился – раз! – ушёл. Странный парень... Стукач, что ли?.. Да... Так сегодня – мастерство актёра. Это – всё! Другая женщина ведёт. Из Ленинграда приехала... Каждый начал представляться по-новой. Этак рука к сердцу:

– Марина Агафонова! Работаю там-то, родилась там-то!..

Педагог морщится.

Пафос ей не нравится.

Я сразу смекнул: надо лапшу вешать простотой.

И тут я заметил, что у педагога сын маленький бегаёт, и она не знает, куда его девать. Вот я его воспитанием и занялся, чем вызвал глубочайшую, с её стороны, симпатию.

Я начал с низов!..

У ребёнка была большая игрушечная машина, и я пошёл с ним играть в другую аудиторию, где никого не было. Ну и там, когда мы с машиной наигрались, я стал с её мальцом на пианино “семь сорок” играть, разучивать. Ей это очень понравилось. Потом она намекнула, что там, у себя в Ленинграде, общалась с евреями, и это очень умные люди, и она их уважает.

– Ага! – подумал я. – она ещё не знает, с кем разговаривает...

...Мог ли устоять какой-то заштатный театральный институтишко перед такой массой обаяния, умения и расчёта! Вспоминая Маяковского, можно сказать, что, в окошки, в щели, в дверь войдя, ввалилась Юрки масса. Ввалилась, дух переведя, заговорила басом...

Где-то через год или два лучший студент и круглый отличник вбегает ко мне и так же, как и раньше, кричит прямо с порога:

– Аркадий Наумович, это – труба! То я мыла им ящик принесу и за кулисами торгую, то порошок стиральный!..

– Кому, кому? За какими кулисами? Садись, отдышись!

– Педагогам! Кому же ещё! – смеётся Юра. – Теперь заказали лапшу длинную такую...

– А-а... Пошли на кухню!

– Да я сытый! Да...

– Ладно-ладно! Сытый студент – нонсенс!..

– Ну хорошо... А ведь это элементарно делается, – продолжает Юра уже за кухонным столом. – Порошок, например. В любую прачечную заходишь, подзываешь там... Порошок нужен! Там же у вас остаётся... Сода кальцинированной добавьте вместо порошка, а порошок складывайте! В конце недели прихожу, а мешок такой вот уже стоит – меня дожидается. “Бабки” сунул в руки прачке, мешок в сумку и пошёл... И вот педагогам я и продавал. Все с мешочками подходили, и я отсыпал им за кулисами сцены. Ковшиком... с чиханием... И культурные все – ужас! По всему институту таблички “Курение запрещено”, а они все по коридору ходят, курят...

– Микельбанд! – кричит кто-нибудь из педагогов. – Пойдём покурим!

Дым коромыслом!..

И везде видно, что институт в ногу со временем шагает – перестройка идёт вовсю! Щели замазывают старые, чтоб выглядели, как новые...

– Это ты что – про Станиславского?

– Да какой там Станиславский? Я про само здание. отскакивает штукатурка старая! Я говорю: “Легче снять слой, потому что неправильный раствор замешивали, когда эту штукатурку накладывали. Надо наложить новый слой с правильным раствором. Чтоб намертво было!”. А они каждый год вызывают ремонтников. Она и стоит шубой через три дня после ремонта. Заливкают эти деяги шубу, покажут – всё ровненько! Покрасят ещё её... Через три дня кто-нибудь крикнет громко: “Эй!” – и опять шуба поднялась. следующего года ждут... Да и не мудрено! То и дело кричит какой-нибудь педагог на весь коридор:

– Микельбанд, Петров, Сидоров, пойдём выпьем!

Есть у нас лестнички такие вот, так под ними постоянно бутылки пустые стоят, банки, в которых ещё булькает пиво на доньшке, как моча на анализ. И ходит старушка-бабушка, которая сначала по парку собирает бутылки, а потом и в институт заходит. У нас в институте постоянно пиво есть. Да и что покрепче... У декана под столом бутылки стоят... У нас нет такого педагога, чтобы он трезвый пришёл. Нет, есть, конечно... Тарантас Драндулетовна... Ещё кто-нибудь... Но, в основном, все пьют.

Заходит Тарантас Драндулетовна и говорит:

– Что это такие лица у вас? смешные! Что-то такое произошло-о... Хитренькое-е...

А дело всё в том, что и все студенты тоже пьяные сидят.

Духота-а!..

– Тарантас?

– Ну да! Преподаватель казахского языка. Это мы её так переименовали. То она говорит скороговоркой, а то из двух слов выбраться не может.

– Хочу с вами познакомиться, ребята! – еле разобрали мы при первой встрече. – Вы, пожалуйста, меня исправляйте! Потому, что я плохо говорю по-русски. Я научусь за ваш счёт...

И всё в таком духе. А в конце неожиданно со спесью, медленно и с обидой – своё крылатое:

– А вы не контактируете-е! А вы никак не хотите контактировать! Я иду со своим пульсом... Со своим этим... А вы не хотите! Зачем я здесь стою? Зачем? Не знаю...

Три недели она готовила нас, чтобы ввести в свой класс. Сначала мы занимались в коридоре – она нас готовила...

У неё в классе для каждого кабинка с наушниками, а она сидит за пультом управления. В этом году только сделали. Там такая казачушка – ушки на макушке! И она этими рычагами там... Кого к той кабине подключить, кого к этой... Смех! Сама в стеклянной замурованной кабинке и каждого может подслушать. Я, например, говорю: “Я шестнадцатый, вызываю двадцатого!”, и мы с двадцатым на казахском языке и разговариваем. Конечно, никто ни с кем не разговаривает на казахском, а просто я подъезжаю сначала к одной... кто-то к другой... а она сидит на пульте! Каждый разобрал себе девчонку, а она сидит, слушает...

– Эй! Не на казахском говоришь! Давай!.. Всё! Заканчивай! Всё! Выключаю!

Раз! Выключит на самом интересном. А эта девочка – раз! – переключится на другого мальчика. Вот так до сих пор общаемся...

Как-то смотрим, она идёт с автобуса с двумя сумками. Она ещё так хромает – тюх-тюх-тюх-тюх...

Я подхожу:

– Каламкас Касыбековна, давайте помогу!

– О-о, жаксы-ы (хорошо)! О-о! Аксакал! Аксакал!

Я говорю:

– Почему аксакал? Вы же нас учили, что аксакал – это “белая борода” дословно.

– Это ещё означает: “Уважаемый!”.

Она потом всем говорила, что я аксакал. У казахов к женщинам плохо относятся, так что для неё моё поведение было, как шок. Она два урока рассказывала, что такое аксакал... Так вот, с этими наушниками! У нас есть четыре мальчика – любители радиотелетехники. И вот им надоела вся эта белиберда. Они принесли магнитофон, записали весь урок на плёнку, что-то сделали с пультом этим новым, и весь урок – ровно девяносто минут, куда бы она ни включила, она попадает на эту линию с магнитофоном и слушает этот свой родной казахский язык... эти диалоги. Понимаете? А мы подключаемся к тому, к кому хотим, и разговариваем, и веселимся...

Наконец она говорит:

– Что такое? Один и тот же диалог! Одно и то же! Сколько можно? Каждый день я даю вам новое...

Понимаете, она там в своём углу слушает магнитофон, а мы сами по себе... Целую пару разговариваем.

Ну что, думаем, пора кончать!

Ребята подумали, подумали, повозились ещё немного, и теперь получилось, что то, что она говорит, ей и возвращается в наушники.

Она:

– Восемнадцатый! Не перебивайте!

Ей в наушники:

– Не перебивайте!

Она ещё громче:

– Не перебивайте!

Ну и ей в ответ, естественно, ещё громче звучит:

– Не перебивайте!

Она же в технике ни бум-бум!..

Она отчаянно:

– Не давай!

Ей в ответ:

– Не давай!

Она:

– Что не давай?

Ей ещё громче:

– Что не давай?

Уписаться можно!..

Наконец вызвала техников, и те ей починили.

– О! Высший уровень! – сказала она удовлетворённо. – А то – на тебе! В этом году только сделали, первый курс пришёл – и всё у меня сломал. Хотя у меня есть полностью инструкция. Как обращаться с аппаратурой. Здесь кнопка первая нажимается, здесь вторая, здесь третья...

Однако ребята решили не унывать. Стащили у неё ключи, сделали вторые ключи и наладили аппаратуру так, что теперь, только она входит в класс, изо всех динамиков раздаётся громовое “Саламат сызба, Каламкас Касыбековна”, что ничего крамольного не обозначает, а

лишь только “Здравствуйте, Тарантас Драндулетовна!”. Потом, только она хочет сказать нам: “Встаньте!”, из этих же динамиков звучит её же голос, ревуший то же самое, но, естественно, на казахском языке. Ну, и весь урок в том же духе... А сегодня приходит, надевает наушники, а оттуда слышно, как надсадно тужится кто-то на унитазае, а потом “Блю-блю!..” – воду спускает. смывает! “Пчи-и!.. А-а! У-у! Блю-блю!.. Пчш-ш!..”. Ну, явный запор!..

Я нажал на тормоза и слез с велосипеда. Если вы уже забыли, то напомню, что я еду в Тель-Авив шакалить, что означает просить подаяние. Так вот, остановил меня израильтянин и жестами попросил помочь открутить гайки, чтобы сменить у своего весьма уважаемого лимузина колесо. Мучался я, мучался, подпрыгивая, падал всем телом на ногу упирающуюся в рычаг ключа, и, когда уже отчаялся, то неожиданно открутил. Сначала одну, потом другую и так далее...

Благодарный израильтянин схватил мою руку и, тряся её, громко и восторженно закричал:

– Ёб твою мать! Ёб твою мать!..

– Пожалуйста! – так же вежливо ответил я на его “Спасибо!” выраженное в пожелании плотской любви моей маме, и мы расстались друзьями.

К сожалению, с Юрой это произошло как-то не очень... Как только я прочёл ему то, что получилось из его школьных рассказов на бумаге, он замолчал и стал меня избегать. Причём, похоже, не от испуга, что кто-то из знакомых прочтёт, а оттого, что подумал, что и сам смог бы выжать из своего красноречия какую-нибудь литературно-финансовую выгоду.

Наивный! Он думал, что талант превратить в деньги – запросто!

Как сейчас помню его последнее бескорыстное откровение. Мы сидели в той же уютной микрокухоньке, пили тот же не густо заваренный чай и говорили о том же центре культуры и творческого просвещения.

– Педагог по сцендвижению прямо замучил нас кувырками, – говорил Юра и стыдливо, но с похотью смотрел на уже почти опустошённую трёхлитровую банку с малиновым вареньем. – То ли ему удобно это, то ли он ничего больше не знает, но уже полгода, кроме кувырок, мы ничего не делаем. Заскочит в зал этот деятель, “Кивирок! Кивирок!..” – прокричит и снова в коридор, курить и опохмеляться. А мы кувыркаемся... А что ещё делать?.. Но есть у нас Парнобек Мамын Мамынович. Это – отрубень! Чистой воды самородок! Преподаватель музыки! Доцент! Кандидат музыкальных ведотических наук!

– Каких?

– Музыкально-ведотических! Он так называет себя. Тут главное от слова “поведение”. Высший его комплимент и оценка – это когда он говорит:

– Музыкально ты ведёшь себя!..

В первый раз он меня отметил, когда мы с ним знакомились. В тот день я опоздал, но пришёл в костюме с иголки.

– Заходи, друг, заходи, товарищ! – услышал я неожиданно. – А-а, ты, наверное, долго куришь. Это некрасиво. Здоровью каюк, да и деньги ишаку под хвост. А музыка обогащает человека. И не надо себя насиловать! Надо садиться – садись! Не надо – стой! Зачем будешь себя насиловать?

Тут он заметил мой костюм и прямо расплылся в улыбке:

– Вот! смотрите все! Он очень хороший ученик. Очень! Костюм его говорит о его уме. Он умеет хорошо одеться – это вкус! А вкус – это музыка! Это всё связано одной нитка. Красная нитка лежит сквозь всё это. Мысль понимаете? Первое у нас... Я ознакомлю всех с Абаем. Ты тоже, я думаю, полюбишь Абая, потому что Абай – это как вот... солнце! Но Абай – после ознакомления с грамотой. Музыкальной! Семь нот всего. До, ре, ми, фа, соль, ля, си! Так? Как можно из семи нот писать музыка? Новая! Как получается? Четыре урока на размышление!..

Четыре пары... четыре дня ходили мы и догадывались. Наконец кто-то подсказал ему, что ни к чему бросать свой драгоценный бисер перед теми, кто кончил музыкальную школу или консерваторию.

– Та-ак... – сказал Парнобек. – Кто у вас занимался музыкальным образованием?

Поднимают руку девятнадцать человек. Только я и ещё один парень без музыкального диплома.

– Хорошо. Вы двое будете ходить ко мне на занятия, а остальные будут сдавать зачёт. То есть играть. И каждый урок у нас будет начинаться с песни Абая. Я вам буду петь песню Абая.

И он поёт скрипучим голосом “Письмо Татьяны к Евгению Онегину”.

– Абайская песня. Знаете?

– Нет.

– Не знаете?

– Нет.

– Послушайте! Это такая галиматья – труба!

– Мягче, Юра, мягче!..

– Да уж куда мягче! Всё свеженькое!..

Спел он эту песню и садит меня за пианино:

– Ты очень хороший мальчик. Садись, давай, за пианина. Вот слушай! У тебя женщина есть, да? Жена, да? Ты ей на плечо рука ставь? Вот так же и пианина. Она – моя женщина. Понимаешь? Контахт должен быть. Контахт!

– Правильно говорит, – замечаю я, и Юра не спорит, а продолжает:

– Вот когда с женщиной рядом стоишь, да? На плечо рука ставишь, да? Вот что она делает? Пульсувирует! Да? Вот так вот пульсувирует! Да? Вот что-то вот такое... Так вот... проникает в душу тебе! Сердце бьётся сильнее. Всё вот так вот сжимается... И ты чувствуешь себя неловко. В этом положении. Да? Это нахал только может так позволить себе стукнуть женщину, а вот умный человек, талантливый, который учится в театральном институте, – он не может позволить. Так же и пианина. Когда к пианина ласково, она сама за тебя играет и поёт. Так же и женщина. Когда с ней ласково, она так же тебе отвечает. Взаимно! Понимаешь, взаимная связь должна быть! Ты ей хорошее – она тебе хорошее! Ты ей... Как жизнь!.. Садись? Садись!

Я сажусь.

– Ставь рука! Каждый пхалец должен знать своё место. Без работы не должен быть. Потому что каждый человек в обществе зарабатывает на хлеб. Так же и пхалец. Всё же это из мелочей, а потом вырастает большая жизнь. Большая музыка!.. Вот где-то читал я это, но не помню где... Я учился вообще-то вот... с девяти лет я играл сам. У меня был фортепиан... маленький такой вот... раньше делали... Мне папа привёз из Москвы. У меня папа был гениальный человек! Читать, правда, не умел... В ауле мы жили... он мне привёз пианина... Я играл... Потом мне в тридцать лет купил большое пианина. Не папа, правда... Дядя! Дядя купил мне пианина... Я в тридцать лет позвал... Ой, в двадцать девять!.. Да... Мастера! Я уже прекрасно играл... Я, наверное... Там гений сидит во мне! Но, понимаешь, возраст не тот. Всё ушло. С годами... Меня научили музыке, и я стал писать. Я написал четыре песни. Вот, смотрите, моя книга! Третий класс для детей. Вот моя песня! Доцент Мамын Мамынович! Видите? Смотрите все!

Все посмотрели.

– Вот первый класс... песня! Вот видите, доцент Мамын Мамынович. Запишите: до-цент!

– Это он в трёх книгах по одной маленькой песне написал, а говорит, что три книги его? – спрашиваю я.

– Да. Но у него и полностью своя есть. Он про неё не забывает никогда:

– А вот ещё моя книга... маленькая совсем. Музыкальное тво-ре-ни-е! Её не выпустили ещё. Я четыре года бьюсь и никак не могу её выпустить. Почему – не знаю! Я по ней диссертацию защищал... Я был директором музыкальной школы, директором консерватории и музыкального училища. Вот я там был... Потом почему-то меня всё выше и выше... А теперь переслали в институт меня... Это как сказать?.. Я шёл выше, выше, да? А теперь опять понизили? Зачем – не знаю! Был в Японии я. В Корее. В... Ладно! Я остановился... Да, – на музыке! Ага! Вот, слушайте! Каждый пхальчик должен бить по нотам, как курочка клюёт. Курочка медленно – тюх... тюх... тюх!.. Курочка быстрее и быстрее – тюк-тюк-тюк!.. И он должен вот... Каждый знать своё место! И нота! Как женщина! Вот... Нота!.. Да? Это как будто тело женщины. Да? Клавиши! Клавиатура! Это вот... Женщину вот гладишь в этом месте... Да? Ей нравится. А в этом – ей не нравится. Понимаешь, какая взаимосвязь-то, а? Вот так ты должен понимать это вот... Вот! Хотя, честно говоря, женщин не люблю... Я... В

молодости мне так говорили: “Хорошо относись!”. Я хорошо относился... У меня было две жена. Сейчас с третьей живу. У меня четверо детей... Алименты я платил... Уже не плачу. Взрослые дети! Один у меня дитё учится в Москве. В училище. Он будет... слесарь. Вентиляционник! В Алма-Ата будет работать. Вот! Человек занимается своим делом. Он с детства у меня, вот, изолента... Знаешь? Вот! Провода скручивал!.. Я его туда отправил... У меня там друг живёт и учится... Хороший друг... Вот!.. На чём я остановился?

– Пальцы! Пальцы!..

– Вот!.. Как курочка клюёт... А! Насчёт женщин! Я очень уважаю их... Но честно говоря... Я не знаю, где это мне кто-то рассказал... или я где-то вычитал, да? Вот трамвай знаешь, да? Ходит! Вот у него одна линия – круг! Да? Иногда трамвай же сходит, да? С рельс! Вот... смотри!.. Ты стоишь на остановка... Прошёл трамвай. Да? Ты вот как-то на него посмотрел так... он ушёл – за ним не надо бежать... Следующий подойдёт! Так же и женщина. Ты стоишь... Вот она к тебе приходит, да? Ушла – за ней не надо бежать. Следующая придёт! Бывает там, один трамвай сойдёт с рельс... Так же и женщина – одна уйдёт куда-нибудь... Но потом второй же пустят, а? Из другого троллейбусного... трамвайного парка. Так ведь? Так? Понимаешь меня? Так?

– Да-да! Так-так!

– Пустят же другой! И вот так будет постоянно. Постоянно! Ты стой на месте. Как истукан! Ты стоишь на месте и ждёшь своего трамвая. Пока твой трамвай не подойдёт и не остановится на этом месте. Так остановится, что он с места не сможет сдвинуться. Или около тебя сойдёт с рельсов... Что больше без тебя не может... Вот тогда... Так же и женщина. Понимаешь, политика?.. Вот моя... Ладно! Ты умный очень мальчик. Я тебе даю тема диссертация: “Творчество Абая в понимании этого... времени!.. Двадцатого века!”. Ты должен написать четыре вопроса по этой теме и, если они мне понравятся, я выпишу эти вопросы... ты найдёшь материал... Я тебе дам... У меня в двух страничках это всё написано, честно говоря... Гениально, как у Эйнштейна! Я поэтому готовил... Как ты мыслишь, я хочу посмотреть!

– Я мыслю так же, как вы!

– Правильно! Это очень хорошо! Потому что я на этом вот диссертацию получил. Я – доцент! Вот так вот. Не веришь, да? Хочешь, покажу? Вот – смотри... документ... а на нём написано: “Мамын Мамянович – доцент”. Ты, значит, пишешь... А вот на втором курсе, да? У меня есть ученик... Если что непонятно будет, да?.. Вот мой ученик... К нему... Сейчас я его приведу...

Представляете, спокойно выходит из класса, снимает с занятий ученика и приводит его. Вот оно! смотрите все на него!

– Это мой ученик. Я им горжусь! Он закончил у меня два класса, а играет за семь классов, да? Вот он... семь не кончал, как все, да? Диплом не имеет. Два класса кончил – играет всё! Садись! Давай, как я тебя учил...

А пацан, видимо, умный, серьёзный. Подыгрывает учителю вовсю. Ну как я! Задумался так, сосредоточился и...

– Мамын Мамынович, я почувствовал!

– Во! Он эту пианину почувствовал, как женщину! Контахт есть?

– Есть, Мамын Мамынович!

– Давай!

И ученик играет песнь Абая. Всё ту же. Понимаете?

Мамын Мамынович садится вот так вот в полном умилении:

– Ай, хорощё-ё! Ай, хорощё-ё! А ну-ка давай другую! Ложи руки на пианину! Есть?

– Есть!

– Давай!

И ученик играет другое: “Песнь Онегина к Татьяне”. Тоже Мамаю... Ой, то есть этого... как его... Абая! Сам Мамын ходит и ритм выстукивает:

– Чувствуешь, ритм какой точный у Абая? Он не умел... он не умел писать ноты... Это всё вот так вот переходило... всё вот так из людей... И вот вышло! Гениальный был человек! Кстати, мои родственники знали его. Это мне делает большую честь... Ну, ладно... Ты (ученику) иди на уроки, а с тобой мы в следующий раз встретимся. Хорошо?

И вот я к нему третью неделю хожу на занятия, а завтра пойду к нему в гости. Он оставил записку в классе: “Юра Микельбанд, приходи ко мне в гости. Чай будем пить. Третья жена познакомлю. И пианина ждёт!”. У него ассоциации: пианино – это женщина, женщина – это трамвай. Он везде находит такие сравнения. Добродушный-добродушный! Там:

– Мамын Мамынович, можно, я не приду на урок?

– Пожалуйста, пожалуйста! Как твоей душе угодно! Я понимаю тебя! Вот сердце не лежит сегодня, да? Не надо насиловать себя! Это плохо, когда сам себя насилуешь. Я помню третий класс, да? Я учился вот в ауле, да? Знаешь аул, да? Что это такое... Я в юрте жил. Вот не хотел ходить, да? На русский язык! Хотя сейчас сожалею... Плохо говорю по-русски... но не хотел ходить, да? И вот у нас учитель был. Не насилуй, говорит, себя. Не насилуй! Когда само придёт – вмиг! Так и всё. То же самое женщина. Вот нравится тебе женщина, а какое-то отвращение вот есть... Вот не знаешь почему, да? Не надо себя насиловать и её тоже! И ей плохо сделаешь, и себе. А когда видишь, что у обоих контахт, тогда пожалуйста... Вот ты всё с себя отдашь... И она тоже...

Шарах! Двойная автобусная кишка прижала меня к бордюру, а там переднее колесо попало в канаву. Я в одну сторону, велосипед чуть ли не под колёса, а футляр со скрипкой, торчащей из рюкзака за спиной, больно ударил по голове.

...Тель-Авив!..

Тель-Авив!

Настроение испортилось... Но ненадолго. Такой день сегодня! И десяти минут не пошакалил, как кто-то бросил в футляр бумажку. Развернул – пятьдесят шекелей! И хотя за последующие два часа часа накидали всего шекелей двадцать, я уже улыбался до самого дома. Пятидесятку-то бросили именно за “Песнь Абая”. Не за ту, про которую рассказывал Юра, а за настоящую. Авторскую на сто процентов. “Черноокая” называется!

Магическая мелодия, господа!..

(Звучит песнь Абая.)

Письмо двадцать пятое

ФИГА

Еврей должен производить впечатление! Не важно какое, но должен!

Это не моё мнение. Я вообще считаю, что никто ничего не должен. Но если хочешь – пожалуйста!

Так вот, я опять о том же, надоевшем до чёртиков, – о деньгах! Через них евреи большое впечатление производят. Иногда и не поймёшь – евреи деньги делают или деньги евреев.

Один так прямо и высказался:

– Я оргазм только в одном случае испытываю. Когда чек получаю!

Вот это еврей! Высший сорт!

А я так себе... И вообще не еврей, а сын еврея, что и там и здесь до неприличия ущербно. Хотя денег хочется... Вернее, даже не хочется, а просто нужно позарез. Тем более, что работать как лошадь я уже не могу, а кушать ещё не разучился. Да и квартира съёмная.

Беда! Просто беда!..

А тут ещё Наум, друг сердешный, продолжает душу травить. То там крупно подработал, то тут отхватил кусок. И всё между прочим. Слегка! Проходя мимо! Без науги! Даже билет лотерейный купит – выигрыш! Не очень большой, но всё-таки...

– Хорошая страна Израиловка! – вскрикивают его домочадцы.

А что ж плохого? Я хоть и сын еврея, но не спорю. Однако как куплю тот же билет – фига!

– Надо невинно желать. Невинно! – не унимается Наум. – И не суетись! судьба нервных не любит!

А кто нервный? Я? Да ни в одном глазу! Пропади пропадом эта лотерея вместе с её кукольными киосками! На каждом шагу эта зараза. Как сыпь! Взять, к примеру, ту неделю. Восемь миллионов разыгрывали. Наум опять загрёб. Полторы тысячи. А я – всё ту же фигу...

– Все невинно желали? – спрашиваю своих.

Молчат. Уже даже не оправдываются.

– А мой? – наконец интересуется дочурка.

Уже не маленькая, а такая же крикливая, как и раньше.

– Твой – брак, – говорю. – Вот он! Я его и не передавал на регистрацию в киоск. Так в кармане и лежал. Не слушаешь отца! Всё сама, сама... Это же явно из упрямства и назло мне ты почти во всех ячейках свои дурацкие пять, семь, десять, тринадцать, двадцать восемь и сорок пять подчеркнула. А выиграли, чтоб ты знала... вот тут у меня есть... пять, семь, десять, тринадцать, двадцать восемь и сорок... пять... Есть! Есть!.. Ужас!.. Ужас!!!...

Мда... Что было, что было!.. До сих пор не прошло... Такое и нарочно не придумаешь... А всё потому, что сын еврея – не в масть! Сукин сын – и то лучше!..

А вон и Наум пришёл. Чистопородный! Сейчас опять будет тюльку гнать про несметные богатства и демократию.

– Шолом, Науша!..

ДОРОГА В РАЙ

Дорога в ад (если он есть ещё где-нибудь, кроме как здесь – на этом свете!) вымощена не просто благими намерениями, а навязанными. Поэтому продажа моих книг мной больше похожа на эстрадное представление, чем на здоровый рыночный акт через посредников и издателей. Но что поделаешь? Тиражи маленькие, имени нет, а книжные магазины в случае продажи, даже если и есть имя, дают только тридцать процентов от продажной цены, что при маленьких тиражах ниже себестоимости. Вот и бегаю... Когда-то я так же продавал картины, и хотя и тогда сахара было не много, но теперь – особенно! Своё – есть своё! То есть обид и неожиданностей гораздо больше...

– Купите книги! – не навязываю я, а предлагаю. – Это супер-товар! они не портятся и не превращаются уже на другой день во вчерашнюю пищу. И чем дольше будут у вас, тем вам будет лучше. Это волшебные книги! Вы, главное, купите! Читать – не обязательно! Эти книги – для всех и для каждого! Даже для неумеющих и нежелающих читать! Они будут у вас лежать и распространять счастье...

– Маня! – звучит из глубины очередной квартиры. – Дай ему тридцать шекелей. Иначе он не уйдёт!

– Не надо меня искажать! – обижаюсь я. – Я уйду и так. Но тридцать шекелей это ускорит...

Цирк!

Но с самовнушением!

– Не комплексовать! – крутится в голове. – Это занятие не денежное. Раз рынок, так рынок. Какой бы он ни был. Тем более что не будет денег – не будет и новых шедевров. Не для нас басни о том, что если шедевр, так сразу и слава и деньги. Чаше слава после смерти, а деньги кому попало. Обидно, конечно! Политикашка какой-нибудь накаркает гадостей на своих вчерашних друзей и соратников – и миллионы у него в кармане. А тут, можно сказать, слово Божье пытаешься донести, а даже тридцатку не выцарапаешь на прокорм и компенсацию затрат на издание.

Вот на пороге желчный мужик с красными глазами и кипой на макушке.

– У меня всё есть! – говорит он мне гордо. – И машина, и квартира, и вилла. Мне ничего не надо. Тем более твой хлам!

– Хлам? – удивляюсь я. – Вы ещё не читали ни строчки, и уже хлам? Да к вам завтра Бог придёт, и вы посмеётесь над ним и выгоните его. Он же опять скрижали принесёт. Каких-то несколько некоммерческих предложений...

– Бог? – давится мужик. – Ты – Бог?

Но меня не догнать. Дом новый, пятнадцатизэтажный. Где-то через два этажа он и отстаёт. Потому что полезно для сердца регулярно бегать по лестницам. Хотя одышка иногда и появляется. Особенно когда убегаешь от клиента. Раньше было хуже. Коробка с картинами мешала. А теперь летишь, как пёрышко.

Долетел!..

Две бабки только дверь приоткрыли – и:

– Иди к чёрту! Бродят по подъездам всякие!..

Другая тоже:

– Не морочьте мне голову!

– Так я ещё и не начал...

– Только попробуй!..

А какой-то мрачно-брюнетистый набрасывается на меня, как на любовника своей жены:

– Чё надо? Чё?..

Я ему книжки, как быку красные тряпки, сую:

– Узнаёшь?

– Чё? Кто?

– Это я. На обложках. А это я здесь – перед тобой. Живой, но ещё не признанный классик классиков!

– Ну и чё?

– А то, что тебе в детстве колыбельные пели? “Спи, младенец мой прекрасный, баюшки-баю...”.

– Ну и чё?

– Значит, эти книжки – для тебя!

– Ты на что намекаешь? На что?..

– Господи! На что я намекаю! Сейчас только на то, чтобы ты купил. Умные книги. Весёлые! Понимаешь, – духовная пища! Люди выздоравливают, читая их! Вот эта – всего пятьдесят шекелей и на всю жизнь! А эта – двадцать. И в каждой есть что-то из другой...

– Не надо! – вращает белками этот кавказский орёл.

– Не сомневаюсь! – не выдерживаю я.

– Ты на что намекаешь? На что?..

Но я уже убегаю. Проблеск интеллекта ещё опаснее, чем его полное отсутствие.

Правда, бывают исключения. Один притворился коренным израильтянином. Лопочет что-то на иврите, а рожа рязанская. В два обхвата!

– Ну что вы притворяетесь? – говорю я как можно мягче. – Я же вижу, что вы знаете наизусть всего Лермонтова и половину Маяковского. И из Есенина наверняка вот это: “Многим ты садилась на колени, а теперь сидишь вот у меня!”. Да на вашем лице все дороги России пропечатаны намертво!

– А на твоём? На твоём что – Америка? – раскрывается израильтянин.

– На моём – полное расположение и симпатия к вам! – окончательно разворачиваюсь я нужным боком. – Человек со вкусом и интеллектом, вопреки сказкам про массово умных и талантливых евреев, – такая редкость в этой ветхозаветной пустыне!

– Сколько?

– Вот эта пятьдесят, а эта...

– Беру обе!

Есть продажа! Поехало! Пошло дело!..

В одной квартире в полутьме в огромном кресле на чистой простыне перед телевизором сидит здоровенный дог. Он внимательно смотрит на экран, а на меня – ноль. И только я надумал ретироваться, как:

– Гав!

– Ты что, собака, что ли? – удивляется хозяин. Дог стыдливо тупится и поводит головой справа налево и опять направо.

– Как зовут вашего пёсика? – начинаю я льстиво.

– Это не пёсик!

– А кто?

– Дог Владимир!

– Вот для него мои книги как раз! – пытаюсь пошутить я.

– Вполне возможно, – так серьёзно говорит хозяин, что мне становится не по себе. – Вот вам пятьдесят! Пишите: “Догу Владимиру от автора”.

С ума сойти, но я подписываю...

И, наконец, в последней на сегодня квартире весёлый и лысый толстячок вслух и с восторгом читает название книг: “В Израиле всё спокойно...”, “Любимец Израиля”...

Убежал.

Жду в растерянности.

Прибегает с деньгами и ручкой.

– Подпишите!

– Как вас зовут?

– Израиль Абрамович!

Финиш!

Фейерверк, аплодисменты, счастье и новые шедевры обеспечены!..

Lapidusya@mail.ru